

ЕПИСКОП САРАТОВСКИЙ И ВОЛЬСКИЙ
ЛОНГИН

ЧЕЛОВЕК
НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ
БЕЗ БОГА

Статьи, беседы, ответы на вопросы



САРАТОВ · 2010

ББК 86.372
Е67

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин.

Е67 **Человек не может жить без Бога: статьи, беседы, ответы на вопросы / Епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин).— Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2010.— 367 с. ISBN 978-5-98599-080-5**

В сборник вошли статьи и интервью Епископа Саратовского и Вольского Лонгина, посвященные актуальным проблемам церковной жизни, взаимоотношениям Церкви, государства и общества, а также ответы Владыки на вопросы современных христиан. Статьи и беседы публикуются в авторской редакции, выполненной специально для этого сборника.

ББК 86.372

ISBN 978-5-98599-080-5 © Епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин), 2010
© Издательство Саратовской епархии, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дело духовного просвещения для Русской Православной Церкви является сегодня приоритетным — это подчеркивает во всех своих выступлениях Епископ Саратовский и Вольский Лонгин. И в Саратовской епархии это утверждение находит реальное воплощение в жизни: издаются епархиальные и приходские газеты и журналы; поддерживается один из наиболее посещаемых в рунете православный интернет-портал; создаются молодежные объединения; работают воскресные школы для взрослых и детей; укрепляется сотрудничество со школами и вузами.

Один из наиболее значимых элементов просветительской и миссионерской деятельности епархии — проповедь. И Владыка постоянно обращается с отеческим наставлением к своей многочисленной пастве не только с амвона, но и через современные СМИ: дает интервью, принимает участие в радио- и телепрограммах, он-лайн конференциях; общается с интернет-пользователями: на информационно-аналитическом портале Саратовской епархии «Православие и современность» уже много лет существует раздел «Вопрос архиерею».

А вопросы, которые задаются сегодня архиерею Русской Православной Церкви, весьма разнообразны. И все же в основном почти все они об отношении Церкви к явлениям современного мира, определяющим нашу жизнь, как внешнюю, так и внутреннюю; о том, как стать христианином вопреки всеподавляющему потребительскому духу времени, когда все ширится пропасть между тем, что требует от нас секулярное общество, и тем, что ожидает от нас Господь. Для христианина важно соотносить свое понимание злободневных проблем с позицией Церкви, чтобы во всех обстоятельствах

жизни хранить веру православную, хранить нравственную чистоту, семейную традицию и преданность своему народу и Отечеству.

В сборник «Человек не может жить без Бога» вошли статьи и беседы Епископа Саратовского и Вольского Лонгина, а также его ответы на вопросы посетителей портала «Православие и современность» и корреспондентов разных изданий: информационных агентств «Интерфакс», «СаратовБизнесКонсалтинг», «Взгляд-инфо», федеральных и региональных выпусков газет «Известия», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», журналов «Альфа и Омега», «Фома», «Нескучный сад», «Православие и современность».

По мнению Владыки, величайшая ложь нашего времени — утверждать, что мы живем в постхристианскую эпоху, то есть в мире без Бога, ибо Господь *вчера и сегодня и вовеки Тот же* (Евр. 13, 8) — всегда с нами. Вот только как мы будем жить, каждый человек решает для себя сам. И слово Владыки да поможет кому-то преодолеть барьер на пути к воцерковлению — на пути к Богу, кому-то поможет сделать главный жизненный выбор: с кем он?

Игумен Нектарий (Морозов)



СТАТЬИ И БЕСЕДЫ

БЕСЕДА О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ¹

Странное время

Мы живем в очень странное время. Его называют сложным, его называют благодатным, его называют временем возрождения, но уместнее всего было бы назвать наше время странным. Как никогда увеличилась пропасть между верой, благочестием и тем, что происходит в мире. С одной стороны, мы должны радоваться тому, что открываются храмы, что в Церковь приходят новые люди. Ведь многие сегодня сознательно пришли к Богу уже в зрелом возрасте. И в то же время мы видим, как мир меняется в худшую сторону: множество людей живет в атмосфере, еще более тяжелой и удушающей, чем в советские годы.

Все это, конечно, накладывает отпечаток и на церковную жизнь. Мы пытаемся восстановить церковную традицию после многолетнего разрыва. Наша Церковь переживает состояние разобщенности поколений, отсутствия преемственности. Наверное, в меньшей степени это проявляется в служении священническом, в большей — в жизни монашеской.

¹ Беседа с настоятелем Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в Москве архимандритом Лонгином (Корчагиным) состоялась в мае 2003 г., вскоре после того как Постановлением Патриарха Алексия II и Священного Синода ему было определено быть Епископом Саратовским и Вольским.

Монашество — это особое служение в Церкви Божией; это жизнь в Боге, которая требует научения от людей, в свою очередь опытно познавших и перенявших ее у своих предшественников. Мы знаем, что в советские годы монашеская жизнь лишь едва теплилась: существовало несколько действующих монастырей, где образ жизни, отношения между насельниками часто были обусловлены внешними обстоятельствами. Традиции даже дореволюционного монашества во многом были утрачены.

Я говорю «даже», потому что и до революции монашескую жизнь в России далеко не во всем можно назвать благополучной: она была очень сильно повреждена. Об этом писали и великие наши подвижники, такие, как преподобные оптинские старцы и святитель Игнатий (Брянчанинов). Сегодня в церковной среде сохраняются представления о Российской империи, о Церкви и русском монашестве того времени как о высоком, недостижимом идеале, к которому нужно стремиться всеми силами. Это программа-максимум для очень многих людей. На самом деле идеализация здесь неуместна: и революция 1917 года, и смена общественного строя, и изменение отношения к Церкви были бы невозможны, если бы в течение десятилетий, даже столетий, в русской церковной жизни не накапливались ошибки, хотя внешний ее облик был очень величественным.

Вероятно, поэтому сейчас мы видим повышенное внимание к внешней стороне церковной жизни, восстановлению храмов в их былом благолепии. Есть в этом, наверное, некоторые перегибы: например, когда отливают огромные колокола, возводят высочайшие колокольни. Храмы строить нужно:

храмостроительство сегодня — это одна из главных задач, но в большей степени необходимо обращать внимание собственно на церковную жизнь, на проповедь Евангелия, жизнь христианскую, чем на внешнее благоустройство, которым мы зачастую с таким усердием занимаемся. Как сказано в Евангелии: *и сие надлежит делать, и того не составлять* (ср.: Мф. 23, 23). Важно найти золотую середину, царский путь, чтобы сохранять и приумножать материальное и в то же время еще более заботиться о становлении духовном.

Сегодня, слава Богу, для нас открывается опыт подвижников других Церквей. Мы долгие годы находились в изоляции. Зная, что существуют Православные Церкви в Болгарии, Сербии, Румынии, Греции, мы не имели возможности ознакомиться с их опытом, а он очень интересен, поскольку там люди живут в иных условиях, нежели мы. Греки, например, не пережили тех испытаний, которые пережила Россия в XX веке, и у них очень многое сохранилось буквально в нетронутом виде.

Сейчас стали известны наставления известного афонского подвижника старца Паисия² и иных греческих отцов, и не знаю, как других, а меня, когда я читал, например, книги старца Паисия,

² Схимонах Паисий Святогорец (Езнепидис; 1924–1994). Широко почитаемый ныне подвижник, один из известнейших духовников Святой Горы. Родился в турецкой Каппадокии. В 1945 г., во время гражданской войны в Греции, был призван в действующую армию, где служил три с половиной года. В 1954 г. принял монашество на Афоне. С мая 1978 г. жил в келии Панагуда монастыря Кутлумуш, куда к нему приходили тысячи людей. Скончался и похоронен в Свято-Иоанно-Богословском монастыре близ Суроти. Наставления старца Паисия, записанные его духовными чадами, многократно издавались в России.

неожиданно поразила одна мысль. Я вдруг осознал, что перед нами человек того же поколения, что и наши ветераны Великой Отечественной войны. Поколение 1940–50-х годов у нас — это люди, которые в большинстве своем остались вне Церкви, а тут мы видим старцев, тоже воевавших во время Второй мировой войны против фашистской Германии. Для меня это явилось показателем того, насколько непрерывна была монашеская традиция там, по сравнению с тем, что осталось у нас. Да, духовник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов) также был на войне, защищал Сталинград, но он находился совсем в другом общественном и духовном окружении, потому что это было время борьбы с верой, с Православной Церковью и, естественно, ожесточенной борьбы с монашеством.

Многие, со вниманием и любовью читая книги о современных греческих подвижниках, часто впадают в крайность: начинают видеть массу недостатков в нашей жизни и думать, что у нас все плохо и ничего хорошего быть не может. Я знаю некоторые монастыри и общины, которые пытаются воспроизвести в России все то, о чем говорится в этих книгах. Сразу хочу сказать, что мое отношение к этому таково: дух надо перенимать, а идти путем внешнего подражания нельзя, так как мы живем совсем в других условиях, и то, что возможно для греков, порой совершенно неприемлемо для нас. Это касается и их образа жизни, и Устава (например, устава о посте), который у нас соблюдать труднее, да и просто того совершенно уникального явления, которое называется Святой Горой Афон.

У нас никогда ничего подобного не было и не будет, тогда как для Греции это особая террито-

рия, которая, можно сказать, руководит духовной жизнью страны и всей Греческой Церкви. Для нас посетить Афонскую Гору — это подвиг, очень сложное и дорогое мероприятие. А в Греции практически каждый ее житель может спокойно съездить туда, посоветоваться со своим духовником, подвизающимся в том или ином афонском монастыре, исповедаться.

Кроме того, почти у всех святогорских обителей есть свои метохии — подворья в городах, куда с Афона регулярно приезжают известные духовники, для того чтобы духовно окормлять и женщин, которые по уставу Святой Горы не могут сами туда попасть. Таким образом, Святая Гора — это основной фактор жизни греческого монашества и Элладской Церкви, в то время как для нас это — образ далекий и очень возвышенный. Поэтому нам недоступно многое из того, что доступно христианам Греции.

Я думаю, что у нас может и должно произойти возрождение монашества, так как есть на то воля Божия, судя по тем изменениям, которые происходят сегодня в нашей стране. Суть монашеской жизни во все века, несмотря на меняющиеся обстоятельства, всегда остается одинаковой. Это жертвенное служение Богу и ближнему. От того, насколько мы сумеем сохранить его применительно к тем условиям, в которые поставил нас Господь сегодня, и зависит возрождение подлинного монашества.

Монашество невозможно без послушания, смирения, отвержения себя и готовности нести скорби. Сегодня мы не переносим тех лишений, которые терпели подвижники древности: мы сладко едим, мягко спим, у нас есть бытовые удобства,

вокруг нас много людей, мы не живем в пустыне. Тем не менее все то, что упомянуто в монашеских обетах,— терпение скорбей, гонений, испытаний, искушений — Господь дает каждому человеку, желающему идти монашеским путем. Терпение скорбей, особенно душевных, восполняет все, что не дано нам обстоятельствами нашей сегодняшней жизни. Наверное, это знакомо каждому желающему стать монахом и каждому избравшему монашеский образ жизни, и думаю, это как раз то, чем Господь испытывает нас и помогает нам возрастать. И если человек готов принять это от Бога безропотно, безоговорочно, как крест, тогда он сможет стать настоящим монахом в любых условиях, в какие бы ни поставил его Господь.

Вот в двух словах то, что я могу сказать. Теперь я готов ответить на вопросы.

— Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли к вере и Православной Церкви? Почему Вы выбрали именно монашеский путь?

— Я пришел к вере и Православной Церкви сам, в сознательном возрасте. Но произошло это благодаря моей бабушке, которая в далеком детстве, тайком от всех водила меня в храм и причащала. И когда у меня примерно в девятнадцать лет начали возникать вопросы, волнующие, наверное, любого молодого человека,— о смысле жизни, о смерти, о Боге, я уже знал, что эти вопросы решаются в Церкви.

У меня были знакомые, которые ходили на баптистские моления. Однажды они привели туда и меня. Я посидел, посмотрел: весело, и все очень

напоминает комсомольское собрание. Хотя там было много молодежи, мне все равно не понравилось, и, когда у меня возникла внутренняя, душевная потребность обретения истины, я просто снова стал ходить в церковь. Опять же благодаря бабушке, я знал, что есть вечность, есть Церковь: я просто вернулся сюда, но уже сам, осознанно. Тогда я учился на филологическом факультете университета и одновременно работал экскурсоводом и учителем в школе.

Постепенно у меня созрела мысль стать священником. Я жил с мамой, у меня была отсрочка от призыва в армию, но, для того чтобы поступить в семинарию, нужно было отслужить. И я пошел в военкомат, написал заявление с просьбой призвать меня на военную службу. Естественно, на меня смотрели как на сумасшедшего, потому что и в те времена не многие стремились служить. Я отслужил в армии полтора года и под конец даже убежал с лейтенантских сборов для того, чтобы успеть подать прошение в семинарию, и поступил в Московскую Духовную семинарию.

Лавра меня потрясла; она произвела на меня настолько глубокое впечатление, что через год я просто пошел и написал прошение в монастырь, может быть, даже еще не вполне понимая, что это такое. Правда, я прочитал тогда «Лествицу», и эта книга меня всего перевернула: я был так поражен открывшейся мне глубиной проникновения в человеческую душу, что сказал сам себе: «Никакой художественной литературы читать больше не буду, потому что ничто не сможет с этим сравниться».

Так я пришел в Лавру и стал монахом. Был 1986 год, только-только начались какие-то веяния свободы, стали разрешать принимать в Лавру людей в большем количестве, чем раньше. И благодаря этому отец Наместник, теперешний Митрополит Тульский и Белевский Алексей, очень активно принимал и постригал братию. Я пришел на Светлой седмице, а уже на Казанскую меня постригли. Это, конечно, против существующих правил, но такое уж тогда было время, и я благодарю за это Бога и Владыку.

После семинарии поступил в академию и был отправлен учиться в Болгарию.

Закончив учебу, вернулся в Лавру, на лаврские послушания, а через несколько месяцев получил назначение в Москву, на Подворье. Но, собственно, Подворья тогда еще не было: с Божией помощью мы начинали его восстанавливать, можно сказать, с нуля.

— Как происходит формирование внутренней жизни насельника Троице-Сергиевой Лавры? Каковы ее духовные традиции?

— Лавру было разрешено открыть после войны. Первоначально там собрались замечательные люди, прошедшие сталинские лагеря, множество испытаний. Это были настоящие алмазны духовной жизни. Но вновь открытая Лавра была задумана тогда советской властью как центр, который демонстрировал бы всему миру лояльность власти к Церкви. Так Лавра стала не только духовным, но и в своем роде представительским центром Русской Православной Церкви.

Иностранные делегации в советские годы возили во все монастыри: так демонстрировалась

толерантность властей по отношению к Церкви — толерантность, которой на самом деле не было. Во всех монастырях власти пытались каким-то образом контролировать жизнь братии и в той или иной степени осуществлять ее подбор. И тем не менее, несмотря на все усилия соответствующих органов, в монастырях все-таки были настоящие монахи, они спасали свои души и помогали тем, кто приходил к ним.

В последние годы в Лавре произошло очень много изменений. Прежде всего резко увеличилось число насельников: сегодня их, по спискам, около трехсот человек. Управлять таким огромным братством непросто. И тем более это трудно, если нет старца, вокруг которого собираются люди, которому все они доверяют и у которого исповедуются, даже не только у него одного, но и у близких его учеников. Например, на Афоне есть несколько многолюдных монастырей по шестьдесят, по семьдесят человек, духовной жизнью которых руководит старец, некогда начавший это братство собирать; а вокруг него — несколько духовников, его близких чад, совершенно единомысленных с ним по духу. И они вместе окормляют братию. Тогда складывается одна духовная семья.

И все же Лавра — удивительный организм; там всегда было много людей высокой духовной жизни, есть они и сегодня.

Еще один важный момент: многие нынешние архиереи — выходцы из Лавры. На моей памяти немало людей, уже состоявшихся в монашестве, призывалось к служению в епископском сане. Некоторые из них являлись опытными, настоящими

духовниками и остаются ими сейчас, будучи уже архиереями. Естественно, постоянный отток наиболее подготовленных людей не может не приводить к определенному нарушению традиций и преемственности.

— **Насколько все зависит от послушника, от его желания найти себе руководителя или советника, единомысленного брата, или же, напротив, быть предоставленным самому себе и жить самолично?**

— Везде и всегда это зависит от человека, потому что если сам человек не проявляет желания, то никакое наличие руководителей не спасет. Каждому из нас надо навсегда запомнить: не будет так, что кто-то возьмет нас за руку и поведет прямо до Царствия Божия. Человек сам должен трудиться, в любых условиях, а если он трудится, Господь ему всегда поможет.

— **Случается ли, что люди оказываются вынуждены покинуть братство?**

— Да, такое случается; нестроения, к сожалению, возможны везде, где есть живые люди.

— **Возможно ли в таком многолюдном монастыре, как Лавра, единокровные братии, ведь часто возникают различные группы, по-разному понимающие пути спасения? Что бы Вы предпочли сами, если бы выбор зависел от Вас: жить в многолюдной обители, с определенной сложившейся традицией или в малочисленном монастыре с простым, ищущим спасения братством?**

— Да, в многолюдном братстве такое бывает: возникают различные группы, и это, конечно, задача настоятеля монастыря — сделать так, чтобы между ними не было антагонизма, в противном случае все

развалится. Что касается меня, то я не предпочел — меня отправили в Москву, и так волей Божией я уже не живу в монастыре с определенными сложившимися традициями, то есть в Лавре. Однако те годы, которые я провел в ее стенах, дали мне все, что я имею, и я очень благодарен за это Богу и преподобному Сергию.

Вообще Лавра — мой дом. В свое время, как я уже упоминал, я четыре года учился в Болгарии, и у меня была возможность приезжать в Россию на каникулы и зимой, и летом. И я ни разу не ездил к себе домой, к маме, но сразу ехал в Лавру, для меня это и был именно родной дом.

Да, наверное, в жизни Лавры есть недостатки, но я помню ту Лавру, в которой были братия, очень крепкие духовно, помню старых монахов, которые относились к послушникам и очень строго, и в то же время с большой любовью. Лавра для меня всегда будет самым дорогим местом на земле. Я всегда буду с радостью туда приезжать. Думаю, всякому, кто бывал в Троицком соборе, знакомо чувство, охватывающее человека, когда он молится у мощей преподобного Сергия. Это величайшая святыня. Хотелось бы, чтобы вместе с этим было еще и идеально благоустроенное братство. Но, наверное, ничего идеального на свете нет. Повторяю, можно говорить о недостатках, но при этом в Лавре так много духовно высокого и благодатного, что для каждого из нас этого вполне хватит.

— **Если человеку трудно жить, например, в Лавре, какой необходим настрой и правило поведения, чтобы все-таки там спастись?**

— Правило — молиться преподобному Сергию, если хочешь спастись в Лавре. А настрой такой:

всех слушаться и верить, что если хочешь спастись, просишь этого у Бога и готов терпеть до конца те условия, в которых находишься, Господь поможет даже в самом неблагоприятном месте. А Лавра сегодня — это хорошее место.

— **Какие положительные и отрицательные стороны Вы видите в обучении в духовных учебных заведениях?**

— Положительно то, что человек получает систематическое богословское образование, систематические знания о вере и впоследствии может дать отчет в своем уповании (см.: 1 Пет. 3, 15). Отрицательные стороны также есть, как и в любом другом человеческом сообществе, учреждении, организации. В целом я считаю, что учиться необходимо, особенно если речь идет о молодом человеке.

Ежедневное распятие себя...

— **Разделяете ли Вы мнение о том, что сейчас, по сути, любой монастырь призван к миссионерскому служению и промыслительно то, что большинство монастырей находятся в городах? Или Вам ближе те, кто считает, что монах должен проводить уединенное жительство вдали от людей, сосредоточившись на молитве и внутренней жизни?**

— Да, каждый монастырь сегодня призван к миссионерскому служению. Я совершенно согласен с этим. Хотя, конечно, монаху очень хорошо жить в уединении на лоне природы, но нынешнее время призывает нас всех быть миссионерами. Я знаю несколько монастырей, которые находятся в глухих лесах, но и в них монашествующие тоже вынуждены заниматься миссионерской деятельностью, выходить в ближайшие населенные пункты,

общаться с людьми, учить детей, помогать им прийти или возвратиться к вере.

Мы должны проповедовать, показывать пример своей жизнью и сколько есть у нас сил, отдавать их людям. Для современного человека, особенно рефлексирующего, склонного к углубленному, даже не самоанализу, а самокопанию и самоедству, с которыми, к сожалению, мы часто сталкиваемся, такая активная деятельность ради людей будет очень полезна. Она поможет ему забыть о себе, в хорошем смысле этого слова,— забыть не о своем спасении и о своей душе, а об этом самокопании и комплексах.

Я все больше убеждаюсь в том, что человек подвержен двум болезням, или, иначе говоря, две пропасти подстерегают нас по обе стороны монашеского пути. Это, во-первых, нерадение, когда человек начинает искать себе в монастыре место, где можно удобно устроиться, где накормят, напоят, где можно поспать, где есть какие-то привилегии, хотя, конечно, и надо работать. И можно, так устроившись, прожить всю жизнь.

Другая крайность — это когда человек очень активно берется за «внутреннюю духовную жизнь» и в результате просто утопает в тончайших движениях своей души, пытаюсь в них разобраться. Хотя преподобный Иоанн Лествичник давно сказал, что новонаначальному монаху не полезно пристальное рассматривание и тонкое различение помыслов, и это все читали, но не все могут применить на практике. И потому, если человеку приходится трудиться и отдавать себя людям, это как раз очень помогает, приводит его в некое равновесие.

— **Какие добродетели для монаха вы считаете основополагающими, без каких добродетелей он не может состояться?**

— Это послушание, смирение, ответственность.

— **Что Вы понимаете под ответственностью?**

— Ответственность — это когда не хочется идти, но надо — и идешь. Тяжело, плохо, больно, но надо — и идешь. Можно было бы на другого переложить, потому что устал, но помнишь, что другой тоже устал, и поскольку ты все-таки устал меньше, то идешь за этого человека. Я так это понимаю.

— **Какие духовные опасности, подводные камни в современных монастырях и окружающем мире, на Ваш взгляд, могут более всего повредить новонаначальному послушнику?**

— Это очень обширный вопрос. В двух словах на него ответить сложно. Например, в воссоздаваемых монастырях такой опасностью является постоянная занятость стройкой и ремонтом. Это наша общая беда, и я тоже немало вздыхаю по этому поводу, но все-таки надеюсь, что мы не только стройкой заняты, а пытаемся и чему-то другому уделить время. Проблемой, конечно, являются также и эти кампании, связанные с ИНН, переписью населения, паспортами и т.п. Все это очень грустно наблюдать.

Но, наверное, самая большая проблема в современном монастыре другая. Не так давно я беседовал с одним духовно опытным батюшкой, и мы пришли относительно этой проблемы к единому мнению. Человек приходит в храм, в монастырь, он горит желанием отдать всего себя, без остатка Богу и Церкви, готов распяться сегодня же и в

прямом, и в переносном смысле. Например, каждый, кто приходил к нам, был преисполнен этого чувства горения и самопожертвования. Оно во многом душевно, характерно именно для новоначальных, естественно и совершенно понятно. И я всегда считал, что моя задача — помочь преобразовать это чувство в постоянное, ровное отношение к своему долгу, своему призванию, дать человеку возможность не потерять этого доброго горения, но в то же время сделать все, чтобы оно превратилось в ровный огонек, который поможет ему плодотворно прожить всю жизнь. Ведь монашество — это не единократное, а постоянное, ежедневное распятие себя и подчинение себя чувству долга.

Бывает, приходит человек к полунощнице в шесть часов и предлагает: а давайте в пять, давайте в четыре, давайте ночью молиться; давайте так, давайте эдак. Посмотришь — ему все интересно, глаза горят, кафизмы и каноны читаются легко. Прекрасно! И так — день, два, неделю, месяц, год, три. А потом становится тяжело. И вот уже кафизмы слушать не хочется, в церковь ноги не идут: спать охота. Это естественно для человека — теряется первоначальное горение. И поэтому очень важно, чтобы настоятель, духовник это горение не эксплуатировали, поскольку вначале на нем можно очень много сделать, горы свернуть, а после человек ломается и уходит. Я, возможно, скажу очень жестокое слово, но иногда можно видеть, как в общинах или монастырях используются — надеюсь, неосознанно — те же принципы, что и в секте, то есть человека берут, пользуются его первоначальным настроем, потом он «выжимается» и в результате сам отпадает; затем набираются новые. Посмотрите, есть монастыри по

сто человек, а в год меняется — приходит и уходит — человек сорок. Это очень плохо.

— **Что необходимо для того, чтобы в человеке при внешней деятельной жизни сохранилось первоначальное горение духа, но не превратилось бы в недолжное распаление и восторженность?**

— Это возможно, если мы будем всегда оставлять время для молитвы. Кроме того, каждый из нас, когда приходил в Церковь, в монастырь, получал какое-то извещение от Бога; каждый может вспомнить то чувство радости, когда Господь открывается: как будто приподнимается завеса и видишь Царствие Божие, видишь Бога в своей жизни, рядом с собой. Наша задача — это чувство помнить и беречь, и в трудную минуту оно избавит нас от уныния и печали.

— **Какие внутренние проблемы современных монахов обусловлены особенностями нашего времени?**

— Сегодня в монастырь и вообще в Церковь приходят люди очень слабые и ленивые. Лень — это главная проблема нашего времени. Она может быть внутренняя и внешняя. Одно дело, когда человеку лень вставать и работать, а другое дело, когда человеку лень трудиться над собой.

К сожалению, это очень распространено, особенно в крупных городах. Бывает: приходит прекрасный человек, все понимает, в течение года ему расскажешь все, что знаешь, он за тобой все повторит, другому еще лучше тебя все объяснит, но при этом в нём не происходит никаких изменений. Это страшно; просто порой не знаешь, что делать. Я не говорю про братию — я больше сталкиваюсь с этим просто как священник и духовник.

Духовная лень в значительной мере обусловлена сегодняшним временем, когда нам многое стало доступно, наши полки ломаются от книг, но мы остаемся такими же, какими были. Раньше человек прочитает одну книгу и всю жизнь ею руководствуется. Возьмите, к примеру, «Поучения» аввы Дорофея: если попробовать исполнять то, что там написано, жизни не хватит; но, если преуспеешь, таким человеком станешь, что вокруг тебя тысячи спасутся, по слову преподобного Серафима. Помните, преподобный Антоний Великий услышал в храме: *Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19, 21), и ему не надо было больше ничего слушать: он нашел ответ на все свои вопросы.

Вот в этой потере живого отклика на слово Божие — наша беда. Мы его слышим постоянно, а оно проходит мимо нас, не приносит в нас плода.

— **Каким образом человек приходит к гармонии внешней и внутренней деятельности? В чем она заключается?**

— Наверное, гармония наступает тогда, когда человек увидит, что его жизнь состоялась. Думаю, что монашество как раз и есть гармония внешней и внутренней деятельности. Настоящее монашество — это когда человек живет по Богу и в то же время трудится в монастыре для братьев или сестер, для Церкви Божией.

Монашество — это очень трудный путь, это крест, это множество испытаний и скорбей, но одновременно и настоящее счастье. Для себя я это давно решил и знаю, что я самый счастливый

человек, потому что Господь определил мне путь монашеский.

— **Святитель Игнатий говорит о том, что слезы не по Богу нужно обратить в слезы по Богу. Каким образом исполнить этот совет?**

— Слезы не по Богу — это когда человек плачет оттого, что ему жалко самого себя, что он такой несчастный, что никто его не любит, все его забыли и бросили и вообще все на свете плохо. А слезы по Богу — это когда человек благодарит Бога, радуется тому, что Господь послал ему испытание.

Как обратить слезы не по Богу в слезы по Богу? Это может быть только результатом постоянной внимательной, правильной, трезвой жизни, когда человек заботится о хранении своих помыслов и бдит над собой, возвращает себя на правильный путь после каких-то отступлений от него. Но этого нельзя добиться просто как некой отдельно взятой добродетели. Слезы по Богу — это плод жизни.

— **Какие существуют минусы и плюсы в жизни небольшого монастыря?**

— О плюсах мы уже говорили, а минусы — это то, что физически приходится тяжелее. Скажем, на Подворье служба кончилась — и каждый идет на свое послушание: кто в редакцию, кто в магазин, кто едет куда-то, например, на рынок что-то покупать и т.д. И суточный круг богослужения весь держится, а братии всего-навсего пятнадцать человек. Да и то: один заболел, другой учится, третий... на даче. У Подворья есть в деревне нечто вроде монастырской дачи, и периодически там живут два-три человека дней по десять, а потом их сменяют другие. Мы не занимаемся сельским

хозяйством: братия ездит туда отдыхать, отдыхать от постоянной загруженности, общения с людьми, от суеты. Там практически никого нет: это, можно сказать, настоящая пустыня. Зато на остальных в это время нагрузка больше. Правда, у нас есть еще несколько ребят, которые нам помогают, приходят на выходные, кто-то остается, чтобы потрудиться летом. Но все равно этого мало, и лаврская братия, приезжающая на Подворье, просто не представляет, как живут его насельники. Не знаю, минусы это или плюсы, судите сами.

— **Принимая людей в братию Подворья, какими критериями Вы руководствовались?**

— Я не могу назвать определенных критериев: их много. Люди разные; невозможно сказать, что здесь можно руководствоваться простым набором каких-то признаков. Но главное, чтобы человек умел смиряться, хотел трудиться, чтобы представлял себе, что это такое. Кроме того, я людей не набирал, практически вся братия Подворья, за исключением нескольких человек, которых кто-то ко мне привел или прислал, собралась из его прихожан. Это люди, которые долгое время ходили в храм, исповедовались у меня, и постепенно в них созревала мысль о монастыре. Не оставляя работы или учебы, они трудились на Подворье не один год, узнавая монастырскую жизнь изнутри.

— **Как часто подворская братия имеет возможность бывать на службе?**

— Мы всегда старались, чтобы братия бывала на службе постоянно, особенно на литургии, но все-таки необходимо заботиться и о том, чтобы дать ей возможность отдохнуть. Поэтому, например,

полунощница на Подворье совершается пять раз в неделю: в субботу и воскресенье ее нет.

— **Какое вообще место в монастыре должно отводиться молитве?**

— Цель жизни в монастыре — это научиться молиться. Монах порой в силу своего хорошего воспитания может быть добрым, послушным, трудолюбивым, легкообучаемым, может прекрасно уживаться в коллективе, но если он при этом не научится молиться, это будет для него просто жизненной трагедией.

Я очень почитаю святителя Феофана Затворника, который в своих письмах говорил о том, что молитва должна исходить из потребностей и возможностей человека. Поэтому молитвенные правила могут быть разными, в зависимости от того, что полезно и удобно конкретному человеку. Но, повторяю, монах обязан учиться молиться; если он этого не делает, то его пребывание в монастыре становится бессмысленным и бесплодным.

— **Насколько значимо в монастыре неукоснительное исполнение пятисотницы?**

— Вы имеете в виду исполнение пятисотницы всем вместе? Я знаю места, где пытались читать пятисотницу, а потом все разбежались, настолько тяжело им было. И я понимаю тех, для кого неприемлемо, когда Иисусову молитву читают все вместе в храме. На мой взгляд, есть вещи, которые должны происходить в глубине сердца человека; у монаха, наряду с участием в богослужении и в общем правиле, должно быть и келейное делание, когда он остается наедине с Богом. Если все-все совершается на людях, это

очень тяжело и не всегда приносит пользу. Кроме того, чтобы вместе читать Иисусову молитву, вообще молиться краткой молитвой, нужно намного больше простоты, чем мы сегодня имеем. Наверное, нужно особое устройство, какого у нас нет.

Знаете, на исповеди, например, от молодых супругов очень часто приходится слышать жалобы на то, что трудно, невозможно вместе молиться. И любят друг друга, и близки друг другу, а читать вместе правило не могут. Я обычно говорю: «Если не получается, не читайте вместе». И так, иногда даже самым близким людям тяжело вместе молиться. И в том, что касается Иисусовой молитвы, я тоже замечал: при совместном чтении бывают какие-то недоразумения. Но справедливости ради должен заметить, что встречаются и такие семьи, в которых прямо с первого дня молятся вместе, и все замечательно.

В целом же, конечно, Иисусовой молитвой монах должен молиться постоянно.

— **Через какое делание стяжается простота сердца?**

— Думаю, в основном, через смирение и послушание и через то, чтобы останавливать себя в самокопаниях.

— **Проводите ли Вы со своей братией беседы на духовные темы?**

— Да, провожу. Они строятся по-разному. Это зависит от возможностей и обстоятельств. Больше частью получается беседовать с братией не вместе, поодиночке. Это в какой-то степени откровение помыслов, хотя у нас это так не называют.

Вокруг духовника...

— **Каким Вы видите будущее монашества в России?**

— Думаю, монашество в России будет возрождаться. Но, к сожалению, все очень непросто: некоторые люди ломаются и уходят, то есть процесс возрождения проходит не без потерь. Священному Синоду приходится смещать, заменять наместников и игумений: выбор не всегда бывает правильным, когда недостает кадров и времени. Таковы сложности, связанные с нашим бурным возрождением.

Почему это происходит? Открывается обитель, берется новопостриженная монахиня, а может быть, переводится из другого монастыря, поставляется игуменией. Хорошо, если у нее есть обычная рассудительность, житейская опытность и она что-то видела и с кем-то советуется, — тогда она может наладить хотя бы внешнюю жизнь. Но, сколько при этом проливается невидимых миру слез, в том числе и самой игуменией, одному Богу известно. Поэтому ее надо пожалеть: ведь никто никогда не учил ее, как управлять обителью. То же самое происходит и в мужских монастырях.

Вообще, надо всегда стараться рассматривать каждое явление со всех сторон. Конечно, можно спросить: «Зачем открываются эти монастыри?». Но надо понять и архиереев. Перед ними часто стоит выбор: или хоть кого-то поселить в обитель, назначить хоть какого-то настоятеля, или она завтра перейдет непонятно в какие руки и в ней разместят какой-нибудь культурно-развлекательный центр или казино. И в условиях такого выбора из двух зол выбирается меньшее.

— **Какие можно принять меры по оздоровлению современного монашества как мужского, так и женского?**

— Важно, чтобы были духовники, чтобы монастыри были небольшими, чтобы они открывались не «сверху», а «снизу», вырастая из общин; это единственный естественный и правильный путь возникновения любого монастыря (хотя это на сегодняшний момент больше похоже на мечту).

И тем более женский монастырь обязательно должен складываться вокруг духовника и быть немногочисленным. Таково мое мнение. Например, у греков сегодня практически все благоустроенные женские монастыри основаны духовниками со Святой Горы Афон. Если же просто собрались сестры и назначена игумения, и при этом священники в их общине лишь служат и они там никто, и неизвестно даже, как их зовут, то это неправильно. Женский монастырь так создать невозможно.

— **На каких принципах должна строиться жизнь современного монастырского братства? Обычно говорят, что на принципах святоотеческих, но это слишком широкое понятие. Хотелось бы услышать более конкретный ответ. Возможно ли сейчас, чтобы братство представляло собой семью?**

— Это желательно, но внешние условия не всегда позволяют. Духовник сегодня должен быть не только отцом, но и матерью — вот, на мой взгляд, тот основополагающий принцип, в соответствии с которым нужно строить монашескую жизнь.

— **Можно ли найти в современных монастырях серьезное духовное руководство, основанное на святоотеческих писаниях и собственном духовном**

опыте? Удалось ли Вам самому найти такого руководителя?

— Я видел очень хороших монахов и замечательных духовников. Приведу в пример лаврского духовника архимандрита Кирилла (Павлова). Надо было взять от него больше, но я, наверное, не смог этого сделать. Такого духовника, который вел бы меня с самого начала моей духовной, церковной жизни, у меня не было.

— Какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать удовлетворительный духовный руководитель, избравший монашескую жизнь?

— В первую очередь, он должен быть честным. Если вы видите, что человек честен, то даже если он порой ошибается (в духовной части я имею в виду), он, думаю, может быть духовным руководителем.

— Если в целом духовный руководитель хорошего направления, но в частностях делает ошибки, то в каких случаях руководимый имеет право не оказывать послушания?

— Об этом очень хорошо написал святитель Игнатий (Брянчанинов), поэтому не буду повторяться. А о частных ошибках, полагаю, духовнику надо сказать: если он хорошего направления, то не обидится, а воспримет это нормально.

— Как Вы думаете, возможны ли и должны ли быть сейчас такие отношения между духовником и учеником, при которых их образ мыслей и желания абсолютно совпадали бы?

— Нельзя ставить перед собой такой задачи, но если сложились правильные отношения, это происходит само собой: это их итог. Вообще, в духовной жизни мы должны стремиться к единению

с Богом, и при этом очень многие вещи являются как бы побочным результатом. Я часто привожу такой пример: преподобный Сергей пришел в глушь, на гору Маковец, срубил себе келью, стал там жить и спасаться, и одним из плодов его жизни стала Лавра, этот величественный монастырь, центр культуры, истории России и ее духовной жизни. Нужно ли говорить о том, что преподобный Сергей пришел на Маковец не для того, чтобы основать Троице-Сергееву Лавру? Он пришел спасти свою душу, но «побочным» результатом этого стало возникновение Лавры. Так и в духовной жизни есть вещи, которые нельзя ставить перед собой как цель, но при правильном устройении они достигаются сами собой.

— Как Вы строите отношения, когда видите, что пропадает доверие к Вам со стороны послушника?

— Стараюсь понять, в чем я виноват. Я не боюсь признаться, что не прав и попросить прощения, примириться, изменить свое отношение. По крайней мере, что-то пытаюсь делать, хотя, конечно, бывает, что бес искушает человека и он категорически не хочет примирения, иногда даже уходит.

Я всегда переживаю это как свою неудачу и стараюсь этому человеку как-то помочь; при всем, что между нами было, забочусь о том, чтобы не отягощать ему жизнь, ведь в данный момент ему и так тяжело. Бывали случаи, когда от нас уходили люди, но я просил за них архиереев или кого-то еще, чтобы их устроили, как-то им помогли.

— Будете ли Вы вмешиваться, если человек заблуждается, но Вас при этом не спрашивает?

— Там, где это составляет мою обязанность, буду. Если же человек уходит и перестает считать

меня своим духовником, я, конечно, вмешиваться не стану.

— **Вам приходится быть одновременно и духовником, и администратором. Возникают ли в связи с этим противоречия между Вами и Вашими духовными чадами? Если да, то как Вы их преодолеваете?**

— Конечно, возникают. Например, ты говоришь человеку как настоятель: «Сделай то-то и то-то», а он отвечает: «Не могу, не хочу, не буду», объясняя это духовными причинами. Каждый раз пытаюсь решать это индивидуально. Но ответить, как именно, невозможно: надо просто все случаи пересказывать.

— **Если человек обращается за советом к духовнику в любой ситуации, то как при этом отличить послушание от духовной лени?**

— При духовной лени человек только ходит и спрашивает, но ничего не исполняет. Начинается совопросничество, при котором человек фактически измывается над духовником и мучает сам себя.

— **Если в современных монастырях не может осуществляться в полной мере делание откровения помыслов, какие делания взамен него могут столь же действенно очищать душу?**

— В какой-то мере откровение помыслов все равно должно присутствовать. Я думаю, обязательная регулярная индивидуальная беседа с духовником. Но это не должно быть формальностью. В первую очередь необходимы абсолютная искренность, открытость перед духовником, то есть никакие душевные движения, никакие мысли и желания не должны быть сознательно скриваемы. Как только

начинается сознательное укрывание каких-то, пусть даже невинных, состояний и движений — все, внутренне доверие кончилось. И здесь начало падения, если человек этого не исправит.

Вообще, сознательное откровение помыслов — это очень серьезная наука, и у нас она забыта. Это зачастую приводит к очень неправильным действиям. Основное правило борьбы с помыслами — отсекай их. Что значит отсекай? Пришел помысл — человек не принимает его, и он должен улететь, забыться, как улетают муха или комар, когда их прогнали. Некоторые же начинают сознательно возвращаться к тем помыслам, которые отогнали. Это все равно, что к вечеру приняться ловить всех разогнанных за день комаров, чтобы разобраться, какие днем тебя кусали.

Таким образом, откровение помыслов сегодня — это очень сложное дело. Мне кажется, что только если духовный руководитель сам прошел это опытным путем, он сможет этому научить. Но в любом случае, искренность и откровенность с духовником — самое главное.

— **В некоторых современных женских монастырях возбраняется общаться с прежним духовным руководителем. Что Вы думаете по этому поводу?**

— Я думаю, это неправильно. Наверное, в такие монастыри просто не надо идти.

— **Можно ли девушке жить при мужском монастыре? Некоторые считают это наиболее предпочтительным вариантом.**

— Нет, могу сказать, основываясь на своем опыте: если девушка живет при мужском монастыре, это плохо — и для девушки, и для мужского

монастыря. Тетушка, бабушка при мужском монастыре — еще допустимо, а вот девушка — нет. Я потому так утверждаю, что это всегда приводило ко множеству проблем. Невозможно огню и соломе постоянно находиться рядом так, чтобы при том не было ущерба. Каким бы добрым ни был настрой, это все равно остается так. И душевные страсти, когда они разгораются, еще страшнее грубых плотских страстей. При такой сильной душевной привязанности, незаметно для себя, можно совершенно забыть Бога, прилепившись к человеку, и это очень страшно. На моих глазах такое случалось несчетное количество раз.

— **Но ведь в любом случае духовник для девушки — лицо противоположного пола.**

— Это уже другое. Но и здесь постоянно нужно быть начеку. И духовник должен остерегаться, если девушка начинает относиться к нему с некоторым пристрастием, и самой девушке надо опасаться, как бы за пристрастием не потерять Бога. Это очень сложно; думаю, что это предмет постоянной борьбы.

— **Есть ли существенное различие между женским и мужским монашеством?**

— Конечно, есть разница в том, что мужчине дано счастье предстоять перед престолом Божиим, если он в священном сане. И это особое служение, это смысл всей жизни, ее особая наполненность, особый образ молитвы. В том же, что касается отношений между собой, отношений к духовнику, к своему долгу, наверное, все достаточно близко. Если есть существенные отличия, то они порождаются различием между мужской и женской психологией.

— **Многие очень не любят современные женские монастыри. Что Вы знаете о них?**

— Честно говоря, знаю достаточно мало, всего несколько монастырей; у меня не было собственного отрицательного опыта в этой области, и я не могу говорить о том, чего сам не испытал. Но когда ругают современные женские монастыри, то, хотя бы во многих случаях это и было небезосновательно, мне всегда становится их жалко. Я не верю, что люди в них не спасаются. Бог добрее, чем мы, а потому не может быть, чтобы Он не помогал тем, кто ради Него все оставил и пришел в обитель. Да, игумении неопытные, но поставьте себя на их место. Бывает, настолько замотаешься, решая какие-то проблемы, что уже и видеть никого не можешь, даже самых близких людей; настолько опустошаешься от внешних забот и суеты, что человек к тебе приходит, а тебе даже сказать нечего. А мы с вами говорим красивые слова, о том какие должны быть в монастыре отношения.

— **Как быть, если архиерей настаивает на постриге, а сам человек чувствует, что еще не готов?**

— Отказываться, и категорически.

— **Как монаху жить на приходе одному?**

— Это очень трудно. Да и нужно ли? Такая жизнь исполнена смысла и оправдывает себя лишь тогда, когда человек живет на приходе ради людей либо когда он собрал вокруг себя единомышленников и эта община может со временем стать монастырем. А так, мне кажется, лучше жить в монастыре.

— **Считаете ли Вы рост количества монастырей благом?**

— Нет, рост количества благом я не считаю.

Самое смиряющее обстоятельство...

— **Какие наиболее смиряющие случаи из Вашей монашеской жизни Вам запомнились?**

— Вот сегодня, когда меня избрали епископом,— самое смиряющее обстоятельство в моей жизни.

— **Епископ — это политик. Как Вы сможете при неизбежном тесном общении с внешним миром не потерять внутренний монашеский мир?**

— Не знаю, но буду стараться его не терять.

— **А как Вы будете его сохранять? Все-таки некоторый опыт общения с миром у Вас есть...**

— Такой же, как и у Вас. На самом деле, это очень трудно, потому что ничто так не опустошает, не выхолащивает душу, как это общение.

— **Став епископом, Вы вряд ли сможете уделять столько же времени и сил своим чадам, сколько уделяли раньше. Что Вы можете сказать по этому поводу?**

— Я уже упоминал об этом в самом начале нашего разговора. Когда я знакомился с афонскими монастырями, мне очень понравилось, что у игумена, являющегося одновременно духовником, есть круг близких к нему священников, им воспитанных, помогающих ему исповедовать и духовно наставлять младшую братию. У меня есть очень близкий человек, благочинный Подворья, и я попросил Святейшего Патриарха оставить его на Подворье настоятелем. Надеюсь, таким образом то, что было сделано, удастся сохранить. И большинство братии остается после моего отъезда на Подворье.

Я благодарен Богу...

— **Каким Вам видится современный Афон? Близок ли он Вашему сердцу?**

— Очень близок, я его очень люблю. Когда-то ходил по Афону, как по раю. Мне было настолько удивительно все то, что я там видел! Это было чувство, которое, думаю, Господь дает испытать всего несколько раз в жизни. Зато потом все время его вспоминаешь и этим живешь. Правда, в те годы, когда я там впервые побывал, Афон был намного проще. Сейчас все-таки он несколько осовременился, там появилось много технических «усовершенствований», идет большое строительство. Прежде он был более убогий внешне, но необыкновенно интересный внутренне, духовно. Мне казалось, что ничего лучше Афона нет.

И сегодня там есть люди, которые мне очень близки. Например, один очень хороший монах в Зографском монастыре. Помню, как он пришел в русскую церковь в Софии и я ему дал читать «Поучения» аввы Дорофея. Это была первая духовная книга, которую он прочитал в своей жизни. Теперь он уже много лет на Святой Горе.

Это удивительное место, но русским там тяжело: они оторваны от России, а греки живут у себя дома. У нас нет условий для того, чтобы эту жизнь повторить. Там надо бывать, видеть эту жизнь, ею пропитываться и стараться здесь, у нас, ее дух воспроизвести.

— **Многие афонские монахи, как известно, избегают принимать священный сан. Есть мнение, что это следствие нежелания трудиться. Согласны ли Вы с ним?**

— Нет, категорически не согласен. Традиция добрая, хорошая. Даже в России до революции

в очень многих обителях число монахов, принявших священный сан, было небольшим. Это нормально там, где большая, благоустроенная Церковь. Для сравнения: в Греции 80 епархий, почти 20 тысяч приходов; в Русской Церкви почти 150 епископов, в Москве насчитывается 500 храмов, а действуют, думаю, 400 — это при том, что население Греции практически равно населению Москвы. О чем говорить?

Поэтому, конечно, в Греции можно людям в монастыре не принимать священный сан. У нас же это просто невозможно, это будет расточительством. Я думаю, любой мужчина в русском монастыре должен принимать священный сан, если, конечно, нет канонических препятствий, и служить Церкви и народу.

Мы порой очень высокого мнения о себе, о наших духовных богатствах. Но вот уже этот пример ярко показывает, насколько еще мало у нас воцерковлен народ, насколько мало у нас храмов, верующих людей и духовенства. Нужно еще много десятилетий, чтобы что-то возродить. Я всегда говорю приходящим ко мне молодым людям, что более высокого служения, чем служение священника, на сегодня нет и быть не может. Сегодня Церкви особенно нужны священники — как монашествующие, так и семейные. Таково мое мнение.

— **Когда читаешь литературу об Афоне, создается впечатление, что там исполнение заповеди Божией второстепенно по отношению к исполнению благословения старца. Что Вы по этому поводу думаете?**

— Думаю, что если это действительно так, то это, конечно, неправильно. Но вот что может

быть: сегодня порой издают очень личные, совсем не общие вещи, которые ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не должны были быть напечатанными. К сожалению, это проблема нашей нынешней издательской деятельности. Материальные стимулы движут людьми или какие-то иные, но в результате получается соблазн для очень многих читателей.

— **Считаете ли Вы, что современные афонские старцы подобны древним?**

— Подобны они древним старцам или нет — не могу судить. Знаю только, что там существует непрерывавшаяся духовная традиция.

— **Какие встречи с духовными людьми Вам особенно запомнились?**

— Не могу вновь не сказать об отце Кирилле (Павлове), духовнике Лавры. Подворская братия даже чаще, чем лаврская, имеет возможность видеться с ним: мы достаточно регулярно вместе ездим к нему, и это, конечно, милость Божия. Бывает так, что нет возможности долго беседовать, но само присутствие этого человека, его пример решают возникшие проблемы. Смотришь на него и видишь, каким должен быть монах. Порой в нашей суете образец монашеской жизни теряется, начинаешь сомневаться: а возможен ли он, доступен ли? Когда же общаешься с батюшкой, то видишь, что он воплотил в себе тот идеал, к которому ты должен стремиться. Поэтому, когда такие люди живут рядом с нами, это оказывает очень благотворное влияние.

Есть еще один очень интересный человек, который сильно повлиял на меня в жизни,— это Владыка Нафанаил³, Митрополит Неврокопский. Когда мы познакомились, он был еще епископом, викарием Болгарского Патриарха. Вообще в Болгарии я встречал удивительно глубоких, верующих, преданных Церкви людей и благодарен Богу за эти встречи.

Владыка Нафанаил был для меня первым образцом. Это настоящий монах, истинный подвижник и одновременно епископ. Он учился в Греции, жил некоторое время на Афоне, пока греческая полиция, надев на него наручники, не увезла его оттуда, поскольку у него не было греческого паспорта. Это очень цельный, глубокий, духовно яркий и удивительно смиренный, кроткий, простой человек. Вот это-то сочетание настоящего монаха и настоящего архиерея поразило меня на всю жизнь.

Мы с ним ездили по епархии, по селам, я служил, а он пел и читал, потому что больше было некому. Я обычно служил утреню, совершал проскомидию, и уже в конце утренних молитв он заходил в алтарь, облачался, и мы с ним вдвоем служили литургию. Если я приходил к нему домой, он сам готовил еду, сам накрывал на стол, сам варил кофе. Для меня было откровением, что архиерей

³ Митрополит Нафанаил (Калайджиев; родился в 1952 г.). В 1968 г. поступил послушником в Троянский монастырь. В 1974 г. принял монашеский постриг. Окончил Софийскую Духовную семинарию, Духовную академию святого Климента Охридского, богословский факультет Афинского университета. В 1989 г. был хиротонисан во епископа, с 1994 г. — Митрополит Неврокопский.

может себя так вести, то есть это был абсолютно доступный человек, к нему все могли прийти, вокруг него было очень много молодежи. Недавно в Болгарии приняли «Закон о вероисповеданиях» — это полностью его заслуга.

Очень интересной была встреча с игуменией Серафимой⁴, настоятельницей Софийского Покровского монастыря в Княжево. Этот монастырь был основан владыкой Серафимом (Соболевым)⁵, известным русским архиереем, управлявшим после революции русскими приходами в Болгарии. Сегодня его там очень почитают. Он похоронен в крипте русского храма, и к нему постоянно идет народ, как у нас к блаженной Матронушке, паломничество не иссякает ни на один день. Владыка был настоящим монахом, искренним и монахолоубивым человеком.

⁴ Об игумении Серафиме (Ливен) см. также на стр. 160.

⁵ Архиепископ Богучарский Серафим (Соболев; родился 1/14 декабря 1881 г. в Рязани). В 1908 г., во время учебы в Санкт-Петербургской Духовной академии, был пострижен в монашество с именем Серафим в честь прп. Серафима Саровского. В 1909—1911 гг., будучи помощником смотрителя духовного училища в Калуге, часто посещал Оптину пустынь, окармлился у старца Анатолия.

1/14 октября 1920 г. в кафедральном соборе города Симферополя был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. В апреле 1921 г. по благословению Святейшего Патриарха Тихона назначен управляющим русскими приходами в Болгарии с титулом епископа Богучарского. В 1920-40-е гг. владыка Серафим вел активную архипастырскую деятельность, особо заботился о жизни русских эмигрантов в Болгарии. Опубликован ряд богословских трудов и проповедей владыки.

Скончался архиепископ Серафим 26 февраля 1950 г., в Неделю Торжества Православия. Его могила в храме святителя Николая Мирликийского в Софии очень почитается православными верующими.

Матушка Серафима — урожденная княгиня фон Ливен; ее отец, князь Андрей, был до революции предводителем дворянства в Коломне, а в 1920-е годы принял священный сан в Болгарии. Сама она закончила Богословский факультет Софийского университета.

Монастырь, которым она руководила, был лучшей в Болгарии женской обителью, нормально функционирующей, с большим количеством сестер, с очень строгим богослужебным уставом. Я общался с матушкой Серафимой довольно регулярно. Это человек удивительной глубины: я таких людей больше никогда не встречал. В ней поражало сочетание образованности, благородства и богатейшего духовного опыта, что придавало какое-то особое звучание каждому ее слову. Я пользовался ее советами, когда у меня не было возможности получать духовное окормление, встретив в ее лице мудрую наставницу, способную руководить духовной жизнью. К ней ходили очень многие болгарские архиереи. Кстати, это — к вопросу о том, бывают ли мудрые игумении, способные быть духовными наставницами. Бывают, и в ее лице я видел это.

Хотел бы закончить нашу встречу известным святоотеческим изречением: «Я не монах, но видел монахов». И бесконечно благодарен за это Богу.

Беседовал *игумен Сергей (Рыбко)*

*Епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин).
Как жить в Боге в наше странное время? —
М.: Приход храма Святого Духа сошествия, 2003.*

ХРИСТИАНСТВО И МИР СЕГОДНЯ

В современном обществе слово «кризис» стало настолько расхожим, что во многом потеряло свой смысл. Ученые и публицисты рассуждают о кризисе цивилизации, о нем пишутся статьи и монографии. Обсуждая эту проблему уже достаточно долгое время, мы постепенно привыкли считать, что живем в состоянии кризиса.

Кризис этот проявляется во многих сферах, негативные процессы очевидны, о них много говорится: это и почти полная потеря нравственной ориентации, особенно у молодого поколения; это и различные социальные недуги, которые стали почти обыденным явлением, — резкое увеличение числа людей, страдающих алкоголизмом и наркоманией, рост количества самоубийств. Несмотря на все усилия правоохранительных структур, медицины, общественных, религиозных организаций, болезни общества стремительно распространяются и усиливаются во всем мире.

Все это свидетельствует о том, что кризис цивилизации действительно имеет место. Какой цивилизации? Полагаю, той, что складывалась на протяжении последнего столетия: ее принято называть «постхристианской». В самом этом слове кроется глубокая неправда, потому что «постхристианская» — это как бы цивилизация, которая наступила «после христианства», то есть

предполагается, что христианство благополучно отжило свой век и наступила некая иная эпоха.

Это не так. Христианство, Церковь, так же как и Сам Христос,— *вчера и сегодня и во веки те же* (ср.: Евр. 13, 8). Сегодня, как и много веков назад, люди приходят в храмы, встречают Живого Бога, встают на путь спасения. Но та часть человечества, которая не просто забыла христианство, а сознательно отреклась от Христа, сделала все, чтобы доказать себе и миру, что исповедание христианства не имеет ничего общего с сегодняшним днем. Вот эта-то цивилизация, антихристианская по сути, бросает вызов не столько религии, сколько самой себе, сознательно попирая основные принципы взаимоотношений человека и Бога, что и является истинной причиной глубочайшего кризиса.

Дело в том, что человек не может жить без Бога! Слова Тертуллиана⁶ о том, что человеческая душа по природе своей христианка, очень точны. И если человечество в основной своей массе отрекается от Бога, начинает сопротивляться Ему, тем более бросает вызов своему Творцу,— такая цивилизация обречена.

Даже если оставить в стороне религиозную составляющую проблемы, цивилизация, которая провозгласила гедонизм, культ наслаждения конечной целью человеческой жизни, так же не может существовать длительное время, потому что она просто нежизнеспособна.

История преподает нам несколько подобных уроков; в их числе и распад великих империй: греко-

⁶ Тертуллиан (Квинт Септим Флорент Тертуллиан; ок. 155–245). Богослов, один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей и теологов, автор более 40 трактатов, посвященных отношению христиан к язычеству, вопросам христианской морали и опровержению ересей.

римская цивилизация пала именно потому, что поклонилась идолу гедонизма. Из общества, поработанного культом наслаждения, уходят героизм, самопожертвование, чувство ответственности — все то, что представляется ему «лишним» и неразумным.

Можно вспомнить и знаменитый базаровский «лопух на могиле»⁷: из него произрастает пренебрежительное отношение к христианству в современной России; корни его — в грубом позитивизме второй половины XIX века. Наши современники только подхватили и развили до крайности эти достаточно наивные и нахальные идеи, которые казались вершиной человеческой мысли полтора столетия назад.

Очень точны шуточные слова протодиакона Андрея Кураева о том, что атеизм — это тупиковая ветвь эволюции: ведь атеизм — это фундамент той цивилизации, о которой мы говорим,— атеистической, антихристианской, гедонистической. И мы действительно живем в период ее кризиса.

Как это отражается на Православии? Меняется ли оно во времени? И да, и нет.

С точки зрения истории Церкви, конечно, изменения происходили и происходят. Так, на каждом Вселенском Соборе вырабатывались догматические определения, раскрывалась та или иная сторона Откровения, которая до этого, может быть, оставалась в тени. Меняется во времени богослужебный канон, формы церковного искусства. С таких позиций можно говорить о Православии XXI века, так же, к примеру, как о Православии времен Римской империи, или Византии, или

⁷ Имеется в виду роман И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Древней Руси,— каждый временной период отличается своими особенностями. И внешние особенности нашего бытия, язык проповеди, проблемы духовной жизни, конечно, связаны с тем образом жизни, который ведет человек.

С другой стороны, Православие неизменно, поскольку является Откровением Бога о Самом Себе. Оно неизменно, как неизменен Сам Бог. Не меняется Его отношение к человеку, то, что Он ожидает от самого совершенного, излюбленного Своего творения.

Поэтому можно сказать, что в Церкви есть временное и вечное. Вообще, христианин — это человек, который сознает себя предстоящим пред лицом Божиим, пред лицом вечности. Именно эту — вечную — сторону жизни Церкви секуляризованный⁸ мир не может понять и принять, упрекая Церковь в консерватизме и архаичности.

Сами эти понятия неравнозначны. Церковь действительно консервативна в первом значении этого слова (консервативный — отстаивающий неизменность), без каких-либо негативных оттенков. Подлинный консерватизм верующего православного человека проявляется в верности Христу, в осознанном и постоянном следовании евангельским заповедям.

Расцерковленный мир вкладывает в понятие «консерватизм» другое значение: «то, что тянет назад, в безвозвратно ушедшее прошлое». Нетрудно заметить, что в «системе координат» общества, обожествляющего прогресс в сфере технических достижений человеческого разума, вообще не на-

⁸ Секуляризация (лат. *saecularis* — мирской, светский) — здесь: процесс снижения роли религии в жизни общества, отказ от традиционных религиозных норм во всех сферах человеческой жизни.

ходится места вечным ценностям. Ему кажутся «несвоевременными» любые напоминания о том, что основой существования для человека являются чувства любви и верности, а не господствующий ныне лозунг: «Бери от жизни все!». Отрицание чего бы то ни было вечного в принципе — а Церковь и призвана неустанно напоминать людям о вечности — порождает в секулярном мире резкое чувство неприятия по отношению к ней.

Архаизм — понятие другого ряда: это «внутренняя» опасность для Церкви, она возникает там, где проявляется слепое следование внешним традициям, пристрастие к архаике в церковной жизни.

Есть исторический пример, который Господь попустил для нашего вразумления, — старообрядчество. Здесь есть сарафаны, и кафтаны, и платки вроспуск. Здесь есть строго каноническая иконопись, есть и благолепное духовное пение без всяких там итальянских партесов... В общем, есть много добрых и хороших вещей, но нет Церкви. Особенно явно это у беспоповцев, которые отказались от совершения Божественной литургии, заменив таинства обрядами. Вот логическое завершение пути следования требованиям архаики, пример того, что внешние традиции, вообще нечто внешнее действительно может заслонить собой Христа, скрыть истину.

Один замечательный проповедник сравнил традицию с сосудом, который должен сохранять в себе живительную влагу. Но если это очень красивый, драгоценный сосуд, всегда есть великий соблазн озаботиться тем, чтобы влага «не мешала», не портила изделие, — вылить его содержимое, а сам сосуд аккуратно вытереть, поставить на почетное место и охранять. Но сохраняет ли свое значение пустая оболочка?

«Что всего дороже для нас в христианстве?» — центральный вопрос работы философа В.С. Соловьева «Три разговора». «Краткая повесть об антихристе» содержит гениальное прозрение — ситуационную модель, которая указывает на некие болевые точки христианского сознания. Те, для кого важнее всего «старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения», поддаются обману, предпочитая «Всемирный музей христианской археологии» живой Церкви, Телу Христову. Думаю, каждому человеку необходимо познакомиться с этим произведением, чтобы подойти к вопросу соотношения внешнего и сущностного здраво, трезво, с рассуждением; не пытаться сводить Православие к этнографическому набору обрядов и традиций, а тем более ограничений и запретов.

Христианство всегда было иноприродно миру: *Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15, 19); *все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3, 12). То, о чем говорит Евангелие, подтверждается всей историей Церкви. Пример тому — возникновение и расцвет монашества, отшельничества в самые вроде бы благополучные, самые славные времена христианства. IV век; гонения закончились, могущественная Римская империя становится христианской, — казалось бы, наступает такой период, когда христиане могут испытывать только чувство радости, перед ними открываются широкие возможности для общественной деятельности. Но именно в это время начинается «наполняться» пустыня. Почему? Перед

нами антиномия⁹, которая непреодолима до конца времен. Христианин, живущий в миру, — это все равно человек, идущий на компромиссы. Компромиссы могут быть разного уровня, их приходится искать всегда, в разное время, в разных условиях. И неправда, что в IV–V веке необходимость в уступках миру была меньшей, чем сегодня.

Мы вообще плохо знаем историю: нам кажется, что тот мир, в котором мы живем, чудовищен, что именно сейчас наступили самые тяжелые, страшные, соблазнительные времена. Это не совсем так. Много из того, что нам приходится наблюдать в современном обществе, уже **было**. И так же, как и столетия назад, ежедневно, в каждом своем поступке христианин находится в ситуации выбора. Для того чтобы этот выбор был правильным, необходимо, как говорил преподобный Серафим Саровский, «напитаться духом Евангелия», чтобы руководиться им во всей своей жизни и в миру сохранять в себе дух Христов.

Под куполом константинопольского храма Святой Софии по приказанию императора Юстиниана¹⁰ была помещена надпись: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Как храм Божий посвящается Богу, так и любое дело своих рук, саму свою жизнь христианин посвящает Творцу: «Ты доверил мне этот великий дар, но моя жизнь — Твоя, Господи,

⁹ Антиномия (греч. anti — против и nomos — закон; противоречие в законе или противоречие закона самому себе) — противоречие, образуемое двумя суждениями (умозаключениями, законами), каждое из которых признается истинным.

¹⁰ Юстиниан I, или Великий (Флавий Петр Савватий Юстиниан; 483–565). Император Византии (Восточной Римской империи) с 1 августа 527 г. вплоть до кончины. Время его правления называют «золотым веком» Византии. По его инициативе и при непосредственном участии в 537 г. в Константинополе был возведен храм Святой Софии.

предаю ее в руки Твои». Так, при любых условиях, в обществе или в пустыне, в монастыре или в миру, мы должны стремиться к тому, чтобы сделать свое существование служением Богу и ближним.

Церковь — это часть общества? Безусловно. Но рассматривать Церковь как один из социальных институтов, как делает это современное секулярное общество, ни в коем случае нельзя.

Нам часто приводят в пример деятельность различных западных конфессий и религиозных организаций, начиная от Католической Церкви и заканчивая «Армией спасения», которые занимаются благотворительностью, социальным служением на профессиональной основе. В истории мы находим множество подтверждений тому, что, приходя в мир, христианство приносило с собой принципы социальной ответственности, доказывало обществу необходимость заботиться об «униженных и оскорбленных», вдовах и сиротах, о людях, которые не нашли себе места в социуме или выпали из него по тем или иным обстоятельствам. Вспомним хотя бы знаменитые «Василиады» Василия Великого¹¹ — странноприимные дома, столовые, школы, больницы для бедных и увечных, которые открывались по инициативе святителя.

Но вот о чем необходимо сказать: широкая благотворительность есть некий **плод** деятельности Церкви в этом мире, причем в условиях, когда границы Церкви, государства и нации совпадают (в истории России так

¹¹ Святитель Василий Великий (ок. 330–379; память 1/14 января и 30 января/ 12 февраля в Соборе Вселенских учителей и святителей). В 370 году был поставлен на Кесарийскую кафедру. Благодаря своей ревностной деятельности по утверждению православной веры заслужил наименование одного из Вселенских учителей Церкви. О святителе Василии см. также на стр. 276.

было сравнительно недавно, до 1917 года, в некоторых странах такая ситуация сохраняется и по сей день).

Церковь изменяет мир; и общество, преображенное христианской закваской, приступает к реальной, деятельной заботе о своих членах — о ближних. Социальную работу начинают вести люди, чьи сердца были озарены проповедью Евангелия. Вот эта евангельская проповедь и есть главное, основное дело Церкви! Проще говоря, задача Церкви не в том, чтобы основывать благотворительные учреждения: ее спасительная миссия — нести людям слово Божие, чтобы под влиянием церковной проповеди они сами начали заниматься благотворительностью.

Однако сегодняшнее секулярное общество если и готово признавать Церковь (скорее, терпеть ее существование), то только в качестве социального института. Нам говорят: «Вы занимайтесь там... престарелыми, а еще лучше — даунами. Можно в тюрьму пойти, так и быть, — эти люди уже как бы вычеркнуты из общественной жизни. А в школу — лучше не надо, школу мы вам доверить не можем. Ступайте лучше в колонию для несовершеннолетних».

Такое отношение к Церкви характерно для секулярного сознания. Здесь даже не стоит усматривать какой-то заговор, думать, что мы сталкиваемся с некой согласованной политикой. Просто современный мир готов видеть Церковь исключительно социальным институтом — «собесом» в капиталистическом обществе. Конечно же, мы не имеем права на это согласиться.

Христианство доказывается делами: *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20). Евангельские слова обращены к каждому из нас, и задача Церкви — сделать так, чтобы они зазвучали в нашем сердце по-настоящему.

Журнал «Альфа и Омега», № 1 (45), 2006 г.

САМООПРАВДАНИЕ ВМЕСТО САМОПОЗНАНИЯ

Критиков Православной Церкви сегодня очень много — и в самой церковной ограде, и вне ее. Многие обвинения в адрес Церкви при этом не только бесосновательны, но и абсурдны. Что сказать, когда кому-то не нравится сам факт существования храма поблизости? Или когда кого-то душит злоба при виде крестного хода? Или когда мешает жить благовест (а грохот динамиков, вой противоугонных устройств и пьяные крики не мешают)?

Конечно, надо относиться к критике с терпением и вниманием, чтобы не пропустить тех упреков, которые действительно справедливы. А в некоторых случаях — чтобы понять первопричину, из-за которой возникают разговоры с таким накалом страстей.

Пожалуй, самыми очевидными, лежащими на поверхности оказываются претензии к существованию Церкви как таковой. Исходят они от убежденных атеистов, которые повторяют без устали: «Государство у нас светское, Церковь отделена от государства...»

К сожалению, даже самая недавняя история быстро забывается теми, кто не задумывается над

ее ходом. Страшные гонения на Православие в России в XX веке начинались именно с провозглашения отделения Церкви от государства — на юридическом, законотворческом уровне, потому что на практике, прикрываясь этим лозунгом, большевики грабили монастыри и храмы, убивали священников, глумились над монашествующими. И когда сегодня мы пытаемся объяснить, что светскость современной России вовсе не означает поражения верующих в их правах, то многие «имеющие уши» предпочитают этого не слышать.

Борьба за свободу в истории оборачивалась террором не раз и не два. По милости Божией, сейчас она ведется на бумаге, но все равно странно и страшно читать в известном «письме академиков» призыв на государственном уровне ввести единственно правильное мировоззрение — материалистическое. И трудно при этом не вспомнить другое мировоззрение, которое в СССР долгие годы и называлось «единственно правильным» — марксистское.

Может быть, не стоило бы всерьез воспринимать отнюдь не академические (так в академических дискуссиях не выражаются) утверждения некоторых пламенных полемистов, например: «Все верующие — тупые невежды»; или из того же ряда: «В церковь ходят одни старухи, поэтому она скоро отомрет». Но слышать это приходится очень часто. О «неизбежном отмирании» Церкви говорили и в 20-х годах прошлого столетия, но от тех, кто это провозглашал, осталось

только очень сомнительное воспоминание, а церковные «старухи» — живехоньки. Хотя, конечно, надо сделать оговорку: сказать, что сегодня в православных храмах «одни старухи», — значит либо не знать истинного положения вещей, либо лгать: то количество молодежи, которое можно видеть в наши дни в церквях, не дает оснований опасаться «отмирания».

А пожилых женщин в Церкви действительно много — но что же в этом удивительного и тем более постыдного? В России в старших возрастных группах женщин действительно неизмеримо больше, чем мужчин, потому что «сильный пол» слабее «слабого» и раньше умирает. Об этом писал поэт: *Старух было много, / Стариков было мало. / То, что гнуло старух, / Стариков ломало.* Стариков настолько сильно ломали войны и террор в родной стране, что диспропорция не изжита до сих пор. А между тем совершенно естественно для человека в годах задуматься о высшем смысле жизни, о вечности, как пословица говорит: «Пора и о душе подумать». Вот старые женщины и думают.

Но до чего же неуважительно, мало того — пренебрежительно отзываются о них сторонники прав и свобод! Для них это — «отработанный» человеческий материал... Мы же всегда должны помнить, что каждая душа драгоценна в очах Божиих, что Ангел каждого человека предстоит перед Его Престолом (см.: Мф. 18, 10; Мф. 11, 11). Так что же считать «правильным» мировоззрением, хотя бы с точки зрения уважения к личности?

В рассуждении неверующих о Церкви всегда присутствует видение слепого. Это неудивительно, потому что феномен Церкви невозможно понять, не признавая ее **Богочеловеческим установлением**. А если считать, что Бога нет, то Церковь представляется каким-то странным учреждением, исполненным конструктивных недостатков. Но вот только... она существует тысячелетия, в то время как и империи, и диктатуры, и демократические государства рассыпаются в прах.

Между тем люди, не понимающие и не желающие понимать сущностный смысл Церкви, пеняют на то, что она «не такая», какой должна бы быть по их представлению. Постоянно звучит: «Я бы, может быть, и поверил, да вот Церковь такая неправильная... не могу же я в нее войти. Вот если бы она была понаучнее... и подемократичнее... и если бы все священники были такими, чтобы мне нравиться...». Короче говоря, если бы Церковь была элитарным клубом (а ведь каждый из критиков, несомненно, причисляет себя к элите), можно было бы еще подумать...

Возможно, в этом есть инфантилизм особого толка. Наверное, всем приходилось наблюдать, как маленькие дети скучают по маме, томятся, не разговаривают и не играют. Но вот мама пришла. Ее встречает дикий рев, топанье ногами, маханье руками — ожесточение, короче говоря: как она смела так долго не приходиться! Именно такое — совершенно детское — поведение напоминает «критический синдром», о котором идет речь. Прав был блаженный

Августин, когда говорил о смятении сердца, еще не нашедшего Бога.

Но для человека есть два пути: один для него легкий, а другой невероятно тяжел. Первый путь — самооправдание, второй — самопознание. Трудность этого второго пути для неопытного путника состоит еще и в том, что самопознание, если оно не происходит перед очами Божиими, превращается для человека в тяжелейшее самокопание, в адскую муку на земле. Чтобы распознать эту опасность, нужно обладать трезвостью и чуткостью, которые могут быть лишь **дарованы**, но никак не «развиты». Здесь поможет только обращение за помощью, пусть даже в самой краткой форме: ведь стоит такому искреннему просителю просто подумать: «Господи, помоги!» — и помощь придет.

Первый путь, самооправдание, приятен, легкий и увлекателен: он дает возможность мысленно возвыситься и укрепиться в уважении к себе, любимому. И абсолютно губителен, потому что чем больше человек себя оправдывает, тем в более ложном свете себя видит. В конце концов он приходит к страшной мысли: «Все плохие — я хороший», а с такой мыслью жить нельзя.

В своей критической позиции по отношению к человечеству большинство таких людей делает ряд исключений: у них всегда получается, что ближние гораздо хуже дальних, верующие гораздо хуже неверующих и тому подобное. Где-то глубоко внутри у них запрятана мечта о чудесном царстве справедливости на земле, о некой Шамбале,

где все исключительно хорошо и удачно складывается. А поскольку Церковь не Шамбала, а верующие не махатмы и не Ангелы, то, вместо того чтобы усомниться в правильности своих ожиданий, они начинают отрицать то, что на их ожидания совсем не похоже.

И здесь возникает барьер взаимонепонимания. Если церковный человек скажет такому эгоцентрику: «Конечно, я человек грешный» — а это для нас единственно возможная самооценка, — то его дальнейшие слова, объяснения просто не будут услышаны: «Видите, видите! — скажет критик. — Он сам признался, что я прав!». И уже невозможно будет объяснить ему, что среди людей безгрешных нет. В таком случае слепой, не различающий реальность и свои грезы, будет еще и глухим.

Этот барьер не случайное явление, его появление не объясняется какими-то личными коммуникативными затруднениями собеседников. Дело в том, что Церковь — **собрание кающихся**. Это ее глубинная, самая важная, сущностная характеристика. Чтобы воспринять Благою Весть, нужно покаяться. Во время земной жизни Иисуса Христа происходило служение Предтечи Господня Иоанна. И именно потому, что Креститель проповедовал покаяние и омывал покаявшихся в водах Иордана, он и назван в Евангелии величайшим из людей: *из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя* (Мф. 11, 11); ... *нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя* (Лк. 7, 28). Замечательно, что в Евангелии от Матфея за этими словами Господа следует Его же разъяснение, в котором сказано одновременно, в чем роль

Предтечи в деле человеческого спасения и что делать нам, живущим во времена более поздние: *От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.* Да, для покаяния нужна сила. Это очень хорошо poznали на своем нелегком опыте все, кто исповедовался, и совершенно не могут постичь те, кто такого опыта не имеет: для них покаяние, то есть хотя бы признание своей неправоты, — признак слабости.

Если мы рассмотрим историю Церкви с этой точки зрения, то увидим, что вся она история покаяния. Покаялся благоразумный разбойник на кресте — и получил обетование рая. Покаялся сотник Лонгин у Креста — и стяжал Царство через мученический венец.

Когда мы размышляем о собственной «праведности», хорошо бы нам вспомнить этих двоих, проникнуться пониманием их подвига и оставить высокое мнение о себе раз и навсегда, потому что все, что нам нужно, — это, очищая свои духовные чувства покаянием, стараться услышать голос Божий, чтобы исполнять Его благую волю.

Нередко приходится сталкиваться с тем, как новоначальные соблазняются словами молитв: как же так, составляли их святые отцы — и вдруг *блудный, грешный и окаянный*? Тем более *первый из грешных* (так говорит о себе святитель Иоанн Златоуст!): не лицемерие ли это? Нет, потому что и Древний Патерик, и святоотеческие творения более позднего времени говорят о том, что вершина смирения — способность ясно видеть свои грехи и добродетели других и потому полагать себя самым грешным из людей. И дело даже не в том, что

достижение такого состояния для православного человека чрезвычайно трудно и требует десятилетий, а в том, что человеку неверующему всего этого просто не объяснишь.

Слов нет, у нашей Церкви, у священнослужителей много недостатков, и связанных с духом времени, и проистекающих из падшести человеческой природы. И нам ли этого не знать! Но мы знаем и то, что Господь бережет Свою Церковь от гибели и всегда прощает нас, когда мы с сокрушением исповедуем перед Его лицом свои грехи. Так что не обижаться нам следует на критиков, а жалеть их, сознавая, что их жизнь мучительна, молиться о них и благодарить Бога за то, что открыл нам врата Матери-Церкви.

Существует простая, но трудно постигаемая закономерность — человек может заподозрить другого только в том, на что способен сам: дети не распознают изощренный обман, коварство, предательство, а вот мелкая драка им близка и понятна. Поэтому ворох обвинений, предъявляемых Церкви, характеризует не столько ее, сколько обвинителей. Но попробуйте объяснить закосневшим в своей нелюбви и это, и еще то, что нет в Церкви тайного учения и секретных книг. — Невозможно! Барьер. Преодолит ли он? — Безусловно, через покаяние. А если человек признает себя недостойным войти в Церковь? — А достойных и нет, но Господь принимает всех.

Впрочем, здесь следует различать: Он принимает всех, но входящим не следует думать, что благодать освящает все их качества и свойства.

Гордыню, презрение к людям, ожесточенность нужно будет если не оставить снаружи, что в один момент сделать невозможно, то осознать как нечто чуждое, не свое — **грех**. И чем раньше удастся человеку расстаться с эйфорическим заблуждением, с чувством, что он вступил в избранное общество, в тот элитарный клуб, о котором говорилось вначале, тем легче ему увидеть и себя, и Церковь, и мир такими, каковы они на самом деле, а не в его мечтах.

Есть еще две вещи, неожиданным образом связанные между собой: желание своей свежей силой «помочь» Церкви «исправиться», а поскольку такое желание обречено на неудачу, — скорое и радикальное разочарование, громкий и вызывающий уход из Церкви. В этом явственно ощущается дух протivления, называемый еще диссидентством. Я не политик, не социолог и не могу ответить на вопрос, нужны ли в обществе диссиденты, но, как священнослужитель, могу сказать, что стремление всегда осуждать всех, кто с тобой не согласен в твоей твердой убежденности, что всякая власть от лукавого и потому должна быть оспорена и по возможности свергнута, — душевредно. Царство Небесное не республика, а именно Царство, и в соответствии с его устройением Церковь иерархична. Критическая едкость не только противоречит правильному христианскому устройению души, но и нарушает важный принцип существования Церкви: как же мы можем призывать Господа *едиными усты и единым сердцем*, если единства не чувствуем и не признаем?

Все это не значит, что мы должны закрывать глаза на свои ошибки, просто у нас есть другой способ их исправлять: мы молимся за себя, за мир, за всех людей, кажутся ли они нам достойными или недостойными. Люди с большим опытом жизни в Церкви, опытом жизни духовной, услышав рассказ о чьем-то недолжном поведении, как правило, и реагируют духовно: «Значит, за него (за нее) нужно особенно молиться»...

«Обидевшиеся на Церковь» чаще всего не носят этой обиды в себе, но стремятся излить ее на других. Универсальным местом для этого становится Интернет. Теоретически такие люди должны были бы составить вторую, обособленную группу критиков Церкви. Но на самом деле различие между людьми «внешними», изначально отрицавшими Церковь, и «церковными эмигрантами» удручающе ничтожно, разве что вторые лучше владеют церковной лексикой: знают слова *акафист, кафизма, канон* и т. д.

Важнее сходство: и тут то же самооправдание, а не самопознание, то же разочарование в недостаточной элитарности того «клуба», в котором они побывали. «Волшебных изменений», на которые они рассчитывали, с ними не произошло. Хотелось найти духовника, который всю правду увидит и предскажет, что было, что будет, сам определит, что читать и как думать. А духовники все больше говорят: «Молись, исповедуйся, читай Писание, внимай себе». Не получилось так, как представлялось, — значит, нужно махнуть на все рукой и... изливать накопившуюся в душе горечь.

И чем больше знакомишься с порожденной этой горечью публицистикой, тем яснее видишь, что в церковности этих людей отсутствовало

главное — Бог, от Которого так просто не уходят. Получается, что в Бога они не верили, о Нем не думали и свое временное пребывание в Церкви с Ним никак не связывали. В мире их представлений не было главного, а следовательно, их видение Церкви по сути не отличается от видения тех, кто признает себя неверующим.

А корабль Церкви тем временем плывет из времени в вечность, из падшего мира в нетленный мир Царства Небесного. И управляет им Господь и Спаситель Иисус Христос, всемогущий, долготерпеливый и многомилостивый.

Журнал «Альфа и Омега», № 3 (50), 2007 г.

О НОВОМ СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Разговоры о возможности или невозможности перевода богослужения на современный русский язык идут достаточно давно. Они велись еще на рубеже XIX и XX столетия, время от времени к ним возвращались и после: эта тема далеко не нова. Действительно, для того, кто впервые пришел в православный храм в России, то, что читается и поется в нем, понятно не с первого раза. И проблема «непонятности» церковнославянского богослужения стояла всегда. Мы знаем, что еще святитель Феофан Затворник в своих письмах многократно обращался к своим единомышленникам, к своим духовным чадам и к духовенству с пожеланиями сделать настоящий подарок русскому народу, готовящемуся в его время к празднованию 900-летия крещения Руси, — этим подарком он считал новый славянский перевод всего богослужебного круга. При этом он говорил горькие слова о том, что многие наши священники и даже архипастыри сидят в алтаре и ничего не слышат из того, что читается и поется в храме, поэтому не беспокоятся и не переживают по этому поводу.

Актуальна тема нового славянского перевода и сегодня. Такова жизнь — со временем многое изменяется: люди, условия существования, возникают какие-то вопросы, накапливаются определенные

проблемы. Только решаться они должны естественным путем по мере поступления, чтобы это не приводило ни к реформации, ни к революции. В церковной жизни достаточно долго так и было — до XVII века, когда была принята единая редакция богослужебных текстов и церковнославянский язык перестал претерпевать изменения.

Ходил или пешешествовал?

Если мы сравним текст Евангелия времен святых Кирилла и Мефодия (например, Зографского Евангелия) или древних (например, Служебника преподобного Сергия, хранящегося в Государственном историческом музее) с текстом Евангелия и богослужебных книг, которыми мы пользуемся сегодня, то увидим, что разница между ними достаточно ощутима. Это свидетельствует о том, что на протяжении веков церковнославянский текст приспособлялся к общей языковой ситуации и к тем изменениям, которые происходили в русском языке. Уходили сложные синтаксические конструкции, убирались устаревшие непонятные слова и те слова, которые в современном русском языке приобрели негативное значение.

И в этом смысле «книжная справа», предпринятая в XVII веке во времена Патриарха Никона, имела скорее отрицательные последствия. Нужно отметить, что древнерусские переводчики относились к церковнославянскому тексту творчески и первоначальные переводы, как это ни странно, сегодня могут показаться более близкими к русскому разговорному языку, чем тексты, которыми мы пользуемся после никоновской реформы. Очень простой пример — мы сегодня поем: *Яко по суху*

пешешествовав Израиль. В дониконовском переводе было: *Яко посуху ходил Израиль*. Слово «ходил» гораздо более понятно нашему современнику, чем «пешешествовал», которое является буквальной калькой с греческого языка.

Другое дело, что во времена Патриарха Никона перед переводчиками была поставлена иная цель: не упростить язык богослужения, сделав его более понятным, а исправить ошибки, которые граничили с ересью. Но поскольку руководили этим процессом греки (считавшие, что пока русские «слушались» греков, которые окормляли Русскую Православную Церковь, то все было правильно и хорошо, а когда захотели самостоятельности и добились автокефалии, тут-то у них «всякие ереси, вроде прилога в *Символе веры*, и появились»), то пафос этой переводческой деятельности заключался даже не столько в исправлении церковнославянских текстов, сколько в максимальном приближении их к греческому языку. Церковнославянский язык и так можно считать калькой с греческого, но калькой, сделанной разумно: те слова и выражения, которые были принципиально непонятны русским, были русифицированы. А в результате никоновской реформы они были опять грецизированы. И это придание церковнославянскому языку еще большей «грекообразности» привело к тому, что богослужение стало не совсем понятно.

Изменения необходимы, но перевод невозможен

Еще со времен Ломоносова мы живем в ситуации так называемой диглоссии, когда одновременно используются два языка, воспринимаемые носителями

как один, но в двух стилистических формах. Так, функции «высокого» языка в нашей культуре всегда выполнял и продолжает выполнять церковнославянский язык. Люди, которые говорят, что они совершенно не знают и не понимают церковнославянского, ошибаются, потому что те, кто читают пушкинского «Пророка»: *Востань, пророк, и виждь, и внемли, / исполнись волею Моей, / и, обходя моря и земли, / глаголом жги сердца людей*, — читают церковнославянский текст. Все высокие понятия, которые связаны с выражением не сиюминутного, не имеющего отношения к чему-то земному, должному, — все эти понятия в нашем языке, в нашей культуре, в нашей литературе, в том числе и в литературе XX столетия, сформулированы церковнославянским языком. Замечательный пример: гимн Советского Союза, написанный С.М. Михалковым (первая его редакция) — это церковнославянский язык. Даже Вл. Маяковский, поэт-футурист, а впоследствии певец революции, прославлявший коммунизм, в значительной степени опирался на формы церковнославянского языка, очень часто употреблял церковнославянизмы в лексике или как принцип построения фразы.

Используется церковнославянский язык и сегодня: русский язык просто не выработал соответствующих понятий и определений, лексики высокой тематики. Представим себе, что мы сегодня переводим богослужение. Так, мы поем в храме: *Отверзу уста моя...* Как перевести? «Открою рот мой»? Или представьте себе, вместо *перст Божий* мы говорим «палец Божий»... И таких примеров можно привести множество. Когда недавно я в книжном магазине открыл двухтомник перевода

богослужения на русский язык, выполненный в общине отца Георгия Кочеткова, я его сразу же закрыл, потому что первое, что я увидел, были слова: «достопочтенный Иосиф» вместо «благообразный Иосиф». И мне непонятно, чем слово «достопочтенный» в данном контексте для современного человека, не знающего церковнославянского языка, лучше слова *благообразный*? Тем более, что последнее слово у любого, кто ходит в Церковь и слышит его, на генетическом уровне сразу же вызовет ассоциацию со Страстной неделей, с Великой Пятницей и тем человеком, который снял с Креста Тело Иисуса Христа. Тогда как у слова «достопочтенный» вообще нет никаких ассоциаций в нашем языке, в нашей культуре, не считая знатоков английского философа Беды Достопочтенного. Пожалуй, это единственная ассоциация, которая может возникнуть у слушателя или читателя.

Как мне кажется, проблема трудности восприятия богослужения заключается несколько в другом: не в непонятном церковнославянском языке, а в том, что богослужение наше — библейское. А Библия — книга, для многих наших современников закрытая, даже для тех, кто часто ходит в церковь.

Возьмем, к примеру, один из текстов нашего богослужения — начало молитвы перед исповедью, которую более-менее часто слышат постоянные прихожане: *Боже, Спасителю наш, иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениях оставление даровавший, и Манассину в покаяние молитву приемый...* Вот мы ее переводим: «Господи, Ты, Который даровал оставление грехов через пророка Нафана покаявшемуся Давиду и

принял покаяние Манассии...». Что современному человеку, зашедшему в церковь, стало понятнее после перевода? Кто такой Давид? Кто такой Манассия? Кто такой Нафан? Вообще, — это люди или просто название какой-то местности, города?

Перевод на современный русский язык ничего не даст человеку, если он не знает Священного Писания, если он не знает историй о покаянии Давида и Манассии. Взять, к примеру, канон преподобного Андрея Критского, который переведен на современный русский язык и иногда даже читается так в храмах. Помимо того, что в переводе для русскоязычного слушателя пропадает вся высокая поэзия этого канона, он не становится более понятным, потому что весь насыщен библейской лексикой и ссылками на те или иные библейские события. Предполагается, что читающий этот канон знает Священное Писание и его образы живут в сердце человека. Автор словно прикасается к струнам в душе, которые должны зазвучать. Если этого нет, то даже самый понятный перевод не поможет.

Увидеть красоту

И все же некие изменения церковнославянского текста необходимы: какие-то слова отмирают, какие-то синтаксические конструкции уходят в небытие, становятся все менее и менее понятными, и это нужно учитывать. Поэтому работать над этим надо, несмотря на то что это вызовет большие проблемы и неприятие — достаточно вспомнить историю с исправлением Триоди комиссией под председательством митрополита Сергия (Страгородского) и тот факт, что в XX веке Издательский отдел Патриархии, собираясь пере-

издавать круг богослужений, выбрал все-таки не новый перевод, сделанный перед самой революцией и освященный авторитетом Священного Синода, а издал старые Триоди и Октоих.

Есть еще один немаловажный аспект: если заниматься переводом богослужения, то переводить надо сразу абсолютно всё. Не только отдельные части, как это, например, сделали в Сербской и Болгарской Церкви в XX веке (в Болгарии — до войны, а в Сербии — после), где на современный язык переведены в основном неизменяемые части богослужения — Псалтирь, Евангелие и Апостол, а Октоих, Минеи и Триоди не переведены. В результате часть службы доступна для понимания, а то, что поется на церковнославянском языке, остается непонятным, и его смысл потихонечку, как бы сквозь пальцы, ускользает. В результате богослужение в Болгарии и Сербии очень часто состоит только из неизменяемых частей. И эта опасность может подстергать всех, кто будет трудиться на этом поприще.

Не менее сложным будет вопрос и церковной музыки. Всё наше богослужение положено на ноты, и труд перевода богослужебных песнопений на современный русский язык, пожалуй, превысит все труды по переводу текстов. Для этого нужны, конечно, не обычные ремесленники, а настоящие музыканты, композиторы. Нужны поэт и ученый в одном лице, а таких людей сегодня просто нет. Поэтому тем, кто выступает за перевод богослужения на современный язык, нужно прежде всего определиться с набором тех трудностей и проблем, которые неизбежно возникнут, и только потом решать, что из этого можно сделать, а что — нет.

Изменить ситуацию может исправление существующего славянского текста и работа по литургическому просвещению людей. У нас существуют воскресные школы для взрослых, где преподают катехизис, библейскую историю и т. п., но я очень редко встречал, чтобы в этих воскресных школах учили богослужению, объясняли то, что происходит в храме во время службы, тогда как именно через участие в богослужении может произойти самое полное и подлинное воцерковление человека. Только когда он выступает не в качестве зрителя и слушателя, а сам читает и, если есть способности, поет на клиросе, он может по-настоящему воцерковиться и перед ним откроется вся красота православного богослужения.

Настоящее сокровище

Любовь к богослужению можно привить людям, только научив их трудиться. Без внутреннего духовного труда нельзя прийти в Церковь. И не надо тешить себя иллюзиями, что если мы посадим всех на скамейки, сократим богослужение, переведем его на разговорный язык, то наши храмы завтра наполнятся людьми. Ничего подобного. Наоборот, из них уйдут те, кто в полной мере осознал православную веру, осознал себя христианином, кто в полной мере проникся духом церковного богослужения и для кого жизнь в Церкви стала подлинно новой жизнью. Ведь наше богослужение не просто назидательно. Наше богослужение воплощает видение мира святыми отцами в том его первоначальном облике, в котором он задуман и сотворен Богом. Святые отцы, просветившие свое сердце, совсем по-другому, по-особо-

му видели мир, окружающий их, и оставили свое видение нам. И если мы сможем сделать его своим, то, не будучи причастными к их подвигу, сможем пользоваться его плодами. Это то сокровище, которое оставлено нам, — не только литературное, музыкальное или эстетическое — это сокровище богопознания и боговедения. Готовы ли мы от него оказаться? Есть ли в этом смысл? Именно об этом стоит задуматься, когда идет речь о переводе богослужения на современный русский язык.

Журнал «Альфа и Омега», № 3 (53), 2008 г.

ИСКУШЕНИЕ БЛАГОПОЛУЧИЕМ

Чем хуже, тем лучше?

У Томаса Манна есть новелла, которую можно пересказать примерно так. Старый добрый джентльмен подобрал на улице щенка, выброшенного хозяевами. У этого щенка была сломана лапка, и он сидел несчастный, мокрый, голодный и скулил. И вот старый джентльмен подобрал его, принес домой, искупал, накормил, вызвал ветеринара, который наложил щенку на лапку гипс. Джентльмен долго выхаживал щенка, гладил его, говорил ему: «Ты мой маленький, ты мой хороший» — и умилялся над ним.

Так прошло какое-то время. Лапка у щенка зажила, он отъелся, окреп, вырос. Стал веселым и неугомонным, бегал, прыгал, суетился. Словом, понимал своего владельца как только мог: пытался лизнуть ему лицо, прыгал ему на грудь. В общем, стал раздражать этого дедушку до невозможности. И в конце концов старый джентльмен так на него разозлился, что взял свою палку, избил его до полусмерти, после чего опять бросился к нему со словами: «Ах, ты мой бедненький, ах, ты мой миленький» — и снова стал его лечить.

На мой взгляд, этот поучительный рассказ как нельзя лучше отражает те чувства, которые испытывает по отношению к Русской Православной

Церкви некоторая часть нашего общества — в большинстве своем интеллигентные люди, которые готовы видеть себя в качестве покровителя, могущего наказать и пожалеть, отлучить или, наоборот, привлечь, готовы выступать в качестве учителя, изрекающего некие истины. И Церковь гонимая, Церковь почти распятая, Церковь почти уничтоженная вызывала у них такое покровительственное сочувствие. Но, когда Церковь выжила и стала набирать какой-то вес в обществе, они начали сетовать на то, что вот, «когда Церковь была совсем бедная, совсем нищая, совсем плохая, вот тогда она была наша, и мы ее любили. А теперь это не наша Церковь...».

Не надо обманывать себя: это не было любовью — Церкви удобно было покровительствовать, на нее удобно было смотреть сверху вниз. Те, кто по-настоящему любил Церковь, как только появилась возможность, бросились ее восстанавливать: ремонтировать, разгрести огромные горы мусора, многотонными КАМАЗами вывозимые из отданных Церкви руин, начали делать что-то своими руками. Те, кто никогда этого не умел, стали класть кирпичи, штукатурировать, учились крыть крыши.

При этом не надо забывать, что процесс восстановления Церкви, который начался 15–20 лет назад, еще далек от завершения. И Церковь восстанавливается не за какие-то иностранные деньги или за счет государственной казны, а руками, трудами и средствами обычных людей, которые сегодня живут рядом с негодующими свидетелями церковного возрождения. Только вместо негодования эти люди на протяжении 20 лет,

буквально как муравьи в разоренный муравейник, несли всё, что у них было. Абсолютно всё, начиная от посуды, чтобы после службы во вновь открывшемся приходе можно было собраться и попить чаю, и заканчивая мебелью. Я знаю, как люди на дому шили облачения для священнослужителей и всё, необходимое для совершения богослужения и обустройства храма, — покрывала, аналои. Я сам прошел через это: мне пришлось буквально из руин восстанавливать Подворье Троице-Сергиевой Лавры в Москве. Я начинал один, и каждый человек, который приходил и оставался помогать, прошел через мое сердце. Поэтому мне это все хорошо знакомо: возрождение церковной жизни началось на моих глазах, и слышать от кого-то сожаления об ушедшем времени церковной несвободы мне, по меньшей мере, странно.

Скорее всего, те, кто так говорит, не были тогда по-настоящему в Церкви. Они были сторонними наблюдателями. И Церковь их устраивала в том виде, в каком была, поскольку она еще была и формой оппозиции государственному режиму. Ее били, ее уничтожали, над ней издевались. Но все-таки она существовала, и сам факт ее существования представлял собой оппозиционную силу в Советском Союзе. И многих Церковь в первую очередь интересовала именно как помощник в борьбе против той власти, которая была. Отсюда и недовольство современной ситуацией.

Срачивание, которого нет

Сегодня довольно часто приходится слышать обвинения в адрес Церкви, что из гонимой государством она якобы превращается в некую

государственную силу. Это, конечно же, не так. Во-первых, слухи о срачивании Церкви с государством, мягко говоря, очень сильно преувеличены. Достаточно просто осмотреться вокруг, и вы увидите, какие баталии идут по поводу «Основ православной культуры» и их преподавания в школе. Если бы Церковь пользовалась покровительством государства, речь бы вообще не о чем было вести. Во всех странах мира преподавание основ той религии, которая является исторической, традиционной для этого государства, подразумевается само собой. И ведется практически во всех учебных заведениях. Парадокс: в Бельгии Православие преподается в школах, потому что количество членов Православной Церкви там сегодня «перешагнуло» определенный, установленный законом порог, после которого становится обязательным преподавание этой религии. И правительство Бельгии оплачивает услуги педагога, который преподает православным детям не «Основы православной культуры», а то, что у нас называют «Законом Божиим», — основы православного вероучения. При этом в Бельгии нет каких-то особых отношений с Православной Церковью. Никто не говорит, что Бельгия — православная страна. Нет, просто там, как и вообще в Европе, так принято.

Или взять, к примеру, нашу мемуарную историю с призывом священников в армию, когда государство отменило отсрочки для священнослужителей. Планировалось призывать порядка двух сотен батюшек в ряды Вооруженных Сил. Что такое для нашей армии 200 человек? Мы постоянно слышим о том, что армию нужно сокращать, что

нам не нужна такая большая армия... И вдруг священников призывают на военную службу.

А вопрос о реституции церковной собственности? Когда Церковь вынуждена годами обивать пороги инстанций для того, чтобы вернуть себе те здания и сооружения, которые ей нужны для выполнения ее функций, после того как различные предприниматели, несмотря на Указы Президента и Постановления Правительства о недопустимости приватизации культовых зданий и сооружений, их приватизировали. И местные власти за взятки пошли им навстречу. У нас в Саратове таким образом был приватизирован храм святого Александра Невского на Московской. И мы, как ни бьемся, ничего не можем с этим сделать.

Поэтому никаких «тесных» отношений и тем более «сращивания» у современной Церкви и властных структур нет. Да, мы пользуемся свободой, и мы за это очень благодарны Богу. Но у нас есть достаточно много проблем и вопросов, которые мы не можем решить в том числе и потому, что этому сопротивляются разного уровня чиновники.

«Березка — это красиво...»

Если говорить еще об одной традиции нашей интеллигенции, которая, к сожалению, стала уже традицией общенациональной, то можно сказать об устойчивой ненависти к своему государству, к своей власти. Этим наша интеллигенция грешила и на рубеже XIX–XX веков. Ненависть к власти и к своему государству была господствующим умонастроением и в среде дис-

сидентствующей интеллигенции эпохи позднего СССР. Сегодня порой можно наблюдать то же самое. Причем далеко не всегда эта ненависть основана на каких-то действительно заслуживающих негодования поступках государственной власти. Нет, это просто очень искреннее чувство: власть — это враг, которого нужно обязательно уничтожить. И каждый, кто к этой власти хоть как-то приблизился и каким-то образом выражает ей свою лояльность, тоже становится врагом.

Мы — единственная страна и единственный народ, который за один век дважды своими руками разрушил собственную страну. История не знает других примеров. И я глубоко убежден, что если это будет сделано в третий раз (из чувства ненависти к своему государству), то уже окончательно и навсегда.

Сегодня приходится сталкиваться и с другим чудовищным по своей сути обвинением: «Вот, везде куполов назолотили, глянуть некуда». Спрашиваю: «А что, разве это плохо — позолоченные купола?». На что человек отвечает: «А вот тут раньше была церковь, такая замечательная (разговор шел о Покровской церкви на ул. Горького в Саратове). Там березка росла на месте купола...», то есть человеку это нравилось, и он даже научился находить в этом какую-то эстетику. Наверное, те люди, которые живут всю жизнь на помойке, тоже со временем привыкают и начинают видеть в ней если не красоту, то некую систему, родной пейзаж. Но можно ли относиться к этому как к нормальному явлению? Я думаю, что нет.

Обыкновенная семейная история

За последние годы церковная жизнь стала более развитой, внутри нее сложилась некая структура, система, и я могу согласиться с тем, что из этой жизни что-то ушло. Я вспоминаю жизнь Подворья Троице-Сергиевой Лавры в 1993-м — 1994-м годах, когда «костяк» прихода составляли всего несколько человек. Тогда меня, как и всех, кто был рядом со мной, радовали, казалось бы, совершенно незначительные вещи. Вот удалось разобрать перекрытие в здании храма, в котором было три этажа, и мы наконец увидели сам храм, его купол. Это было счастье — настоящее счастье. Вот впервые зазвонили колокола на Рождество: все вышли на улицу, стояли, слушали колокольный звон, смеялись и плакали от радости. И таких моментов было много, люди чувствовали единение, все происходящее было для нас внове и отзывалось в сердце каждого человека...

Но со временем чувства притупляются — так устроен человек. Повседневность затягивает, как пустыня песком, эмоций становится меньше, отношения меняются. Это плохо, но объяснимо — такова человеческая природа. Так случается и в жизни любящих людей. Обыкновенная семейная история: свадьба — момент, когда все ликуют, а потом... Потом наступает обычная жизнь, проходит год, два, три, десять, что-то притупляется, но от нас зависит, погаснут ли все чувства вообще или, наоборот, сохранятся и приобретут некое другое измерение — станут глубже, основательнее. Может быть, без каких-то горячих порывов и внешних проявлений, но тем

не менее будут более совершенными, чем были вначале.

То же самое происходит и в отношении человека к Церкви. Я думаю, что такие трудные моменты надо преодолевать с молитвой, чтобы не допускать превращения христианской жизни в некое подобие жизни мирской, светской; чтобы в Церкви, которая не может существовать в миру и не иметь некоей структуры, системы, административного аппарата, эта система не стала бы самодовлеющей и не заслонила собой Бога и таинств самой Церкви. Об этом всегда нужно помнить, потому что такая опасность существует.

Церковь — живой организм, и все опасности, которые ей угрожают, угрожают всему живому на земле. О них надо помнить, их надо пытаться предотвратить, а если не получилось, то как-то выбираться из этих ситуаций — это совершенно естественно. Так с маленьким ребенком: когда он дома, он все время проводит в кроватке, в манежке или в колясочке, где он в относительной безопасности. Но вот он научился ходить, пошел в школу, стал подростком — на каждом этапе взросления его подстерегает все больше и больше опасностей. Но это вовсе не значит, что для того, чтобы их избежать, нужно навсегда остаться в манежке...

Возможно всё

Если оглянуться назад и оценить, что сегодня возможно из того, что ранее было немыслимо, то возможно всё. Раньше священники Русской Православной Церкви могли только совершать богослужения в немногих уцелевших храмах. Так,

в Саратове было всего два храма — Свято-Троицкий собор и Духосошестввенский собор. Сегодня в Саратове 34 храма — по-прежнему очень мало, хотя и больше, чем было еще недавно.

Можно, например, взглянуть на исторические документы, хранящиеся в епархиальном архиве. Если почитать переписку между архиепископом Пименом (Хмелевским)¹² и уполномоченным Совета по делам религий, то разница очевидна. Было время, когда владыка Пимен просил разрешения взять в Свято-Троицкий собор четвертого священника, потому что там служили всего три священника, которым было очень трудно: ведь наплыв людей в этот храм — один из двух оставшихся в городе — был просто огромен (к примеру, сегодня там служат семь священников и два диакона). И вот владыка попросил дать ему возможность зарегистрировать четвертого священника. А в ответ из Москвы, от уполномоченного из Совета по делам религий, шли сухие и бесстрастные письма о том, что «имеющиеся кадры вполне позволяют обслуживать религиозные потребности населения. Нужды в расширении штатного

¹² Архиепископ Пимен (Хмелевской; 1923–1993). Родился в Смоленске. В 1944 г. принял монашество в Жировицком монастыре. Окончил Минскую духовную семинарию, Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1955 г. направлен на Святую Землю, в 1956 г. назначен начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме. В 1957–1965 гг. — наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, преподаватель МДА. В 1965 г. хиротонисан во епископа и назначен на Саратовскую кафедру. Управлял Саратовской епархией почти три десятка лет. Энергичный и просвещенный архипастырь был уважаем представителями государственной власти, дружен со многими видными деятелями науки, культуры и искусства.

расписания никакой нет и не предвидится, поэтому ходатайство архиерея надо оставить без удовлетворения».

Вот какие вопросы приходилось тогда решать управляющему епархией, который ничего не мог сделать без согласия уполномоченного. Даже назначить еще одного священника в уже действующий собор было невозможно, не говоря уже о том, чтобы открыть храм там, где в нем нуждались люди.

Все, что можно было делать, — это совершать богослужения. Не дай Бог, если священник позволял себе общаться с людьми или привлекать к службе молодежь, приводить кого-то в алтарь или на клирос, — сразу следовали меры пресечения. Были специальные люди, которые следили за этим. Чтобы покрестить ребеночка, нужно было зарегистрироваться, предъявлять паспорта родителей — и папы, и мамы, что тоже влекло за собой последствия вплоть до увольнения с работы. Было очень сложно жить, но тем не менее в этих условиях Церковь жила, и люди каким-то образом преодолевали все те препятствия, которые постоянно перед ними ставили власти.

Сегодня все по-другому. Мы можем служить там, где есть такая необходимость. Мы открываем храмы, которые были когда-то закрыты, строим новые, служим в приспособленных помещениях. Никто никоим образом не контролирует внутрицерковную жизнь, никто не вмешивается в нее. Церковь имеет возможность для проповеди, Церковь имеет возможность для обучения детей вере. Это было совершенно немыслимо

в советское время. Сегодня открыты семинарии, духовные училища, академии. Мы можем делать все, что требует от нас наша вера. Другой вопрос, всегда ли мы пользуемся представившимися возможностями в полной мере? Возможно, не всегда: Церковь еще не оправилась после почти века гонений, которые она пережила в XX столетии; в чем-то мы и сами виноваты. Но все, что нам необходимо делать, мы делать можем.

Время свободы

Церковная жизнь в нашей стране сегодня обладает такой степенью свободы, которой она не обладала не только при советской власти, но и в царское время, в Синодальный период, когда Церковь была частью государственного аппарата — «ведомством православного вероисповедания» — и государство поддерживало ее и покровительствовало ей. Той внутренней свободы, которая есть сегодня, тогда не было. Поэтому время, которое мы переживаем — мы не знаем, сколько оно продлится, — это время, уникальное для Церкви. Это время, за которое Господь спросит с нас очень строго, потому что времени более благоприятных возможностей для Русской Церкви во всей ее истории, пожалуй что, и не было.

Например, в последние два десятилетия произошел настоящий прорыв в издательском деле: при многих епархиях, монастырях начали действовать свои издательства, люди получили возможность не только свободно молиться, посещать храмы, но и приобретать духовную литературу. Первое послереволюционное издание Библии, вышло только в 1953 году, и то крайне ограниченным

тиражом. А молитвословы и вовсе не издавались. В послевоенные годы издавались только календари, в которых в качестве приложения печатали в одном — утренние молитвы, в другом — вечерние, в третьем — правило ко Причащению. Так и пытались выходить из положения, обходили запреты. И вот люди хранили эти календари, передавали друг другу, переписывали молитвы, каноны и акафисты себе в тетрадки...

Однажды, когда мне было лет 19, я пришел в Издательский отдел Московской Патриархии и сказал, что хочу купить Библию. На меня посмотрели, как на человека не вполне адекватного, и начали спрашивать: «А кто Вы? А как Вы сюда попали? Покажите паспорт», и я понял, что мне нужно отсюда уходить, и чем скорее, тем лучше.. Был один батюшка, который выписывал «Журнал Московской Патриархии» и давал мне его читать, но при этом строго предупреждал: никому журнал не показывать и обязательно возвращать: «Мы даем подписку о нераспространении». Я запомнил его слова, и мне всегда хотелось узнать, действительно ли такая «подписка» существовала или батюшка просто пытался меня припугнуть?

Безусловно, современное состояние книгоиздательства фантастическим образом отличается от той ситуации, которая была в советские годы. Я думаю, что за последние двадцать лет духовной литературы было издано если не больше, чем в царской России, то вполне сопоставимо с теми масштабами. Сегодня мы имеем возможность знакомиться со святоотеческим наследием, читать богословские труды самых разных авторов. Выходит

много новых книг, которые написаны уже нашими современниками, издается множество газет, журналов. Конечно же, все это имеет большое влияние на наше общество. И самое главное, благодаря этой деятельности у нас есть тот православный народ, который сегодня наполняет наши храмы. Многие и многие люди пришли в Церковь после того, как с помощью книг познакомились с христианским вероучением. В 1990-е годы у нас не было необходимого количества духовенства. Его и сейчас еще нет. И книги выполняют совершенно неопределимую роль, фактически заменяют живых людей тем, для кого беседа со священником по какой-либо причине невозможна.

Именно благодаря этой стороне церковной жизни — тому, что мы издаем столько книг, — удалось сделать очень многое и для самой Церкви. На средства, которые приходы получают от книгоиздательской деятельности — а более благородного способа зарабатывать деньги лично я себе не представляю, — выстроены и отреставрированы многие храмы, монастыри и подворья.

Гонение перманентно

Задача Церкви — говорить людям о Христе, говорить людям о спасении. Поэтому Церковь земная всегда гонима. Но гонения могут быть самого разного свойства — иногда прямые, иногда косвенные.

Разве сегодня, когда голос Церкви практически не слышен в гедонистическом хоре, который звучит со всех сторон и призывает человека: «Бери от жизни все!», — это не гонения против Церкви? Разве это не попытка заставить ее замолчать, не

попытка отнять у нее тех людей, которые пришли к вере, не говоря уже о том, что делается все возможное, чтобы помешать ее проповеди? Сегодняшние нападки на Церковь — разве это не гонения? Ведь посмотрите, сколько людей вокруг, которых пока останавливают лишь внешние ограничения. Дай им волю, и они снова возьмут в руки автоматы и начнут ставить священников и верующих к стенке и разрушать храмы. Когда читаешь некоторые форумы в Интернете, сомнений в этом никаких не возникает. Почему так?

Вот есть Церковь, и есть человек, который не ходит в нее, но при этом ненавидит ее всей душой. Он даже не встречает храм по дороге на работу! Казалось бы, какое ему до Церкви дело? Вот я, например, не люблю футбол, я его не смотрю, никогда не смотрел и, скорее всего, не буду смотреть. Но при этом я проезжаю мимо стадиона абсолютно со спокойным чувством, у меня он не вызывает никаких негативных эмоций. У меня нет ненависти ни к футболистам, ни к болельщикам, ни к сооружениям, где проходят игры, у меня не возникает желания их уничтожить. А вот почему люди ненавидят Церковь? Почему с такой жадностью и с таким рвением пытаются выискать какие-то «темные пятна» на Церкви? В том числе и для того, чтобы доказать, и прежде всего самим себе, что «чепуха все это», ничего «такого» нет, не стоит обращать внимания, «они все врут», «сами они еще хуже»...

Церковь самим фактом своего существования обличает грех и обращается к человеческой совести. Ведь совесть есть у каждого человека, даже у самого, казалось бы, прожженного, безнадежного.

И болит душа, беспокоится: ведь в ней звучит голос Божий. И если человек хочет заглушить этот голос, он начинает ненавидеть Церковь.

Именно поэтому происходят все гонения на Церковь, и будут происходить, пока мир *лежит во зле* (1 Ин. 5, 19)...

*Журнал «Православие и современность»,
№ 7 (23), 2008 г.*

СЕКТА КАК ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ

В жизни человека всегда есть вероятность совершить ошибку. Для религиозного сознания тоже существуют специфические опасности. Одна из них — уклонение в сектантство. В чем она проявляется?

Характерным свойством, отличительным признаком сектантского мировоззрения является чрезмерное акцентирование внимания на одном вопросе, пусть даже и достаточно важном, занимающем определенное место в жизни человека и Церкви. Когда за **частным** перестает видеться **целое**, мы встречаемся с сектантством в чистом виде. Показательный пример — адвентизм, который поставил во главу угла празднование субботы. При всей важности соблюдения субботнего дня для ветхозаветной религии, даже она отнюдь этим не исчерпывается, однако все вероучение адвентистов было построено вокруг этого пункта.

Можно вспомнить и наших старообрядцев, которые начали бороться с реформами в Церкви, и, может быть, реформами действительно не очень грамотными. Древние обычаи, традиции — вещи, безусловно, почтенные. Например, сегодня никто не спорит с тем, что знаменное пение гораздо лучше передает глубокий молитвенный дух богослужения, чем, скажем, пение партесное, концертное. Никто не сомневается и в том, что каноническая

икона является в большем смысле этого слова иконой, чем живописная. Более того, переболев болезнью «новизны», Церковь сама постепенно возвращается к каноническим формам церковного искусства. Однако ради защиты этих важных, но тем не менее все же второстепенных вещей целое сообщество верующих людей в конце концов отказалось от Евхаристии — главного содержания христианской жизни, от самой Церкви!

Логическое завершение этого пути — секта беспоповцев. Люди, которые наиболее фанатично следовали своему заблуждению, провозгласили факт самоуничтожения Церкви: по их мнению, Церкви уже нет на земле, так как «благодать на небо улетела». Мир стоит, Церковь живет, все новые и новые люди приходят ко Христу, но признаться в своей неправоте раскольники не в состоянии до сих пор.

Понятия «Церковь» и «секта» кажутся диаметрально противоположными: можно ли говорить о том, что сектантство проникает в жизнь Церкви? Наверное, можно, потому что всегда и везде, где люди начинают увлекаться какой-то одной стороной неправильно понятого ими благочестия, возникает сектантское движение в церковной ограде. Как правило, эта болезнь развивается не сама по себе — ее поддерживают другие недуги.

К примеру, в том, что у нас называют «младостарчеством», заметен не только сектантский дух, но и опаснейший дух обмирщения Церкви. Это действительно большая проблема, и разговор о ней ведется давно. Во многом «виноваты» в появлении младостарчества те условия жизни, в которых мы сегодня находимся, и прежде всего — разрыв

церковных традиций, который произошел в XX веке. По обстоятельствам времени мы вынуждены нарушать какие-то церковные правила и каноны. Мы знаем, например, что в православной Греции до сегодняшнего дня сохранилась такая практика: духовниками (то есть священниками, совершающими таинство Покаяния) по благословению архиерея становятся только духовно и житейски опытные пресвитеры, которым, как правило, уже далеко за 40 лет. У нас же, с нашей пока все еще непреодоленной разрухой в церковной жизни, нет возможности выбирать. В нашей епархии, например, в Заволжье, в некоторых районах — один священник на несколько десятков тысяч человек. 20–22-летнему человеку мы поручаем нести священническое служение во всей его полноте, в том числе исповедовать людей. Конечно, это сопряжено со многими трудностями и искушениями как для него самого, так и для его паствы.

Кроме того, ростки сектантства поддерживаются самим духом времени. Мы сталкиваемся с тем, что сегодня все больше и больше людей ищет жесткого руководства, то есть человека, который взял бы их за руку и повел. Можно сказать, что есть некое совместное движение навстречу друг другу: младостарчество оказывается востребованным из-за общей поврежденности человеческой природы. Эта тенденция заметна не только в Церкви. Почему в XX веке толпы, миллионы людей с восторгом слушали Сталина, Гитлера, Муссолини? Значит, есть некие, говоря святоотеческим языком, «чувствилища души», которые отзываются на требование подчинения.

За последние годы в Церковь вошло огромное количество людей с сознанием, пока еще совершенно нецерковным. Человека, не знакомого ни с основами вероучения, ни с творениями святых отцов, ни даже по большому счету с Евангелием, можно убедить в чем угодно: например, в том, что если ему где-то кто-то присвоит какой-то номер, благодать его покинет. Десятилетия доверия всякого рода гадалкам, оккультистам, колдунам — веры, что на тебя могут насрать порчу, сглазить и т.п. — приводят к тому, что человек начинает думать, что можно точно так же, помимо его воли, лишиться его милости Божией. У многих людей сегодня почти оккультное воззрение на то, как действует благодать: будто бы чисто механическим путем ее можно отнять и, наоборот, заменить какой-то злой силой.

Поэтому самым ярким, массовым и опасным проявлением сектантского сознания я считаю утилитарный подход к Церкви, который характерен для наших современников. Зачем в большинстве случаев человек сегодня заходит в храм? Поставить свечку — попросить здоровья и удачи. Можно сказать, он приходит в Церковь как в магазин. От Бога, от Церкви, от священника ему нужны простые и осязаемые вещи: кому успех в делах, кому сдать экзамены, кому найти себе жениха.

Замечательно, хорошо, когда воцерковленный человек перед началом важного дела подходит к своему духовнику, понимая смысл священнического благословения. Но когда его воспринимают как некий «приворот на удачу»... А ведь каждому священнику приходится сталкиваться с этим практически ежедневно!

Вот эта, не побоюсь такого слова, духовная коммерциализация, суррогат церковной жизни (который выбирают для себя сами люди, потому что он их полностью устраивает) конечно, производит удручающее впечатление. Это самая серьезная болезнь настоящего времени и, наверное, тоже своего рода проявление сектантства, потому что опять нечто второстепенное ставится на место основного.

По большому счету все это — следствие отсутствия просвещения, недостаток в примерах нормальной, здоровой духовной жизни.

Как можно бороться с этим явлением? Есть только один способ — просвещение, личное общение с каждым человеком. От всех нас требуется постоянное внимание ко всем, кто приходит в Церковь: людей в Церкви нельзя оставлять одних.

Церковь для современного человека очень сложна, так как сложно само христианство. Оно предполагает очень высокий уровень интеллектуального, культурного, духовного и душевного развития. Это совсем не значит, что для людей простых, «некнижных», вход в Церковь закрыт. Наоборот, весь ее опыт говорит о том, что евангельские истины воспринимаются прежде всего сердцем, и душевная восприимчивость становится основой для бесконечного возрастания, совершенствования человека уже в лоне Православия.

Однако именно эта — душевная и духовная — сторона человеческой личности подавляется в современном технократическом и глобализирующемся обществе в первую очередь. Мы всегда считали, что советская культура ущербна, по

сравнению, скажем, с классической русской культурой, что она очень неглубока. Но сегодня нам уже кажется, что то состояние культуры, обучения, образования, которое было каких-нибудь двадцать-тридцать лет назад, для нас — недостижимый идеал. Посмотрите: все больше и больше встречается людей, которые не интересуются **ничем**. Не для них существовала наша цивилизация тысячи лет: они ничего ни о чем не знают и знать не хотят. А Церковь является средоточием тех достижений, тех вершин, до которых поднялось человеческое общество, потому она и сложна.

Что же должен делать сам человек, осознавший необходимость духовной жизни? Прежде всего, не просто прочитать Евангелие, а по слову преподобного Серафима Саровского, «напитаться» его духом. И все, что этому духу противоречит, в жизни своей отметить. Надо знать свою веру и всячески удаляться от «творящих разделение». Проще говоря, если некто, пусть даже это человек уважаемый и авторитетный, говорит: «В этом вопросе Церковь не права. Я один знаю, как спастись», — уходи от такого «авторитета» без оглядки.

Спаситель у нас один, и Он сказал: *Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18). Господь присутствует в Своей Церкви за каждым богослужением, в каждом таинстве, Он всегда рядом с нами. И что может быть важнее и радостнее для нас?

Журнал «Фома», № 2 (34), 2006 г.

О РЕВНОСТИ НЕ ПО РАЗУМУ

Казалось бы, несколько утихли многолетние споры, разгоревшиеся вокруг ИНН, штрих-кодов, паспортов и мобильных телефонов, однако партизанская война за «чистоту веры» продолжается: по храмам и монастырям распространяются разного рода листовки и воззвания. Борьба за «настоящее Православие» с нагнетанием всевозможных страхов оборачивается паникой и смятением, вредит единству Церкви и угрожает ей расколом.

В ожидании конца света

Ревность не по разуму — явление гораздо более древнее, чем события недавнего времени. Недаром Спаситель предупреждал о том, что *если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, — не верьте... ибо как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24, 23–27).

Даже святые отцы порой ошибались, когда говорили о наступлении последних времен. Хотя в Священном Писании сказано, что никому не дано эти сроки знать и потому нет смысла пытаться их «вычислить», тем не менее этим занимались всегда. Классический пример — «Слово на пришествие Господне, на скончание мира и пришествие антихристово» преподобного

Ефрема Сирина¹³, в котором он говорит, что антихрист придет «еще при нынешнем царствовании».

Христианина, живущего в ожидании конца света, постоянно подстерегает внутренняя опасность, как спортсмена, который начинает бежать прежде, чем выстрелил пистолет, дающий сигнал к старту. Если бы этой опасности не существовало, не было бы очень многих ересей, расколов ни в древние времена, ни в современной церковной жизни. Не было бы адвентистов, иеговистов и других сект, стремящихся вычислить день, который никто знать не может.

Всем известно, как много раз адвентисты назначали конец света. Это стало притчей во языцех: последователи этой секты не раз продавали свое имущество, надевали белые рубахи, собирались где-то на возвышенном месте и ждали назначенного дня и часа. И когда «конец света» не наступал, очередной «пророк» делал озабоченный вид и говорил: «Ах, да, вот мы что забыли! Мы немного ошиблись, конец света наступит не сегодня, а через десять (двадцать, тридцать) лет!». Но проходило и десять, и двадцать, и тридцать лет, а эти сроки всё переносились. И будут переноситься, поскольку подспудное, народное, в значительной степени мифологизированное ожидание конца света вообще свойственно человечеству. Отсюда и неразумная ревность, которая встречается всюду, а не только в России. Просто у нас она имеет свои особенности. Самый печальный урок —

¹³ Преподобный Ефрем Сирийский (IV в.; память 28 января/10 февраля). Богослов и гимнограф, автор толкований на Священное Писание, множества проповедей, богослужебных текстов, молитв, в том числе покаянной молитвы, которая читается во время Великого поста.

история русского раскола, начавшаяся даже несколько ранее «книжной sprawy», затеянной Патриархом Никоном (к сожалению, пока еще мало исследована роль, которую сыграли в расколе так называемые «лесные старцы», или «Капитоны», эсхатологические ожидания которых ведут свое начало от богомилов и альбигойцев, живших в Европе и на Балканах).

В России тоже были секты апокалиптического характера. Чудовищный, но абсолютно логически последовательный эсхатологический вывод одного из самых многочисленных старообрядческих соглашений, так называемых «беспоповцев», гласил: «Благодать на небо улетела». Нет священства, нет таинств, нет — и все. Только представьте себе: Господь создал Церковь, дал обетование, что врата ада не одолеют ее, а Церкви нет. Мир стоит, а Церковь кончилась. В этом заключается главный итог старообрядческой «догматики». Такая вот большая эсхатология.

Действительно, история человечества однажды закончится, и произойдет это так, как сказано в Священном Писании. Для этого нам и дана Библия — как предостережение. Мы часто сверяем нашу жизнь со Священным Писанием и находим там указание на то, что кончина мира близка. Мы видим и войны на местах, и голод, и оскудение любви, и разного рода катастрофы. Но мы забываем историю Авраама, историю пророка Ионы.

Господь сказал, что Содом будет уничтожен. Грехи людей, их беззакония превзошли меру долготерпения Божия. Но вспомним диалог между Богом и пророком: когда Авраам спросил Бога, решившего уничтожить Содом: *Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты*

погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников, [если они находятся] в нем? (Быт. 18, 24). Господь ответил: Если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу... все место сие (Быт. 18, 26), а затем обещал помиловать жителей Sodoma даже ради десяти праведников.

Милосердие Господа проявляется и в истории пророка Ионы: Ниневия, подлежащая уничтожению, была сохранена, потому что ниневитяне покались. Самого же пророка Господь вразумил растением, которое выросло, а потом засохло. Когда Ионе стало жаль растения, Господь сказал: *Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота? (Иона 4, 10–11).*

Видимым образом люди сегодня не каются так, как во времена пророка Ионы. Население целых городов не сидит в прахе и не посыпает себе голову пеплом. Но это только на первый взгляд. Люди приходят к Богу, идут в Церковь, обращаются к Спасителю. Поэтому тем, кто решил, что он открыл времена и сроки, предсказанные в Священном Писании, прежде чем торопиться объявлять о своем открытии «городу и миру», нужно посмотреть, а идут ли люди в храмы? Есть ли кающиеся, есть ли спасающиеся? Если такие люди есть, то надо понимать, что Господь милует нас. И тем, кто уже пришел в Церковь, и тем, кто еще стоит за ее порогом, Он дает возможность покаяться. Когда кающихся людей не останется, кончина мира не замедлит. Она наступит сразу же.

В поисках спасения

В истории нашей страны было немало примеров вмешательства государства в духовную жизнь народа, в жизнь Церкви. Было много потрясений, испытаний, трагедий. Сегодня мы прославляем новомучеников и исповедников Российских, пострадавших в XX веке. Их тысячи, десятки, сотни тысяч. Но были и сотни тысяч предавших, испугавшихся, постаравшихся исчезнуть, вжавшись в землю, только бы выжить, только бы их оставили в покое.

Можно вспомнить перепись населения, «лампочку Ильича», колхозы, появление тракторов, советские паспорта: тогда тоже в народе возникали эсхатологические движения. Но надо понимать вот что: как бы ни был богословски невежественным подобный испуг, в его основе порой лежали верные интуиции. То, что большевики творили с Россией, с русским народом, имело религиозный смысл. Давно и точно сказано, что большевизм был квазирелигией, а партия — квазицерковью. И большевики ожесточенно боролись с Русской Православной Церковью именно потому, что видели в ней своего соперника. Народ интуитивно чувствовал это и выражал свой протест.

Что же касается наших дней, то вся эта шумиха вокруг ИНН, борьба с паспортами, мобильными телефонами, генно-модифицированными продуктами и прививками — это огромная «куча мала», в которую свалено множество различных вопросов, каждый из которых может быть предметом для отдельного обсуждения. Более того, в нормально развитом обществе они и обсуждаются, но никому не приходит в голову по этому

поводу раскалывать Церковь. Ни католики, ни протестанты не устраивают бунты в собственных религиозных общинах потому, что некоторые прививки могут быть вредными для здоровья. Люди понимают, что это совершенно разные вещи.

К примеру, вполне можно быть антиглобалистом. Церковь тоже выступает против глобализации в той форме, в которой она сегодня совершается. Христос пришел в мир, когда глобализация древнего мира достигла своего апогея: сейчас бы сказали, что Римская империя была весьма успешным глобализационным проектом. И в этот момент в безбожный мир пришел Христос Спаситель.

Сегодняшняя глобализация — принципиально антихристианская. Ее пафос заключается в изгнании христианства из истории, из жизни государств, общества, из жизни народов. Мы протестуем против этого, но нельзя же по этому поводу устраивать смуты и расколы внутри Церкви. Борьба вовсе не означает того, что мы все должны выйти из городов и уйти в пустыню или скрыться в лесу, залечь в землянку и там отсиживаться. Этому будут очень рады те, кто хочет избавиться от Церкви и стремиться к тому, чтобы Церковь ушла из мира. Да, ей трудно в миру, мир влияет на нее, и влияет отрицательно. Но жизнь вообще трудна. Она не дает легких решений. И присутствие Церкви в мире необходимо. Это одна из целей, которые Господь поставил перед ней.

Люди боятся погибнуть и ищут спасения. Но понимают само спасение по-своему. При этом главенствует материалистическое понимание духовных реальностей. Когда мы слышим о том, что в каком-то монастыре какая-то матушка сказала, что

«вот антихрист придет, а нас только крылышком заденет», можно твердо сказать: это не Православие. Или когда начинают спасаться от антихриста, принимая за образец то, как «спасаются» от него в голливудских фильмах — стреляя в него, пытаясь убежать, сделать так, чтобы он не родился и т. п., надо знать, что ничего общего с христианством это не имеет.

Спасение от антихриста не в том, чтобы спрятаться от него — в подвал, в погреб, в лес, в землянку или куда-то еще, заpastись продуктами на 3,5 года и там отсидеться. И если находятся последователи такой «теории спасения», то это свидетельствует либо о глубокой психической поврежденности человека, либо о том, что он, прочитав какие-то книги, ровным счетом ничего не понял в христианстве и не имеет к нему никакого отношения. Он может считать себя самым истинным православным, но он не христианин.

В стремлении к подвигу

Сегодняшние «борцы за чистоту веры» жаждут подвига, считая, что в современной жизни для него нет места, не то что в первые века христианства. Считаете, что в вашей жизни нет места подвигу? Возьмите ребенка из детского дома. Воспитайте его христианином. Сделайте что-нибудь для своих ближних, для своей страны, в которой мы живем. Вот это и будет настоящим подвигом.

Подвиг — это и послушание Церкви. Когда на Поместном Соборе 1918 года вместе с восстановлением Патриаршества был восстановлен и древний титул Предстоятеля Русской Православной Церкви как «Великого Господина и Отца», то

имелось в виду, что с падением царской власти Патриарх занял место Императора. Не в табели о рангах, разумеется, а в духовном измерении. И когда в последнее время мы слышим нелепые обвинения в адрес Святейшего Патриарха, возникает вопрос: что же мы себе позволяем? Какие же мы после этого патриоты России? Какие же мы борцы за наше русское будущее? У нас есть сегодня Отец и Господин, а мы, вместо того чтобы слушаться, готовы не доверять ему и выдвигать какие-то совершенно чудовищные обвинения.

Сегодня, когда разделена большая Россия, Церковь остается главным связующим звеном между близкими нам народами православной цивилизации. Конечно, с ней методически «работают», делают все, чтобы ее ослабить, чтобы разделить, ограничить ее влияние на народ. Проплачивается работа в Интернете, печатание тех или иных книг и статей, которые выходят за одними и теми же подписями в определенных периодических изданиях. Именно они и подталкивают борцов «за чистоту веры» строить баррикады внутри Церкви. В чем причина распространения подобных заблуждений? К сожалению, общий душевный и образовательный уровень нашего народа не очень поднялся за последние годы. Многие люди «сломались», не сумев сохранить душевное равновесие. И сегодня некоторые из них тоже в Церкви. Просто потому, что больше они нигде и никому не нужны.

Возможно, здесь они не находят ответы на некоторые свои вопросы. У Церкви есть недостатки. У Церкви есть проблемы. Порой бывает так, что от человека, у которого есть какая-то глубокая внутренняя обеспокоенность, в Церкви могут

отмахнуться. Это плохо, но, наверное, в какой-то степени объяснимо: слишком много всего сегодня обрушивается на тех, кто в Церкви служит.

Проблема в том, что чаще всего эти люди сами создают свои убеждения. Придя в Церковь, они начинают исповедовать собственное «православие» — такое, каким они хотят его видеть. Убеждай их не убеждай, отвечай им не отвечай — они просто тебя не слышат. Ответ для них возможен только в форме согласия с их мнением. Поэтому, если ты противоречишь их мнению, пытаешься его оспорить, переубедить, человек уходит и говорит: «Мне не ответили». Это, кстати, может подтвердить каждый священник: такие люди ходят на исповедь от одного батюшки к другому только с одной целью — чтобы услышать, что они во всем правы. Причем это касается не только житейских проблем, но и вероучительных вопросов.

Сегодня перед Русской Православной Церковью стоит огромная задача — это просвещение нашего народа. Нельзя сказать, что она не выполняла эту задачу раньше — просто ей никогда не удавалось довести дело до конца: наша история, тяжелая и во многом трагичная, вынуждала в решающие моменты не заниматься просвещением, а бороться за выживание — выживание народа, государства, Церкви. Мы не знаем, что будет завтра. Но сегодня мы должны изо всех сил использовать отпущенное нам Богом время для того, чтобы просвещать наш народ. По крайней мере, ту его часть, которая готова к этому.

*Журнал «Православие и современность»,
№ 8 (24), 2008 г.*

НУЖНО РАБОТАТЬ НАД СВОИМ СЕРДЦЕМ

Можно говорить о том, что в Саратовской епархии за последнее время значительно активизировалась церковная жизнь: строятся храмы, регистрируются новые приходы, возникают общественные объединения, такие, например, как Ассоциация православных педагогов или Общество православных врачей. Все это необходимо, но это лишь внешние проявления того внутреннего делания, к которому призван каждый христианин. Подлинные ростки церковной жизни всходят постепенно и часто незаметно для стороннего наблюдателя — как в жизни отдельного человека, так и в жизни храма.

О том, что же такое настоящая церковная жизнь, мы побеседовали с Преосвященнейшим Лонгином, Епископом Саратовским и Вольским. В ходе разговора мы достаточно быстро перешли от «внешней» деятельности Церкви к ее «внутренним» проблемам, что показало: для Владыки именно эта тема имеет первостепенное значение.

— Можно ли сегодня, на Ваш взгляд, говорить о каких-либо отличительных, специфических особенностях жизни Саратовской епархии?

— Думаю, что нет. Однако мне с сожалением не раз приходилось отмечать, что приходская жизнь

в Саратовской епархии развита слабо. Приход — это ведь не просто собрание верующих, более-менее регулярно приходящих в один и тот же храм. Приход — это круг людей, объединенных внутренне, духовно общим делом, общей молитвой. Почему подобный уровень единения встречается редко? Причин много. Основная — малое количество храмов. Это создает ситуацию, когда священники вынуждены все свои силы отдавать исполнению треб. Хотя сейчас ситуация меняется. Приход нельзя вдруг создать или «объявить». Он должен родиться и вырасти, как все живое. Как, например, семья. Она ведь складывается не один день. Для духовного объединения многих людей тем более должно пройти достаточно много времени.

— Что делать, если чувства единения не возникает? Если человек, только начинающий ходить в храм, чувствует себя здесь чужим?

— Бывает и так. Но надо помнить, что главное в Церкви — Бог. Человек должен прийти к Нему. Священник — это тот, кто встречает и приводит человека к Богу. Поэтому необходимо молиться в церкви, участвовать в церковных таинствах. Надо быть не просто зрителем и слушателем, а соучастником, в том числе и Божественной литургии — осознанно участвовать в ней.

Священник, полагающий жизнь за свою паству, — это идеал. Но священники тоже люди. Не будем забывать: в огромном Саратове у нас всего около пятидесяти клириков — это крайне мало, и трудно требовать от них невозможного. Однако там, где есть совместное движение навстречу, где

священник исполняет свой долг до конца, но и прихожане понимают его и помогают ему (например, в таком церковном служении, как общение с новыми людьми), там вряд ли существует очерченная вами проблема.

— **А каковы, на Ваш взгляд, основные признаки хорошего, полноценного прихода?**

— Очевидно, что в основе — правильно организованное богослужение, дающее людям возможность понять, в чем смысл соборной, храмовой молитвы; доступная, обращенная непосредственно к людям, живая проповедь; внимание к ним духовенства. Вообще это живая жизнь, которую трудно разложить по полочкам, схематизировать. У каждого прихода, как и у каждого человека, свой путь. При этом нельзя забывать главного — в идеале на приходе, как и в монастыре, настоятель должен быть духовником, а священники — единодушны с ним.

Правда, вот о чем еще нужно сказать. При таком единении важно не впасть в крайность некой замкнутости или даже обособления, которое порой проявляется в противопоставлении себя Церкви. Ни на один день нельзя забывать, что приход — часть Церкви, а не что-то самодостаточное, завершенное само в себе. В наши дни проводниками подобной «идеологии обособления» становятся иной раз некоторые достаточно популярные батюшки. Это сегодня достаточно серьезная проблема. Такому «популярному» священнику доверяют, его слушают. Казалось бы, все замечательно. Но вот беда: он заменяет своим чадам всю Церковь. Для них не существует ни Епископа, ни Патриарха, ни Синода. Такие разделения, связанные с какими-то личностями, не есть что-то принципиально новое:

они возникали на протяжении всей истории Церкви — от ее зарождения до нынешнего времени. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать апостольские Послания.

Почему так происходит? Потому, что диавол всегда действует именно так. Сначала он пытается отвратить людей от доброго дела. А когда ему это не удастся, старается извратить само дело.

— **Как справиться с такой бедой, как низкая культура поведения людей — и входящих в храмы, и работающих там?**

— Я думаю, священники все-таки должны выделять церковный актив, который взял бы на себя обязанность присматривать за порядком, за тем, чтобы входящим в храм людям не наносились обиды. Я думаю, это вполне возможно. С другой стороны, храмы не ограждены от праздношатающейся публики. Умудряются заходить в дом Божий и под хмельком, и с сигаретами. Можно представить реакцию верующих... Когда нетверд мир вокруг нас, трудно навести порядок в отдельно взятом месте. Но стремиться к этому, безусловно, надо всегда.

— **Что Вы посоветуете тем людям, которые пришли в храм, где приход еще не сложился?**

— Прежде всего не надо сразу начинать переходить из храма в храм: все-таки церковь — это прежде всего место, где совершаются таинства, где присутствует Сам Господь. В советские годы, когда никакой речи о развитой приходской жизни и быть не могло, миллионы людей приходили в немногие оставшиеся храмы и в них спасались. Со временем человек наверняка найдет себе храм, наиболее близкий ему по духу.

— **Но чем восполнить недостаток живого общения и духовного опыта?**

— Книгами. Чтением святоотеческой литературы, особенно — близкой к нашему времени. И регулярной исповедью.

— **Как Вы можете объяснить то колоссальное количество суеверий, которые к началу XXI века расплодились и среди, казалось бы, образованной публики, и среди простого люда?**

— Мы живем в переломный момент. Незаметно ушла старая Россия, которая несла еще на себе следы церковного, православного воспитания. Умерли наши бабушки, родившиеся в начале прошлого, а то и в конце позапрошлого века, с детства ходившие в храмы и церковно-приходские школы. Часто они были людьми малограмотными, но у них не было и сотой части тех околоцерковных суеверий и ложных представлений, с которыми мы сталкиваемся сейчас. В какой-то степени восприняли церковное учение и их дети. А вот следующее поколение — это поколение, полностью оторванное от своих христианских корней. Храмов не было. Но потребность в религиозном освящении жизни изначально присуща человеку. И в отсутствии религиозного образования рождаются мифы, «традиции», в основе которых — какие-то в полном смысле слова обрывки тех или иных православных обрядов.

Мне как-то приходилось наблюдать погребение одного человека в деревне и провожать его на погост. Вынесли гроб из храма, а за ним несут две табуретки. Дошли до околицы. Остановились. Ставят табуретки, а на них гроб, снимают крышку. И, окружив гроб, люди молча взирают на покойника.

У ворот кладбища процедура повторяется. Дело в том, что по Уставу полагается служить на выходе из села и у ворот кладбища литию — небольшое заупокойное богослужение. И вот, все собственно церковное забыто, смысл забыт, но то, что гроб с покойником должен быть поставлен в двух местах, — это помнят.

Таких примеров очень много. И говорят они о том, насколько уничтожены в нашем народе... — даже не традиции и обряды, они вторичны, — уничтожено само содержание христианской веры.

— **Священники свидетельствуют, что число суеверий, связанных с погребением усопших, особенно велико.**

— Это так. Вот типичный случай: приходит в храм человек и просит у настоятеля землю. Мол, умер родственник, и через час его хоронят. Священник пытается объяснить, что необходимо совершить отпевание. И желательно в храме. Лишь после этого берут землю, которой посыпают гроб. А священнику отвечают: нам ваши рассказы не нужны, глупости это все. Продайте землю — люди ждут. Настоятель опять о своем: давайте хотя бы самую краткую службу отслужим. Ему прямым текстом дают понять: в ваших «навязываемых» услугах не нуждаются, будьте добры, возьмите деньги и дайте землю. А что это за «земля», какой в ней смысл — человек и знать не хочет! А ведь главное — правильно проводить умершего в иную жизнь, совершить обряд церковного погребения, чтобы молитвы Церкви исходатайствовали ему милость у Бога, перед Которым он вот-вот предстанет. С таким поразительным духовным невежеством сталкиваются сейчас практически все священники.

— **Только в Саратовской епархии?**

— Нет. В той или иной степени с подобными явлениями приходится встречаться везде. Масштабы разнятся в зависимости от того, как проходит восстановление, возрождение церковной жизни. В Москве, например, я о таком почти не слышал. Зато на Волге... А ведь эта «земля» — самый ничтожный, малозначачий элемент тех обрядов, которые совершает Церковь над усопшим. «Землеклонники» могут быть людьми вовсе неверующими, но у них тем не менее своя логика: «Как же так? Соседи скажут, что я «своих» по-человечески не мог похоронить! Нет, обязательно дайте мне землю». А то, что «земля» сама по себе никакой пользы не приносит душе усопшего, для них оказывается малосущественным. Конечно, это совершенное язычество, если не богоборчество.

Но главная беда в том, что совершенно забыта жизненно важная в смысле вечной участи человека необходимость исповедоваться, причаститься, собороваться перед смертью. Разговор об этом даже не знаешь с какого конца начинать: все забыто напрочь.

Несть числа предрассудкам, связанным с Венчанием. Кто должен первым встать на полотенце... Или, не дай Бог, чтобы кольцо упало на пол при обручении... Здесь то же магическое отношение к браку, венчанному в Церкви, как к ритуалу, который сам по себе упрочивает брак. Но в Церкви, как и вообще в мире, ничто не действует «автоматически». Тем более — в сфере человеческих отношений.

Брак — ежедневный подвиг тех людей, которые в него вступают. Церковь венчает их венцами

и поет песнопения, прославляющие святых мучеников. Венец — символ мученичества. И торжества. Мученикам призывает уподобиться Церковь тех, кто стоит перед Евангелием и крестом, обещающая друг другу верность до смерти. Мученикам, которые претерпели до конца и этим спаслись. Вот настоящий смысл Венчания. Церковь благословляет людей на подвиг брака, на труд, на совместное несение жизненного креста, на рождение и воспитание детей. Не надо думать, что само Венчание автоматически удлинит или укрепит брак между людьми, которые не собираются жить похристиански, не собираются нести ответственность друг перед другом. Только если люди сознают, на что они идут, сознают, какую ответственность на себя возлагают, к чему они призываются, есть надежда на то, что брак будет прочным.

— **Мы сейчас говорим о браке, но, наверное, человек должен сознавать, на какой шаг он идет, и уже тогда, когда он принимает крещение?**

— Святейший Патриарх вот уже в течение пятнадцати лет на всех собраниях духовенства призывает не крестить любого пришедшего, что называется, с ходу. Необходимо проводить хотя бы самые элементарные подготовительные, огласительные беседы. Взрослый человек перед Крещением должен хотя бы одно из Евангелий прочитать, обязательно познакомиться с тем, что такое Церковь, к чему он желает присоединиться, какие обеты Богу дает.

Знаете, как трудно отпевать людей, никогда не ходивших в храм? Священник при этом должен читать разрешительную молитву, в которой есть такие слова: «да сотворит чрез мене смиренного

прощенно и сие по духу чадо», потому что почивший «исповедовал свои грехи вольные и невольные», а человек и в церковь-то никогда не заходил, не то что не исповедовался и не причащался! Священник при этом невольно оказывается лжецом. Кому мы лжем? Получается, что Богу и людям.

Каждый священник должен стремиться просвещать, научать людей, объяснять им смысл предстоящих таинств. А если люди отмахиваются от этих объяснений, то проявлять необходимую настойчивость. Лучше просто отказать, если пришедший откровенно воспринимает христианский обряд как что-то для него неважное. Скажем, если человек пришел в церковь креститься (или, как это часто бывает, его «привели» — кто-то из близких уговорил), но при этом совершенно не желает знать ни смысла этого таинства, ни что такое христианство, ни тем более как по-христиански жить, то я убежден, что крестить его не надо.

— **Вы несколько раз упомянули о необходимости отпевания покойников в храме. Однако такие отпевания происходят крайне редко.**

— Это наша беда, с которой я пытаюсь, пока правда, не очень успешно, бороться. А между тем отпевание на дому или в морге — это, на мой взгляд, измена священником своему пастырскому долгу (кроме тех, достаточно редких случаев, когда это обусловлено решительной необходимостью). Ведь отпевания совершаются на коммерческих условиях через похоронные бюро и агентства, зачастую, с кощунственными названиями. Здесь тебе и гроб, и венчик, и священник, входящий в набор услуг. И если духовенство участвует в этом надругательстве над святым, — это позор

и предательство своего служения. За это обязательно придется отвечать перед Богом, потому что священник, который так поступает, нарушает присягу, данную во время рукоположения. А кроме того, он развращает людей, которые считают себя православными христианами. Вместо того чтобы дать им четкие понятия о вере, о Церкви, о смысле священнического служения, что здесь происходит? — Вместо хлеба людям кладут в руку камень.

Опасность еще и в том, что когда священник такими окольными, внецерковными путями зарабатывает себе на жизнь, то ему становится совершенно безразлично происходящее в его храме. Мне не раз приходилось видеть церковь, в которой священник служит долгие годы и ничего в ней не сделано: ни в убранстве, ни в реставрации. Богослужения совершаются от случая к случаю, кое-как, наспех, воскресной школы нет. Зато батюшка ходит по этим похоронным конторам. И храм ему нужен лишь как прикрытие «основной деятельности».

Однако происходит и нечто еще более печальное. В ряде случаев запрещенные в служении священники, которые не имеют права совершать ни одного таинства или обряда, продолжают сотрудничать с погребальными конторами. А людям, естественно, невдомек, что они оплатили работу фактически ряженого, лжесвященника, который, совершая тот или иной обряд, по сути, кощунствует.

— **Наша газета писала о суевериях, связанных с так называемыми «белыми» и «черными» храмами. Откуда, на Ваш взгляд, возникают такие предрассудки?**

— При отсутствии религиозного просвещения народ наш религиозно одичал. Это печальный

факт. Но надо оговориться: чаще всего о «неправильных» храмах говорят люди, которые в Церковь не ходят, имеют к ней отношение, я бы сказал, «по касательной». У людей церковных такие ложные суждения встречается реже. Хотя бывает и такое. И тогда возникает вопрос: зачем они ходят в Церковь? Как можно назвать «черным» храм, в котором совершается Божественная литургия?

Это еще раз подтверждает тезис о том, как изменились люди за последние десятилетия. В нашей стране был период после войны, когда за короткий срок, так же как и сегодня, было открыто множество храмов. Приходилось обустроить их в любых подходящих местах: зачастую это были молитвенные дома, располагавшиеся в специально переоборудованных помещениях. И верующие люди, изголодавшиеся по Церкви, которых оторвали от нее под страхом смерти, были счастливы, что есть место на земле, где служится Литургия. В эти немногие действующие церкви они ездили за десятки километров. Возьмите храм Покрова Божией Матери в Энгельсе. Как он был посещаем в прежние годы, как любим до сегодняшнего дня! А ведь это обычный дом, купленный и переоборудованный под церковь.

Сегодня мы по-прежнему вынуждены открывать храмы в приспособленных помещениях, потому что не осталось храмовых зданий. И вот в одном райцентре передают клуб, в другом — кинотеатр, в третьем — магазин или сберкасса. Но сейчас — совсем другая ситуация, нежели в послевоенные годы. От людей можно услышать подчас такое: «Не пойду в такой храм. Там несколько десятилетий кино смотрели. Это ненастоящая церковь».

Люди не понимают сути — ради чего церковь существует. Им это не нужно. Они думают о каких-то непринципиальных вещах. Не понимают, что и без куполов, и без колокольни можно служить. В Соловецких лагерях ссыльные священнослужители совершали Божественную литургию на лесной поляне, которую называли своим храмом, служили в тюремных камерах, потому что не мыслили своей жизни без Евхаристической молитвы и Причастия. Мне же приходилось как-то говорить с жителями одного райцентра, которые не хотели посещать церковь, потому что она устроена в здании, где раньше располагался суд. Там, говорят, людей судили, как же мы туда будем ходить молиться. Это, дескать, грех великий.

Но давайте вспомним первые века христианства, когда в Римской империи после Миланского эдикта начали отдавать под церкви базилики — общественные здания, римские суды. Здания судов — они и становились первыми христианскими церквями. Именно форма этих базилик и стала на долгие века основной формой всей храмовой архитектуры.

— У людей, даже нецерковных, большой популярностью пользуются поездки по святым местам. При этом случалось видеть объявления, где в маршруты поездок входило посещение того или иного старца. Что вы думаете о стремлении современных людей попасть к прозорливым старцам?

— Паломнические поездки — это то, что естественно для христианина, является важной частью духовной жизни человека. Побывать, скажем, в обители, связанной с памятью того или иного подвижника, ощутить, «впитать» святость места,

помолиться там. Это очень укрепляет людей, помогает им. Я помню свои поездки в Троице-Сергиеву Лавру на дни памяти преподобного Сергия в молодости, когда на меня огромное впечатление произвела обитель, открытая всю ночь, храмы, заполненные множеством людей. Всю ночь после службы они стояли, молились, пели нараспев акафисты. След в памяти от этого остался на всю жизнь неизгладимый.

Сейчас настоящим паломническим центром можно назвать Дивеево. Побывать там стремятся люди как верующие, так и сомневающиеся, ищущие веры, и я сам знаю множество случаев, когда по молитвам преподобному Серафиму люди эту веру обретали и изменяли свою жизнь.

Но вот, что нужно понимать. Посещение мест подвигов великих святых ничего не даст человеку, если он не хочет работать над своим сердцем. Человек не может автоматически измениться. Он обязательно должен трудиться, в буквальном смысле проливая пот и кровь. «Дай кровь и прими Дух», — сказано отцами, то есть употреби усилия до крови и тогда ты пожнешь какие-то плоды. Только тогда. А характерное свойство современного человека — готовность обойти небо и землю для того, чтобы только не трудиться, а получить плоды Духа даром, мимоходом. И отсюда, конечно же, повышенная потребность в чудесах. Сегодня действительно развилась какая-то болезненная страсть — искать прозорливых старцев. Господи, помилуй, но зачем тебе знать будущее! Времена и сроки во власти Божией.

То количество «старцев», которое сегодня появилось, конечно, ужасает. Они возникают в самых

разных местах, хотя еще недавно о них никто и слыхом не слыхивал. И многие из них в сане находятся в лучшем случае чуть более десяти лет. Дико для православного человека видеть объявления о том, что организуется экскурсия и в ней, наряду с посещением тех или иных святых мест, предусмотрено «посещение прозорливого старца». Я хочу, пользуясь случаем, обратиться ко всем верующим людям: если вы встречаете такое объявление, — близко не подходите. Не может не только старец, а просто человек, более-менее здоровый духовно, допустить, чтобы о нем вот так писали и к нему за деньги возили экскурсантов. Я очень советую всем, кто любит ездить по святым местам, познакомиться с творениями святителя Игнатия (Брянчанинова), в частности с теми, в которых он говорит об «актерстве» последних времен, о людях, надевающих на себя личины святости, тогда как на деле от святости они очень далеки.

То же касается всевозможных отчиток. Распространилась мода на поездки на отчитки автобусами. Нужно это человеку или не нужно — об этом даже не спрашивается. Между тем отчитывание нужно только бесноватым, то есть тем, кто одержим бесом. Их можно легко отличить: они бросаются на окружающих, лают, кричат дикими головами и прочее. И с древних времен именно для таких болящих по благословию правящего архиерея совершалось соответствующее чинопоследование.

Но нет, сегодня совершенно здоровые, нормальные люди собираются на отчитку невесть за чем. Говорят: ну вот курить не могу бросить, то есть опять человек ищет плодов без трудов. Что

значит: «Не могу бросить курить»? — Не хочешь. У тебя нет силы воли. И поэтому надо ехать на отчитку? Это все равно, как если бы у человека царапинка появилась на лбу, а он стал бы просить хирурга сделать ему полостную операцию.

— **Что случится, если здоровый человек едет на такую отчитку?**

— Может быть, и ничего. Но я знаю такие примеры, когда люди здоровые отпраивались на отчитку и на самом деле становились бесноватыми. Примечательно, что один такой довольно молодой «старец», промышляющий недалеко от наших мест, приезжающим к нему говорит: «А вы к другому (и называет имя тоже одного очень известного своего «коллеги») не ходите. Он все делает неправильно. Вы ко мне ходите». Тут даже комментировать ничего не надо.

— **Но как же Церковь позволяет происходить подобному?**

— К сожалению, сегодня организацией паломничеств занимаются туристические фирмы, которыми руководят и в которых работают люди, абсолютно никакого отношения к Церкви не имеющие. Для них это просто «сегмент рынка», который необходимо освоить, потому что есть спрос. Но в результате порочится наша вера, люди получают искаженное представление о Церкви.

— **Владыка, каковы, по Вашему мнению, пути исправления ситуации?**

— Прежде всего мне хотелось бы предупредить всех, кто сталкивается с тем, о чем мы говорили: замена веры суеверием и прочие явления ложной духовности смертельно опасны; они опасны для душевного здоровья человека, но еще более — тем,

что отдаляют его от Бога как в земной жизни, так и в жизни вечной, к которой стремится каждый христианин.

И выход из этой ситуации можно искать только сообща. Нам, священнослужителям, нужно быть пастырями, а не требоисполнителями. Встречать людей на пороге храма. Вдумчиво, с любовью отвечать на задаваемые вопросы. А тем, кто еще только интересуется жизнью Церкви, не стесняться эти вопросы задавать священнослужителям, доверять им, и притом учиться трезво относиться к советам всезнающих соседок.

И еще, мне кажется, не надо бояться обсуждать те болезни, которые у нас есть — у Церкви и общества, в котором она существует и от которого неотделима. В каком-то смысле Церкви, как и всякому верующему человеку, с недостатками бороться легче: ведь мы уповаем не на собственные силы, а на помощь Всемогущего Бога и Его милостию получаем ее.

Беседовали Владислав Боровицкий,
Наталья Горенок

Газета «Православная вера»,
№ 11 (288), 2005 г.

НАША ПРОПОВЕДЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ОБРАЩЕНА К СОБСТВЕННОМУ НАРОДУ

Тема миссии сегодня как никогда актуальна для Церкви. Однако, к сожалению, до сего момента нет единого понимания того, какой именно она должна быть: слишком много взглядов на этот счет, слишком много разных мнений и частных опытов. Значит, тема не только актуальна, но и дискуссионна, и, следовательно, надо искать ответ на вопрос о характере и способах современной миссии «соборно». О проблемах православной миссии в наши дни мы беседуем с правящим архиереем Саратовской епархии Епископом Лонгином.

— В дореволюционной России Церковь имела большой опыт миссии среди иноверцев. Однако в наше время необходима миссия принципиально иного характера – не просто среди людей, не знающих Бога, но и среди людей, которые отпали от Церкви, утратили веру. Какой, с Вашей точки зрения, должна быть эта миссия?

— Можно сказать, что в вопросе уже заключается значительная часть ответа. Конечно, с «инородцами» как таковыми сейчас совсем иная ситуация, потому что те, кого называли в прежние времена иногородцами, сегодня граждане России. При этом они, если и сохраняют, как чувашаи, мордва,

татары и другие народности, свой язык и свои обычаи, то все равно являются людьми русской культуры. Скажем, святитель Стефан Пермский был просветителем зырян, но ведь сегодня они часть русского этноса. Россия уже немыслима без этих людей, поэтому мы не можем к ним относиться как к иноплеменникам, как относились к ним в XVII столетии, когда эти земли только-только заселялись русскими переселенцами.

Что сегодня особенно сложно? С одной стороны, мы живем с сознанием того, что мы: православная страна. Исторически это на самом деле так: мы действительно страна православная. Однако, с другой стороны, мы страна полностью расцерковленная. Виноваты в этом XX век и гонения, которые были в XX веке, но виноваты в этом и те внутренние проблемы, которые накапливались в течение столетий в церковной жизни и в XX веке разразились той катастрофой, которая постигла весь русский народ, в том числе и Русскую Православную Церковь. Поэтому нам необходимо идти с проповедью к людям, которые нас окружают, к людям, среди которых мы живем. Как спорно это ни будет звучать, но, хотя мы ругаем сектантов за их навязчивость, за их миссионерскую активность, однако до тех пор, пока мы сами не поймем, что миссионерская активность, только без навязчивости, для нас остро необходима, ситуацию нам не переломить.

Казалось бы, прописная истина, но все еще не усвоенная. Мне, как архиерею, приходится сталкиваться с этим достаточно часто. Предполагаю я послать священника на какой-то отдаленный приход или туда, где его нужно открыть, где прихода

прежде не существовало, и в ответ вдруг слышу: «А кто туда будет ходить?». Если вдуматься, то это очень страшные слова, которые свидетельствуют о полной потере некоторыми представителями духовенства понимания самого смысла нашего служения. Разве тот же сектант ответит так тому, кто посылает его на проповедь в любой город и в любую страну? Нет. Сектантские проповедники приезжают туда, где их никогда не было, где об их учении никогда не слышали. И через какое-то время там уже появляется община из нескольких десятков или даже сотен человек.

А православный священник подчас искренне считает, что он должен сидеть в своем храме и ждать, когда в воскресенье к нему кто-то придет на службу. А почему люди должны приходиться? Они уже забыли о Церкви, что она такое. Представления о церковной жизни были из их дедов и отцов в полном смысле этого слова выбиты. И им надо заново, начиная с «чистого листа» рассказывать о том, что такое вера в Бога, Православная Церковь, о том, как жить по-христиански.

Коротко сформулировать нашу задачу можно, наверное, так: Церковь, с одной стороны, должна стать полностью миссионерской, с другой стороны, область этой миссии сегодня ограничивается территорией нашей собственной страны. Нам пока не надо ехать ни в Японию, ни в Африку, ни в Индию, нам надо заниматься просвещением своего народа (а я уже сказал, что это не только русские, но и все те народы, которые исторически живут на нашей земле), которому Господь когда-то благоволил возрасти в Русской Православной Церкви.

Только проповедь наша должна быть свободна от тех сугубо маркетинговых ходов, которые используют протестанты; мы не имеем права, как делают это иеговисты, ставить ногу в дверь и не давать хозяину ее закрыть, пока мы не скажем ему все, что хотим. Так поступать, конечно, ни в коем случае нельзя.

— Еще один вопрос, из Вашего ответа вытекающий: не пришла ли пора всерьез заняться основательным изучением сект уже не с целью борьбы с ними, не с целью противодействия им, а с тем, чтобы извлечь из их современного опыта то лучшее, что в нем есть, и использовать его в своей миссионерской деятельности?

— Казалось бы, это и вправду необходимо. Однако есть один очень существенный момент, который нельзя не учитывать, потому что сектанство — вещь очень сложная, в каком-то смысле заразная. И те пороки, которые свойственны сектантам, очень легко могут перекочевать и, более того, уже перекочевывают в среду церковных людей.

Мы видим сектантов, нас поражает их ревность, их самоотверженность, работоспособность. Они будут жить впроголодь, недосыпать — будут проповедовать свое учение на улицах и ходить по домам. Но всмотритесь в них повнимательнее: ведь они ведут себя, как люди, в которых вложили одну и ту же программу, из которых сделали зомби. Разве мы можем это перенимать? Кроме того, очень часто у сектантов встречается совершенно откровенный обман, когда они, не открывая всей правды обо всех сторонах своего учения, идут на подмену, предлагают одно, а дают потом совершенно другое. Этого делать ни в коем случае нельзя.

Есть классические протестанты, такие, которые сегодня приобрели некоторую респектабельность, даже «оправославились» в какой-то степени, живя у нас в России. Они строят свою жизнь на принципах общинности, это, собственно говоря, наши, церковные принципы, только мы от такой жизни успели отвыкнуть и потому порой можно у них этому учиться. Но и здесь возможны крайности и перегибы: можно этот опыт использовать, как использовал его священник Георгий Кочетков, покрывший всю страну сетью своих ячеек и создавший нечто вроде «параллельной Церкви». Это общинная жизнь, доведенная до абсурда.

Для Церкви правильным является путь средних, без уклонений в излишество и недостаточность, который именуется царским. И если мы посмотрим в прошлое, то увидим, как находила Церковь ответ на вопросы, подобные тем, что возникают сегодня. Я думаю, что важнее всего сейчас — воспитание достойных пастырей, осознающих свое призвание, готовых к подвигу за свою паству.

Это проблема не только обучения, но и прежде всего семинарского воспитания. Почему обучение в семинарии не всегда дает желаемый результат? Это вопрос очень сложный, требующий большого обсуждения. Мы даже не можем выполнить главное требование церковного права — не можем не рукополагать молодых людей. Мы посылаем быть духовными вождями народа 22–24-летних ребят, которые несколько месяцев назад женились. Мы рукополагаем такого молодого человека и посылаем настоятелем на приход, а он и не работал никогда, ни одного дня, не знает, как живут

работающие люди. Он закончил школу, потом 5 лет в семинарии провел, женился, рукоположился и поехал, и он должен учить взрослых людей, хотя даже не понимает их жизни, не может еще понять. Вот только одна проблема, которую ввиду нашего общего кадрового голода решить пока не удастся. А таких проблем много.

— Почему в каких-то внешних вопросах сектанты так часто «переигрывают» нас?

— Для них не существует запрещенных приемов — вот самое основное. Если вспомнить церковную историю, то кто такие первые протестанты? Это отнюдь не какие-то невинные овечки, которых за веру ни с того ни с сего повыгоняли из Европы в Америку. Протестанты — люди, развязавшие огромное количество многолетних страшных, кровавых войн по всей Европе. Они проповедовали, казалось бы, вполне отвлеченные вещи, но при этом взяли в руки оружие и начали попросту завоевывать себе территории и паству. Потом, когда наступил век коммерциализации, они же взяли на вооружение самые передовые бизнес-технологии — опять-таки то, что для Православной Церкви является неприемлемым. Они не боятся совершенно осознанно заниматься «программированием» людей, глубоким и зачастую совсем не безопасным воздействием на их психику. Разве мы можем так поступать с людьми? Старец Паисий Афонский говорил, что чем духовней человек, тем меньше у него каких-то земных, сиюминутных «прав». Вот и в данном случае есть вещи, которые протестанты себе позволяют, а мы позволить себе не можем. И в каком-то смысле закономерно, что в некоем земном плане мы будем нередко проигрывать.

Но мы и не стремимся любой ценой, обманом или же «железной рукой загнать человечество к счастью и спасению». Наша задача иная — дать людям возможность узнать об истине, увидеть ее и сделать свой осознанный, свободный выбор.

Смотрите... Вот сектант, он ходит с утра до вечера, раздаст какие-то листовки, книги, журнал «Сторожевая башня» и что-нибудь еще вроде этого. Ему сказали, что, чем больше он этих книжек распространит, тем вернее его спасение, независимо от того, что у него в душе творится и какие страсти в нем живут. Это и есть один из многочисленных примеров манипулирования сознанием. А к нам приходит человек, допустим, в горе, потерянный, сломленный, мы же не скажем ему: «Если ты обойдешь 15 кварталов города Саратова и принесешь с каждого квартала по 5 тысяч рублей, — значит, все в порядке, все у тебя будет хорошо». Мы же не можем так, мы попытаемся утешить, найти нужные слова, объяснить человеку, как ему начать трудиться всерьез над своей душой. Это очень долго, муторно, хлопотно, а в секте ему говорят: «Слушай, человек, все очень просто»...

— ...то есть ему дают камень вместо хлеба.

— Я бы даже сказал не камень, а змею, то есть там его совершенно цинично эксплуатируют. Используют горе человека, попавшего в тяжелую ситуацию. Это не значит, что у нас такого не бывает и быть не может. Когда мы говорим о сектантском духе, который пробивается и в Церковь, вспоминаются несчастные супруги, которые, 20 лет прожив вместе, по чьему-то «старческому» благословию развелись, и их приняли в один муже-женский монастырь, и они там с утра до

вечера на сотнях гектаров полей пашут, как купленные рабы. Чем это отличается от практики тех же кришнаитов, или мунитов, или других сектантов? Какой-нибудь, с позволения сказать, «духовник» думает, что он нашел замечательный метод воздействия на людей. Он в рясе и с крестом, он совершает православные священнодействия, а на самом деле он самый настоящий сектант. Есть вещи, через которые нельзя переступать. Когда ты их переступаешь, ты становишься сектантом. Это очень важно понять. Но важно понять и другое: для Церкви это в принципе нехарактерно, это чуждо ей, это отдельные ошибки отдельных людей, и церковной нормой они не станут никогда.

Кроме того, говоря, почему «Церковь проигрывает» сектантам, я бы хотел отметить еще один момент: они ничем не отягощены. У них нет храмов, которые им сотнями надо строить или реставрировать, поскольку и жизнь их строится не вокруг церковных таинств, а является, по сути, некой массово-пропагандистской работой. При этом система материального обеспечения, «членских взносов» у них отработана великолепно. Они не ощущают ответственности за продолжение существования нашей национальной культуры. В отличие от нас, не чувствуют они ответственности и за наш народ и за нашу Родину в целом, не делят, подобно нам, с нею ее бед и скорбей. Они не патриотичны, а космополитичны. И это тоже становится для них козырем, поскольку на их стороне неизменно оказывается столь же космополитичная, ориентированная на Запад, либеральная пресса, у которой с сектантами вообще оказывается немало общего. А пресса создает информационный

фон, который может быть благоприятным или неблагоприятным — в данном случае для Церкви. Она по-прежнему формирует общественное мнение, так что любую ложь, любую глупость, написанную о Церкви пером, не вырубешь порой из голов человеческих никаким топором. И наше свидетельство о том страшном вреде, о той угрозе, которые несут людям тоталитарные некульты, очень часто представляется в светских СМИ как «преследование инакомыслящих», как «борьба Церкви за сферы влияния».

— **Раньше были священники-миссионеры, которых специально готовили к служению; это был, если можно так выразиться, некий «специальный отряд» духовенства, особым образом подготовленного и ориентированного. Перспективен ли этот путь сейчас?**

— На этот вопрос во многом отвечает само время. Не надо забывать, что у так называемых епархиальных священников-миссионеров в России до революции имелась совершенно четкая цель, раз и навсегда определенные задачи. Чаще всего это были противораскольничьи миссионеры, потому что раскол был очень большой проблемой для Русской Церкви. Сегодня, в результате тех событий, которые произошли в XX веке, эта тема у нас уже совсем не так актуальна. Однако обилие сектантов, с одной стороны, и необходимость просвещения народа, с другой, говорят о том, что миссионером необходимо быть каждому священнику, вне зависимости от того, проходил ли он какую-то «спецподготовку» или же нет.

— **Вы говорите, Владыка, что у нас страна православная и мы живем с памятью о том, что она**

православная, но в то же время живем мы и с осознанием того, что страна эта расцерковленная...

— Я думаю, что по-прежнему православная она все-таки в нашем представлении, в представлении православных людей. Мы знаем это, мы об этом помним. Человек церковный живет в церковной истории, и она для него не является чем-то абстрактным, тем, что он когда-то много лет назад прошел в школе и теперь забыл благополучно и не думает об этом. Нет, мы переживаем каждый раз вновь и вновь те или иные события, жития тех или иных подвижников, благочестиво вспоминая их. Поэтому для нас, православных людей, это очевидно, наше сознание принципиально исторично.

Но вместе с тем для очень большого количества людей Православная Церковь — это некий выбор, самоидентификация, и все опросы общественного мнения сегодня говорят, что православными называют себя до 80% населения нашей страны. Некоторые приводят иную статистику — от 60 до 80%. На Северном Кавказе, в Башкирии, Татарии этот процент совершенно другой — на Северном Кавказе почти на 100% мусульманское население, в Татарии и Башкирии — около половины. Но в принципе, повторяю, по всей стране — до 80% православных. Это люди, которые, когда их спрашивают: «Кто вы по вероисповеданию?», отвечают: «Мы православные». Они крестят своих детей, они в той или иной форме отмечают основные христианские праздники — Рождество, Пасху, Троицу. Как отмечают? Время от времени приходят в храм, может быть, не всегда ходят на службы, а заходят просто помолиться, поставить свечи, доступным для них образом проявить свои

духовные чувства. Поэтому говорить о том, что страна православная, можно. Другое дело, если этих людей спросить: а что такое Православие, как вы его понимаете, какой смысл вы вкладываете в это слово, — вот тут, конечно, ответов будет огромное количество, и, что в этих ответах будет заключаться, один Бог знает.

— **Наиболее распространенное «обвинение», которое нам предъявляют, то, что мы людей искусственно «тянем» в Церковь, то есть они и не живут церковной жизнью, и, может быть, не хотят ею жить, а мы их записываем в число православных, притом стараемся привести их в храм.**

— Это тоже составная часть нашей миссионерской деятельности, мы и не скрываем, что мы хотим возвращения нашего народа в лоно Православной Церкви. Это наша задача. И мы объясняем людям, что раз они крестят своих детей и так или иначе причисляют себя к православным, то, значит, им надо знать свою веру. Это наша задача. В чем же нас обвинять? В том, что мы существуем на свете? Здесь все очень просто: раз люди называют себя православными христианами, то, значит, они все-таки хотят ими быть. И не надо никого убеждать в том, что они не знают, что говорят, поскольку они на самом деле еще не молятся, не постятся. Это их свободный выбор, их право говорить о себе: «Мы православные». А наше право и наш долг — помочь им действительно таковыми стать.

— **Нужно ли, с Вашей точки зрения, делить аудиторию, к которой обращается миссионер, на какие-то группы, определяя особо характер работы**

по каждой из них? Если да, то какие группы Вы могли бы выделить?

— Я думаю, что и надо, и не надо. Если вы придете в школу, то здесь потребуется один подход, в доме престарелых — другой, в университете — третий, в тюрьме — четвертый. И вместе с тем при такой дифференциации по необходимости все равно, находясь в определенной аудитории, надо понимать, что мы должны обращаться к каждому человеку лично. Все наши мероприятия, лекции, беседы, встречи — все это хорошо, но абсолютно недостаточно и само по себе малорезультативно. Если вернуться к опыту сектантов, то чем они берут? Только одним — индивидуальной работой, все остальное — «шумовая завеса». У них основное — индивидуальная работа с человеком, и, пока мы не научимся работать с каждым, мы будем терять людей.

Правда, здесь мы сталкиваемся еще с одной объективной сложностью: по-настоящему это возможно, если мы имеем достаточное количество приходов и достаточное количество священников, но и того, и другого у нас хронически не хватает. Посмотрите на Грецию: в Салониках, где живет чуть больше миллиона человек, четыре митрополии! То есть в одном городе четыре полноценные епархии, со своими правящими архиереями, со своими приходами, благочинными и т. п. А у нас — 10–20 храмов на такой же миллионный город, и то — как результат бурного возрождения нашей церковной жизни. Поэтому, когда у нас будет много храмов, в каждом из которых будет достойный священник, который сможет обратить внимание на каждого, кто приходит в этот храм, тогда в течение обозримого

времени мы сможем воцерковить значительное количество людей. Только так, поэтому все наши прочие мероприятия могут быть только «довеском», за исключением, пожалуй, средств массовой информации — телевидения и радио, куда Церковь только сейчас начинает по-настоящему входить.

Такова реальность. Это, конечно, не означает, что можно сидеть сложа руки и ждать, пока будет все необходимое. Во-первых, нужно стремиться к открытию новых приходов — не только в восстановленных и вновь построенных храмах, но и в приспособленных для этого помещениях, относиться к этому как к некоей стратегической, и притом миссионерской цели. Во-вторых, больше сил и внимания надо уделять процессу пастырской подготовки, особенно передаче опыта духовной жизни и пастырского душепопечения молодым священникам священниками старшего поколения. И при этом все равно делать все то, что остается для нас объективно возможным и о чем было уже сказано выше. И помнить, что дорогу осилит идущий и Господь не оставит того, кто будет подвигаться на этом поприще искренне и самоотверженно.

— **В связи со сказанным Вами, Владыка, можно ли считать частью миссионерской работы деятельность церковных СМИ и взаимодействие со СМИ светскими?**

— Да, и притом очень важной частью, но какие бы у нас ни были хорошие церковные СМИ, они все равно по преимуществу распространяются в церковной среде, их читают люди, уже пришедшие в храм. И их нужно продолжать воцерковлять, и наши издания оказывают в этом отношении существенную помощь. Но самое главное — это, как

я уже сказал, общедоступные СМИ: телевидение и радио, светские газеты и журналы. Как ни прискорбно, серьезной, общецерковной, многотиражной, уж не говорю ежедневной, даже еженедельной газеты в России до сих пор нет. Такой газеты, которая выходила бы большим тиражом, пользовалась спросом, лежала бы во всех киосках и покупалась бы людьми и в которой были бы не только новости о церковных праздниках, торжественных богослужениях и событиях церковной жизни, но которая была бы общей, как, скажем, газета «Известия». И пока у нас этого не будет, пока мы не сможем ангажированной, порой, увы, продажной прессе противопоставить свое слово — аналитическое, критическое, объективное, нас просто не будут слышать. Сейчас нечто вроде этого пытается делать телеканал «Спас». Очень робко, не всегда умело и не всегда со всем там можно согласиться, но начинает это делать, пытается. Однако это непросто дается. И нельзя еще забывать, что это канал, за который надо платить, который смотрят по всей стране, дай Бог, от 300 до 500 тысяч человек, то есть население среднего города.

— **И каким же образом эту проблему можно решать? Ведь здесь требуется не только понимание задачи и профессионализм, но и немалые средства...**

— В последнее время все чаще заходит речь о реституции как об источнике таких средств. Только создание церковной экономики, основанной на владении незаконно отторгнутой у нас недвижимостью, может решить эту проблему. Ни благотворители, ни распространение свечей или книг — ничего не изменят в этой ситуации

качественно, пока не будет решен вопрос о реституции, пока у Церкви не будет нормальных источников дохода, которые позволят ей содержать, во-первых, общедоступные СМИ, а во-вторых, учебные заведения.

— **Получается, что у нас так или иначе все упирается в отсутствие кадров, в отсутствие средств, необходимых на открытие новых приходов...**

— ...или поддержание жизни в приходах, расположенных в местности, где живет небольшое количество людей, нуждающихся в храме, но не способных этот храм и его настоятеля содержать. Такая же проблема налицо и в здравоохранении, и в народном образовании, почему сейчас и ликвидируют «малокомплектные» школы в маленьких деревнях, закрывают больницы и другие социальные объекты.

— **Но что делать, если мы в таком положении находимся? Как эту ситуацию разрешать?**

— Мы ее разрешаем, как можем. И сколько территорий, епархий, столько и различных ситуаций, поэтому каждый правящий архиерей, как может, из этой ситуации выходит — настолько, насколько получается. Открываем, скажем, одну гимназию и страшно радуемся этому, а что такое сегодня одна гимназия на миллионный город или даже на всю епархию? Это даже не капля в море, это просто незаметная вещь, почти несуществующая, близкая к нулевой величине.

— **Был задан уже вопрос о различных аудиториях, к которым может быть обращена миссия. Кажется, что все-таки одну аудиторию по преимуществу неизменно выделяют — это прежде всего аудитория молодежная. Действительно ли**

к молодежной аудитории нужен особый подход, нужна некая особая молодежная миссия со своими отдельными средствами, специфическими способами работы? Или же это второстепенно?

— Нет, это действительно нужно. Одна из первостепенных задач в проповеди, обращенной к молодежной среде, — научиться говорить с молодежью на максимально понятном ей языке. Это пытаются сегодня делать многие достаточно популярные миссионеры, проповедники. Конечно, это не всегда получается удачно. Знаете, как бывает: взрослого человека поставили общаться с ребенком, и вот он начинает сюсюкать с ним, а ребенок с недоумением смотрит на него и никак не может понять, зачем он это делает. Так же иногда, когда пытается миссионер говорить с молодежью на ее языке, то порой он начинает уже, конечно, не сюсюкать, а общаться на каком-то жаргоне, и тоже непонятно, зачем это надо. Но за такие ошибки трудно судить, потому что слишком велик подчас и интеллектуальный, и возрастной, и психологический барьер, который приходится священнику преодолевать. Однако как бы то ни было миссионеры в молодежной среде выполняют одну очень важную задачу: они приучают молодежь — это очень важно в нашей стране после 70 лет атеизма — к факту существования Церкви, к тому, что она является частью общества, естественной и нормальной. Все мы еще помним то время, когда, увидев человека в рясе, люди оглядывались ему вслед, качали головами и не могли поверить своим глазам, что такое возможно. Сегодня этого уже нет. Сегодня люди уже привыкли к существованию Церкви и духовенства, и в этом заслуга — в том

числе — и миссии, и проповеди церковной. И среди молодежи этот процесс тоже идет, и это очень хорошо. Но опять же — на внутреннем, глубинном уровне приход человека в Церковь, восприятие им церковной жизни как своей жизни, природной, ее понимание — это тоже возможно только в личном общении. Даже там, где есть молодежные приходы, где много молодых людей в приходах, они не ограничиваются общением друг с другом. У каждого из них установились отношения со священниками, которые там служат, а это и есть, по существу, нормальная церковная жизнь, предполагающая духовное руководство.

— **Говорят, что молодежь в Церковь надо именно привлечь. Правильно ли это? Или же молодой человек должен прийти в храм, как и любой другой человек, просто потому, что он потянулся ко Христу?**

— Господь сказал апостолам: *идите, научите все народы* (Мф. 28, 19), то есть привлекайте, проповедуйте. И еще: *Я сделаю вас ловцами человеков* (Мф. 4, 19). Можно, конечно, по нашим временам и упрек на это услышать: «Вот вы какие, ловите человеческие души!». Но все равно, именно это нужно — не можно, а нужно. Всех, и не только молодых, но и старых, мы должны привлекать в Церковь, причем в первую очередь — самой Церковью. Той красотой, которая в ней есть, той глубиной, которая ей присуща, той любовью, которая в ней должна человеку открыться. Любовью Божией и любовью человеческой, потому что без нее человеку внешнему в любовь Божию непросто бывает поверить.

— **А когда молодежь привлекается в храм через какие-то кружки, секции, посредством различных мероприятий, Вы как к этому относитесь?**

— Может ведь быть по-разному. Вполне возможно, что кто-то из молодых людей скорее «привяжется» к Церкви благодаря организации на приходе таких секций и кружков. Но возможно и другое: молодые люди будут заниматься при храме, например, спортом или ходить в походы, но никогда не зайдут в сам храм, не будут жить церковной жизнью, а батюшка будет доволен: «Как хорошо, как много молодежи около храма!».

Хотя, безусловно, у этого вопроса есть и другая сторона: сегодня не только до стариков никому нет дела, но и молодежь, оказывается, никому не нужна. Государство практически полностью перестало заботиться о таких вещах, как организация молодежного досуга, забота о физическом развитии подрастающего поколения и т. п. Поэтому, если при храме есть большая территория (а бывает, к счастью, и такое), я не вижу ничего плохого в том, чтобы священник отгородил часть этой земли и сделал там какую-нибудь спортивную площадку для молодежи, пусть даже и для нецерковной. Пусть он возьмет и займется этим, если у него есть помещение, пустит туда какую-то группу, секцию, какое-то молодежное объединение. Это тоже служение Церкви, не обязательно даже при этом спрашивать на входе, есть у них крестик на шее или нет, крещеный человек или некрещеный. Дело в том, что начиная еще с очень древних времен во всем мире, и в России в том числе, Церковь брала на себя определенные социальные обязательства перед обществом. Церковь занималась

призрением сирот и стариков, Церковь занималась воспитанием детей, Церковь занималась благотворительностью, помощью увечным, раненым, инвалидам, переселенцам, то есть Церковь, помимо того, чем она является по существу, выполняла еще роль некоего социального института. Сейчас государство от работы в социальной сфере почти полностью устранилось. И устраняется с каждым годом все больше и больше, оно словно старается сбросить с себя эту «неудобную» социальную нагрузку окончательно, причем, кроме Церкви, принимать ее никто не торопится. Но и Церковь оказывается не готовой к этому: у нее нет материальных возможностей, которыми она располагала раньше, нет опыта подобной деятельности уже в наши дни, зачастую нет и людей, которые могут что-то делать. Поэтому сейчас, с одной стороны, люди, нуждающиеся в помощи, как бы интуитивно тянутся к Церкви, с другой — нам очень часто нечего им ответить.

— Какие Вы можете назвать наиболее распространенные миссионерские ошибки, от чего нужно предостерегать человека, вступающего на данное поприще?

— Прежде всего — от приведения людей не к Богу, а к самому себе. Такой соблазн всегда присутствует в Церкви, и, чем ярче, умнее, одареннее священник (в данном случае миссионер), тем больше риск. Эта чрезмерная «личностность» проповеди может проявляться, в частности, и в том, что человек привносит в свою проповедь слишком много из самого себя, своих личных взглядов и идей, далеко не всегда верных. Другая ошибка — выбор неправильного тона для разговора, стремле-

ние до конца сжиться со средой, причем имея зачастую об этой среде самое фантастическое, неверное представление. И порой, как следствие, — потеря себя.

— Миссионер — это человек, который все время находится на «переднем крае», среди людей, от Церкви далеких, ему приходится вести с ними постоянный диалог. Естественно, все это создает очень большое напряжение и внутреннюю нагрузку. В связи с этим вопрос: какое место в деятельности миссионера должна занимать его работа над самим собой?

— Миссионеру, вне всякого сомнения, нужно прежде всего заниматься самим собой, своим внутренним миром. Преподобный Серафим Саровский очень точно сравнивал христианина с купцом, говоря о том, что, для того чтобы торговать, нужно иметь, чем торговать, — товар в лавке купеческой должен быть. Не можем же мы предлагать людям то, чего сами не знаем и не имеем. Конечно, всегда нужно поддерживать в себе христианское состояние, устройство своей души. Если миссионер об этом забывает, то зачастую он приходит впоследствии к тяжелому внутреннему кризису, если не краху, столкнувшись в конце концов с собственной духовной несостоятельностью.

— Хотя прежде миссионеров готовили специально, например, в Казанской Духовной академии и семинарии, имевших до революции миссионерский статус, тем не менее лучшими миссионерами становились подвижники-энтузиасты — такие, как святитель Иннокентий (Вениаминов) или святой равноапостольный Николай Японский. Нельзя ли

сказать, что так же дело обстоит и сегодня, и не остается ли все же миссия по-прежнему делом таких же энтузиастов-одиночек?

— Я не думаю, что у нас в ближайшие годы появится возможность содержать специальных священников-миссионеров, священников-духовников или священников-проповедников, как это принято в не страдающей от кадрового голода Восточной Церкви. Поэтому нужно готовить к миссионерской деятельности любого студента семинарии, тем более академии. Но, безусловно, получится настоящий миссионер только в результате ревностного священнического служения, подвижничества. Нельзя подвижника подготовить в аудитории, это во многом результат различных слагаемых — тут и воспитание, и отношение человека к своему делу, и те люди, с которыми его столкнула жизнь еще до вступления в священническое служение. И, конечно же, личный момент очень важен, и, действительно, только самоотверженные люди могут стать настоящими миссионерами. Самоотверженными и жертвенными, хотя сегодня для этого и нет нужды ехать куда-то далеко, за тридевять земель.

Беседовал *игумен Нектарий (Морозов)*

*Журнал «Православие и современность»,
№ 1 (17), 2006 г.*

СМЫСЛ ЖИЗНИ – СЛУЖЕНИЕ

Слово к воспитанникам

*Саратовской православной духовной семинарии
на начало нового учебного 2007/2008 года*

Сердечно поздравляю всех вас, воспитанников и преподавателей, с началом нового учебного года. Рад приветствовать первокурсников, поздравить их с успешным завершением вступительных испытаний и началом совершенно особого периода в их жизни.

Мы редко задумываемся о том, что Господь дает нам это время как **дар** — время, которое мы можем провести в святой Его Церкви, в стенах духовной школы. И можно использовать его с пользой, как время возрастания — духовного и интеллектуального, а можно растратить совершенно напрасно и не только ничего не приобрести, но и растерять по своему небрежению то, что имели. Именно поэтому, встречаясь по традиции 1 сентября, мы говорим с вами о том, ради чего вы пришли в духовную школу, что ожидаете от семинарии и что она ожидает от вас, какие усилия вам необходимо приложить и на какую помощь вы можете рассчитывать.

Действительно, семинария очень многим отличается от любого светского вуза. И прежде всего тем, что учеба в духовной школе — это не

просто обучение профессии, потому что такой профессии — священник — не существует. Священство — это служение, требующее всего человека без остатка, призвание от Бога, оно дает человеку ни с чем не сравнимую радость, но накладывает и ни с чем не сравнимую ответственность. Господь Своей благодатью делает человека, священника, Своим соратником в деле спасения человеческого рода. И единственное, чем можно достойно ответить на такой призыв Бога, — стремление полностью посвятить свою жизнь служению Ему, Церкви и людям, причем чаще всего — людям уставшим, больным, озлобленным, находящимся под властью греха, измученным собственным неверием.

Естественно, что столь сложное служение требует и необходимой подготовки. Эта подготовка не может заключаться в приобретении некоторой суммы знаний, нужно нечто большее. Поэтому духовная школа предоставляет своим воспитанникам максимальные возможности для обучения не только необходимым богословским дисциплинам, но прежде всего учит жизни в Церкви, послушанию Церкви, способности чувствовать себя членом Церкви, считать ее жизнь своей жизнью. Служение священника не может состояться без любви, а любовь к Богу и людям не может «привиться» к сердцу человека, поддерживаться в нем в течение всей его жизни без глубоко осознанного участия в жизни церковной, без помощи Божией, которая подается нам в церковных таинствах.

Семинария — это закрытое учебное заведение с достаточно строгим уставом. Вхождение в ее жизнь для современного молодого человека бы-

вает непростым: ведь в окружающем нас мире все подчинено стремлению к наслаждениям и любое ограничение свободы воспринимается не иначе, как посягательство на права личности. Но в то же время мы с вами все-таки находимся в Церкви, где все несколько по-иному, где послушание в значительной мере служит основой духовной жизни. Научиться послушанию трудно, но необходимо, поэтому ситуации, когда приходится понуждать себя слушаться, делать не то, что хочется, а то, что велят, трудиться, когда нет желания, — все это та школа, которую будущему пастырю необходимо пройти. Вообще, все труды и ограничения, которые приходится понести семинаристу, имеют двойную цель: с одной стороны, это возможность узнать человека (и дать ему возможность разобраться в самом себе), с другой — это средство помочь ему воспитать в себе те качества, которые необходимы будущему пастырю.

Сразу хочу отметить, что все эти труды вполне посильны человеку, который сделал осознанный и твердый выбор, желает послужить Богу и ближнему. Однако вполне возможно, что среди вас, как среди первокурсников, так и среди тех, кто уже учится, есть те, кто совершил ошибку, попав не туда, куда нужно. И та нагрузка, которая дается в учебе, при несении послушаний, посещении богослужений, — она вполне соизмерима с теми обязанностями, которые впоследствии выпускнику семинарии, принявшему священный сан, придется нести всю свою жизнь. А потому это самое реальное средство оценить, правильный ли он сделал выбор, готов ли он к тому, чтобы быть священником.

На что еще я бы очень советовал вам обратить внимание.

Сегодня Церковь переживает период возрождения после многих десятилетий гонений. Особенность нашего времени — это строительство множества новых и восстановление разрушенных храмов. Священнику приходится уделять много сил хозяйственной деятельности. Как правило, любое строительство происходит с большим трудом. Но церковная жизнь ни в коем случае не ограничивается добыванием и освоением материальных средств. Центральное место в жизни священника должно занимать созидание не стен зданий, а душ пасомых. А для этого ему необходимо прежде всего созидать мир собственной души, научиться жить с Богом.

Необходимо уже здесь, в семинарии, научиться любить богослужение: не просто присутствовать на нем по обязанности, не просто знать его, но видеть в нем основную пищу для своей души. Не отстаивать, переминаясь с ноги на ногу, думая, когда оно закончится, раздражаясь на каждый новый псалом, который читается, на каждую стихирю, которая поется в храме, а радуясь, удивляясь глубине, красоте и совершенству нашего православного богослужения. Пока человек не обретет в себе это качество, конечно, ни о каком служении священника не может быть и речи.

Учеба в семинарии должна стать для вас и временем интеллектуального возрастания, потому что сегодня священник — это человек, который «стоит на верху горы», который доступен всем и умеет общаться и с людьми простыми, и с пред-

ставителями власти, и с интеллигенцией, учеными, учителями, то есть с людьми из всех слоев общества. Обидно, больно и стыдно, когда священник является неучем, причем не только в богословских вопросах, но и в вопросах самых элементарных, не знаком с тем, что происходит в современной жизни.

И в то же время надо понимать, что от священника ждут не только возможности поддерживать разговор. Быть всесторонне образованным человеком ему необходимо, но этого недостаточно. Главное, что от него ожидает народ, и церковные, и даже нецерковные люди, — видеть в нем пример истинно христианской жизни. Мы должны всегда держать в памяти слова преподобного Антония Великого: «Величайшее безобразие из всех безобразий — учить других тому, чего сам никогда не делал».

Мы много говорим о том, что первейшая обязанность духовенства — проповедовать людям христианство. Однако самая действенная проповедь — это проповедь самой жизнью, когда люди не только слышат от священника правильные слова о том, как им надо себя вести в семье, обществе, на работе, как надо молиться Богу, но когда они видят, что священник — это человек, который на деле исполняет то, чему учит всех остальных.

Еще одно отличие семинарии от светского вуза в том, что мы внимательно следим за судьбами выпускников прошлых лет, потому что большинство из них вступает в состав клира Саратовской епархии, их служение происходит на наших глазах, и это позволяет сделать некоторые выводы. Один из них таков: к сожалению, те представления, которые

имеются у части духовенства о церковной, приходской жизни, в корне не соответствуют современным реалиям. Я бы назвал это одной из главных проблем церковной жизни сегодня.

Например, мы часто употребляем слово «приход», не задумываясь о его содержании. Очень многие священники, получая назначение, приезжают на место своего будущего служения, и независимо от того, есть ли там старый, никогда не закрывавшийся храм, или он только недавно открыт, или им самим только еще предстоит создать приход, они почему-то убеждены, что люди сами должны в этот приход ходить. На самом деле те люди, которые знали, что надо ходить в церковь, поминать своих усопших, крестить детей, венчаться, брать благословение Божие на важные дела, — это поколение людей практически уже ушло из жизни. И поэтому очень странно и обидно, когда священник спустя некоторое время после начала своего служения приходит ко мне и говорит: «А у нас в храм никто не ходит». Это отчасти понятно, если он служит в селе, где осталось 50, 100, 200, 300 человек, хотя и в таких населенных пунктах Центральной России, там, где священники действительно «горят», исполняя свое служение, — и там есть прихожане, есть приходы. Удивительно, что в нашей епархии есть примеры, когда такие слова говорит священник, служащий в населенном пункте, насчитывающем 2, 3, 5, а то и 10 тысяч человек. Это свидетельствует только о том, что плох священник. Сам он может быть вполне достойным человеком, но он до сих пор не понял, что сегодня основа деятельности каждого священника — это активная про-

поведь. Нельзя просто сидеть и ждать, что кто-то сам придет в церковь. Надо самому идти навстречу к людям, идти в школу, надо обращаться к людям напрямую, выступать везде, где только есть к этому возможность: в Домах культуры, повторяюсь, в школах, для того чтобы говорить людям о Церкви, привести людей в Церковь, а затем суметь показать им истинную красоту церковной жизни.

Когда мы открываем храм в том месте, где его не было уже многие десятилетия, то, может быть, на первых порах кто-то и зайдет в него. Но, придя один раз, второй, эти люди считают, что они свой христианский долг выполнили и больше уже в церковь не ходят. Так бывает очень часто: открывается храм, на первую службу собирается 50, 60, 100 человек, через полгода ходит 5, 10, максимум 15, потому что у людей нет мотивации — они не понимают, зачем нужно ходить на службу: ведь они были полгода назад в церкви, — этим, собственно говоря, все их отношения с Богом и исчерпываются.

Поэтому священник должен суметь не только привести людей в церковь, но и воцерковить их: показать им глубину и наполненность настоящей церковной жизни, научить их молиться дома и в храме, объяснить им, что такое таинства, объяснить им важность участия в таинствах, научить их читать книги о Христе, о Церкви, о богослужении, о месте человека в этом мире. Должен раскрыть им осмысленность и красоту православного богослужения, потому что богослужение — самое главное богатство Церкви во все времена. А для этого он должен сам не только знать все это, но и жить этой жизнью. И конечно, Сам Господь помогает

человеку самоотверженному, полностью, без остатка отдающему себя церковному служению.

Еще один вопрос, о котором необходим серьезнейший разговор, — это вопрос о семейной жизни священника. К сожалению, мы часто видим примеры того, что эта семейная жизнь оказывается весьма непрочной, несостоятельной. Молодые батюшки ссорятся, расходятся со своими женами, и уж никак не могут своей семьей подать пример прихожанам. По церковным канонам, семья священника должна быть образцовой. Священнику Православной Церкви именно потому дается разрешение иметь семью, что предполагается, что у себя дома он создаст некий образец, которому должны будут следовать, на который будут ориентироваться его пасомые. Вот почему, согласно канонам, священник, чья семейная жизнь расстроилась, который разошелся со своей женой, должен быть извержен из сана. Тем самым Церковь говорит, что человек, который не смог создать и управить «малую Церковь» — домашнюю, тем более не сможет управить как полагается Церковь настоящую.

К сожалению, мы видим, что очень мало кто из наших воспитанников осознает высоту своего призвания в тот момент, когда вступает в брак. В результате семейная жизнь молодых священников очень часто не выдерживает не только испытаний какими-то сложностями церковно-приходского служения — а они естественны в начале пути, — но просто не выдерживает испытания обычными вещами, бытом. Оказывается, что людей не объединяет ничего, между ними нет ничего общего, и они просто через какое-то время на-

чинают жить хуже некуда, а потом разводятся. Помимо того, что это личная трагедия, это еще и свидетельство того, что священник не задумывался перед рукоположением о высоте предстоящего ему служения.

Причина, почему так получается, совершенно очевидна. Когда человек, еще учась в семинарии, делит свою жизнь на «официальную», в которой он соблюдает пост, присутствует в церкви, говорит «спаси, Господи» и прочие правильные слова, а потом, выйдя на улицу, ест в пост шаурму, идет на дискотеку, пьет спиртное, знакомится с девицами разной степени легкости поведения, — то результат получается именно таким. Из-за подобного «раздвоения личности» получается, что он находит себе пару в том мире, в который бежит «отдохнуть душой» от надоевшего и «навязшего на зубах» семинарского быта и церковной жизни, а в результате потом оказывается один на один с этим миром, который затем не хочет принимать его в качестве священника даже тогда, когда он сам уже начинает что-то понимать и соображать.

Именно поэтому, отцы и братья, человеку, стремящемуся к пастырству, необходим подвиг — подвиг борьбы со своими страстями, победы над своими человеческими немощами, приобретения евангельских добродетелей. Этот подвиг невозможен без серьезной внутренней работы, без молитвы и церковных таинств, в первую очередь Исповеди и Причащения, в которых мы обретаем прощение грехов и воссоединение с Богом, от которого своими прегрешениями так часто отпадаем. Словом, всем тем, к чему должен вести людей пастырь, ему необходимо в первую очередь жить

самому, первому, по слову апостола Павла, вкушать от тех плодов, которые он желает предложить народу Божию. И научиться всему этому, понести этот подвиг вам предстоит прежде всего в годы учебы в духовной школе.

С особыми словами пожеланий мне хотелось бы обратиться и к преподавателям семинарии, духовенству. Отцы и братия, в течение предстоящих пяти лет вы призваны дать своим воспитанникам не только внешние знания, но и основные представления о духовной жизни, священническом служении. Не секрет, что многих наших воспитанников еще нельзя назвать в полном смысле слова людьми Церкви, им только предстоит ими стать. Они воспримут тот пример, который видят перед своими глазами, — это огромная ответственность, и я призываю вас всегда помнить о ней, так же как слова одного из святых отцов: «Поистине мудр тот, кто не словом поучает, но назидает делом».

Наверное, в каждом закрытом учебном заведении вырабатываются свои традиции и свой «эзопов язык», которым пользуются и воспитанники, и преподаватели. Так, я знаю, что, говоря о семинарии, многие из вас употребляют слово «система». Действительно, жизнь любого вуза, любого коллектива подчинена некой системе. Но семинарская жизнь — это живая жизнь, в которой по необходимости есть место строгости, но и должно быть место любви, единству, взаимной помощи. На каждом богослужении в семинарском храме мы слышим молитвенные прошения, которые возносятся за всех, кто находится в духовной школе, — за «зде начальствующих, учащих и учащихся», то есть перед Богом, в литургическом смысле мы с вами есть нечто еди-

ное, цельное. Давайте постараемся, чтобы и в нашей повседневной жизни это тоже было так.

Давайте помнить, что святая Церковь сегодня как никогда нуждается в ревностных и подготовленных делателях на ниве Христовой. Постараемся воспользоваться временем, которое даровал нам Господь. Он ожидает от нас неленостного и самоотверженного труда, и я от всего сердца призываю на вас в этом труде Божие благословение и Божию помощь.

ПОЛНОТА ОТЕЧЕСКОЙ ЛЮБВИ

Памяти Святейшего Патриарха Алексия II

Кончина Святейшего Патриарха Алексия в декабре 2008 года для каждого из нас, верующих, православных людей, стала большой личной потерей. Не случайно в потоке публикаций, воспоминаний о Патриархе рефреном звучали слова: «Мы осиротели». Но в то же время нет никакого сомнения, что смерть Патриарха стала одним из самых заметных, самых значимых событий за последние годы в жизни всей нашей страны — страны, в которой, как известно, Церковь отделена от государства и атеизм, несколько завуалированный и видоизмененный, остается основной идеологией. Похороны Святейшего Патриарха превратились в настоящее торжество Православия. Сотни тысяч людей шли в храм Христа Спасителя, а затем в Богоявленский собор, стояли вдоль дороги, по которой прошел погребальный кортеж. Они готовы были провести по пять-восемь часов под проливным дождем, на холоде, чтобы поклониться памяти Святейшего Патриарха.

Почему так произошло? Можно без малейшего преувеличения говорить об исторических заслугах Патриарха Алексия. Его кончина и стала такой шокирующе неожиданной потому, что для множества людей он был тем Предстоятелем, при котором Церковь вернулась в мир. Именно при нем большинство из наших прихожан и даже клириков вошло в Церковь,

родилось и выросло во Христе. Это подлинная правда, подтвержденная объективными данными, впечатляющей статистикой о количестве открытых за 18 лет храмов, монастырей, духовных школ...

Но есть и еще одна причина — самая важная. Она не вписывается в рамки отчетов, ее никогда не признают светские публицисты, аналитики, историки. Истина заключается в том, что мы видели действие Духа Божия, духовных законов в жизни конкретного человека — нашего Патриарха — и всей нашей Церкви. Главным в его жизни было его служение и молитва, внутренняя, сокровенная жизнь, которую мир не понимает и не замечает. А видимый итог этой жизни — все то, о чем говорили по кончине Святейшего Патриарха.

Каждый день, за каждым богослужением Церковь молится о своем Патриархе, называя его Великим Господином и Отцом. Святейший Патриарх Алексей, как не кто другой, соответствовал этому древнему титулованию. Он действительно был Великим Господином великой Русской Церкви и Отцом для всех нас: от архиереев до мирян. Все, кому довелось пообщаться с Патриархом хоть немного или просто присутствовать на его службах, стать свидетелем его предстоятельской молитвы за всех нас, ощущали полноту его отеческой любви. Это чувство невыразимо словами и его ни с чем не возможно спутать. Эта полнота любви, несомненно, дар Божий за ту глубоко сокровенную внутреннюю, молитвенную жизнь Патриарха, которую он проводил, несмотря на свою открытость, необходимую «публичность» порученного ему служения, обилие административных и хозяйственных забот.

Молодые священнослужители и архиереи, и я в том числе, всегда удивлялись, как мог этот немощный,

даже смертельно больной человек все эти годы нести свое служение: делать все, что он делал; как мог он так часто совершать богослужения. А когда его спрашивали, не тяжело ли ему служить, он всегда с улыбкой отвечал, что только на службах и отдыхает. Он служил и накануне своей кончины, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Он жил молитвой, жил Церковью, жил своим служением.

Есть такие понятия, которые считаются основополагающими для правильной духовной жизни христианина. Это своего рода аксиомы, но как часто они кажутся нам такими трудновыполнимыми! Мы оправдываемся, что живем в очень сложном мире, в котором налицо оскудение духа, оскудение веры, угашение христианской ревности... Все так, не зря же со скорбью сказал Господь: *Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8).

Но теперь очень сложно было бы оправдываться: мы видели пример жизни Святейшего Патриарха. Этот пример в том, что самоотверженное служение на благо Церкви и сегодня, в этом мире, возможно; что если человек живет верой и молитвой, возлагая все свое упование на Бога, его надежды не будут посрамлены: Господь благословит его труды. Вот почему на наших глазах из маленького зерна, чудом сохранившегося, возродилась и выросла наша Церковь. Совершилось нечто невозможное по человеческим меркам, но вполне объяснимое апостольскими словами: здесь действовала сила Божия, которая *совершается в немощи* человеческой (ср.: 2 Кор. 12, 9).

В основе статьи — публикации: «Прощание с Патриархом» (газета «Известия», № 229, 8 декабря 2008 г.); «Кончина Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси» (журнал «Альфа и Омега», № 1 (54), 2009 г.)

ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ БОГУ

Зачем нужен духовник? Первое, о чем следует сказать, отвечая на этот вопрос, — христианству невозможно научить теоретически. Настоящее христианское отношение к жизни **передается** от человека к человеку с апостольских времен. А сами апостолы были со Христом и восприняли во всей полноте евангельские истины благодаря тому, что Он учил их не только словом, но и самой Своей жизнью. Научение, наставление личным примером стало основой монашества, которое в свою очередь можно назвать фундаментом Церкви, но оно очень характерно и для христианской традиции в целом.

Каждый из тех, кто желает прийти к Богу, в идеале должен встретить человека, идущего по тому же пути, и в своей жизни руководствоваться его примером. Есть замечательное славянское слово: «другдругопримательно». Оно очень точно выражает суть такого вот совместного движения. И когда мы встречаем в жизни человека, который может подать нам пример, — совершенно естественно, что мы обращаемся к нему с вопросами о нашей духовной жизни.

Дело в том, что, несмотря на многообразие людских характеров, путей, которыми люди приходят к Богу, есть некие общие закономерности.

Апостол сказал о Христе: *как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18). Так и человек, который столкнулся с трудностями в самом себе и преодолел их, может помочь другому человеку. И поэтому мы обращаемся к тому, в ком видим духовную опытность, со своими недоуменными вопросами.

В России священнику на приходе всегда вменялось в обязанность (так происходит и сегодня) руководить духовной жизнью своих пасомых. Не только совершать богослужения, церковные таинства или служить требы, но и исповедовать, советовать, наставлять, отвечать на вопросы. Именно поэтому церковные каноны говорят о том, что рукоположение во пресвитера возможно не ранее 30 лет. Это тот возраст, когда человек становится по-настоящему взрослым, приобретает какой-то, пусть не очень большой, но уже собственный жизненный опыт. К сожалению, сегодня у нас огромная нужда в духовенстве, и мы не можем жестко руководствоваться этим правилом: рукополагаем тех, кто гораздо моложе. Но тем не менее, если человек готовится к священническому служению, сам учится жить по-христиански, он может помочь и тем людям, которые только приходят в Церковь.

Немного отступая от темы, скажу, что когда будущие священники спрашивают меня: «Как научиться исповедовать людей?», я им отвечаю: «В теории — никак. Есть только один путь — самому постоянно исповедоваться у духовно опытного человека». Вообще, очень многому в Церкви невозможно научиться иначе, чем живя церковной жизнью. Есть много учебников по пастырскому богословию, но то, что в них написано, будет

лишь мертвым грузом для тех, кто сам не жил полноценной церковной жизнью.

Духовник — это священник, которому прежде всего мы доверяем. Но на чем должно основываться это доверие?

Его слова не должны расходиться с его делами. Так это или нет, в большинстве случаев можно убедиться в течение достаточно короткого времени. Но первое и главное основание — слова и дела этого священника не должны расходиться с Евангелием.

Если в Евангелии написано одно, а тот священнослужитель, к которому мы пришли, учит другому, совершенно противоположному, пусть даже под видом благочестия, сверхблагочестия, то слушать его не нужно. К примеру, если в Евангелии сказано: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6; Мк. 10, 9), а кто-то из «духовников» говорит мужу и жене: «Вам нужно развестись и постричься в монахи», он противоречит Евангелию. Каким бы подвижником ни был он сам, в своем отношении к семейной жизни он противоречит Евангелию, и слушать его ни в коем случае нельзя.

Мы должны помнить, что многие еретики были выдающимися личностями. История донесла до нас то, что Арий, александрийский пресвитер, основоположник одной из самых страшных по своим последствиям ересей в истории христианской Церкви, был необыкновенным подвижником. В своей личной жизни он был примером для многих, его очень почитали за аскетизм и

строгость, которые привлекают людей. Но при этом его учение резко противоречило Священному Писанию. Поэтому те, кто его послушал, кто увлекся его проповедью (а на какое-то время большая часть Церкви увлеклась тем, что он говорил), стали еретиками. Поэтому соответствие всех слов и действий священника духу Евангелия — главное, на что стоит обратить внимание тому, кто ищет духовника.

Для современного человека, живущего в миру, достаточна регулярная подробная исповедь своему духовнику — приходскому священнику или монастырскому, насельнику того монастыря, куда этот человек имеет возможность приезжать постоянно. Для того чтобы духовник мог дать исповедующемуся какой-то совет, направить его, нужно, чтобы он достаточно долгое время знал этого человека, обстоятельства его жизни.

Мирянину невозможно и не нужно пытаться воспроизводить в своих отношениях с духовником те образцы, которые даны нам в древних патериках или даже в святоотеческих писаниях XIX века. Уже тогда святитель Игнатий (Брянчанинов) писал, что в наше время настоящие, духоносные наставники оскудели. Их очень немного, больше актеров, которые надевают на себя личину древних подвижников. Тем более эти слова актуальны для нашего времени.

Не надо искать беспрекословного, мироотреченного послушания, которое мы видим в древних повествованиях, например, в рассказе о том послушнике, который, по слову своего старца, пошел

сажать рассаду корнями вверх... Современные люди в подавляющем большинстве своем, к сожалению, уже не могут воспринимать эту историю так, как монахи древности, видеть тот смысл, который в ней заложен изначально. Они живут совсем другой жизнью, и потому поиски какого-то абсолютного целожизненного водительства со стороны духовника совершенно не оправданны. И даже если люди думают, что они такое водительство нашли, они чаще всего обманывают сами себя.

Не надо ждать от священника, духовника прозорливости, способности предсказывать будущее, предугадывать. Очень часто, будучи обременены мирскими, нецерковными предрассудками, даже вроде бы искренне верующие люди приходят к священнику как... к гадалке. Даже зная о том, что христианство крайне отрицательно относится к любым попыткам заглянуть в будущее, по немощи своей они желают получить сиюминутную «гарантированную» помощь, узнать свою судьбу. Думают: гадалка может обмануть, а вот старец, уж «он точно скажет». И с такими чувствами, может быть даже их не осознавая, обращаются к священнослужителям, ищут «разрекламированных» старцев, подлинных или мнимых.

Такие ожидания предсказаний, поиски чудес не просто мешают вести нормальную духовную жизнь, но часто становятся ее полной подменой. Человек думает, что обретает истину, а на самом деле находится в прелести, в самообольщении. Хорошо, если его духовник — человек здравый и сможет распознать это состояние, направить на истинный путь...

Поэтому, повторю, для верующего человека очень важна регулярная исповедь духовнику, который знает его самого, имеет возможность достаточно долгое время наблюдать за его внутренней жизнью и жизненными обстоятельствами, который может дать ему совет — не повеление, не распоряжение, а именно совет. И человек, если он доверяет духовнику, конечно, с верою должен этот совет исполнить.

Послушание совершается в свободе. В случае необходимости священник, духовник что-то советует тому, кто у него исповедуется, — именно советует, а не приказывает. И если человек исполняет этот совет, он делает это свободно, по доброй воле соглашается с тем, что ему говорится. Даже если он в данный момент не вполне представляет себе или не понимает то, что он будет делать, все равно он свободно принимает решение — послушаться ему или нет. И он, конечно, волен принять слова духовника или их отвергнуть.

В годы моей жизни в Троице-Сергиевой Лавре (1986–1992 гг.) там было несколько духовников братии и мирян, и очень многие старые монахи, которых я застал, были настоящими духовниками.

Духовником братии в то время был архимандрит Кирилл (Павлов). Я у него исповедовался перед монашеским постригом и, конечно, все те годы, пока был насельником Лавры, включая время учебы в Болгарии.

Трудно говорить об отце Кирилле, потому что о нем много доброго сказано самыми разными людьми. Конечно, он был и остается приме-

ром духовника, он обладает всеми теми качествами, о которых я сказал выше. Но его главная черта — необыкновенная любовь, которую чувствовали все, приходившие к нему.

Есть очень хороший критерий, по которому можно отличить человека по-настоящему духовного от того, кто в эту духовность вольно или невольно играет. Отец Кирилл строг к себе и необыкновенно терпелив и ласков ко всем окружающим. Тот, кто играет, — наоборот, снисходителен к себе и очень строг к людям.

Вообще, для любого христианина подобное отношение должно стать основным правилом внутренней жизни: мы должны быть более строгими по отношению к себе, не разрешать себе того, что мы обычно себе позволяем, и абсолютно все прощать нашим ближним. А мы обычно делаем наоборот: думаем о том, как мы устали, как нам тяжело, как нам трудно, и поэтому извиняем себя очень во многом, хотя в то же время выдвигаем самые суровые требования к тем, кто находится рядом с нами: «Как он мог так поступить?», «Почему она не понимает?»...

В то время когда отец Кирилл принимал людей, он каждого встречал с радостью. Сам он необыкновенно спокойный, необыкновенно трезвый человек. В нем нет и не было никогда ни капли какой-то преувеличенной эмоциональности. Есть такое понятие — естественность в общении. Вот в нем эта естественность проявляется в высшей степени.

Поразительно вот что: все эти качества, эта любовь к людям сохраняются в нем, несмотря на то что ему приходилось в течение всей жизни видеть

людей с самой неприглядной стороны — на исповеди, когда человек кается, признается в таких поступках, о которых обычно люди стараются не то что не говорить, но и не вспоминать лишней раз. Мы прощаем себе все: и измену, и подлость, и греховность, и стараемся, для того чтобы поддержать себя «в тонусе», если уж мы согрешили, побыстрее отмахнуться от этого... А в таинстве Покаяния человек все это исповедует перед духовником. Перед отцом Кириллом исповедовались тысячи людей. Если бы перед обычным нецерковным человеком развернулась такая картина человеческой греховности, немощи, нечистоты, неприглядности человеческих поступков, он пришел бы в ужас, не перенес бы этого, не смог бы адекватно воспринимать окружающий мир. А у отца Кирилла ничего, кроме обостренного чувства жалости и все возрастающей любви к людям, это не вызывало. Таков результат правильной духовной жизни.

Еще один человек, которого я вспоминаю с благодарностью, — это покойная ныне игуменья русского Княжевского Покровского монастыря в Болгарии матушка Серафима¹⁴, урожденная княжна фон Ливен. Ее отец, князь Андрей Александрович, предводитель дворянства Коломенского уезда, после революции воевал в Белой армии, затем вместе с ней эмигрировал через Крым в Константинополь. В предвоенные годы в Болгарии он сам стал священником. Здесь Ольга Андреевна (так матушку звали в миру) стала духовной дочерью владыки Серафима (Соболева); он постриг ее в монашество, благословил созданный ею монастырь.

¹⁴ Об игуменнии Серафиме (Ливен) см. также на стр. 41–42.

Когда я учился в Болгарии, я общался с матушкой Серафимой достаточно часто, задавал ей самые разные вопросы и удивлялся ее отношению к миру, ее взглядам на духовную и церковную жизнь. И до сегодняшнего дня ее ответы кажутся мне очень точными и глубокими. Как-то раз произошел такой случай. Я пришел к ней и рассказал об очень, скажем так, неприглядном поступке одного человека, который и меня отчасти задевал (впоследствии этого человека исключили из духовного учебного заведения, где он учился). Но, когда я рассказывал, меня поразила реакция матушки. Слушая меня, она повторяла: «Бедный, бедный», — с чувством не просто глубокого сокрушения, а с сердечной болью... И я подумал, что если бы то, о чем я говорил, было сказано другому человеку, он наверняка реагировал бы совсем по-иному: «Да ты что? Вот это да! Ну негодяй!». А она действительно с состраданием ненаигранным — это была ее естественная реакция — говорила об этом человеке единственное: «Бедный!». Тогда меня это до глубины души поразило и, думаю, Господь не случайно дал такой опыт: я увидел, как надо реагировать на человеческий грех, потому что на самом деле о грешнике ничего другого сказать нельзя, кроме этого слова — бедный.

К великому моему счастью, в моей жизни было много встреч с людьми по-настоящему глубокими, духовными, человеколюбивыми, верующими, стремящимися к духовной жизни, верными своему призванию. Думаю, что именно такие встречи могут дать человеку силу идти за Христом.

В Древнем Патерике есть такие слова (они принадлежат преподобному Макарию Великому): «Я не

монах, но видел монахов». Такая вот возможность «видеть монахов», а в более широком смысле, — настоящих христиан, жить с ними рядом, видеть, как они трудятся, как живут, как молятся, — самое ценное, что Господь посылает человеку на его пути.

Надо ли верующему человеку искать духовника? Да, но необходимо соблюдать при этом несколько простых правил. Нужно в том храме, куда ты ходишь, который ты выбрал по какой-то причине (или он находится рядом с домом, или тебе там просто нравится), — надо там постараться найти священника, которому можно регулярно исповедоваться. Перерастут ли потом эти отношения в более глубокие — отношения духовного отца и духовного чада — покажет время; все это очень индивидуально. Но нельзя говорить себе: «Так, я пришел в Церковь, теперь мне срочно нужен духовник. Куда ехать? В Алатырь, в Дивеево? Пока не найду духовника, ничего делать не буду», — это, конечно, в корне неправильно.

Нужно молиться о даровании духовника. Вообще, Господь посылает ищущему то, что он ищет, если это ему по-настоящему необходимо, и в той форме, в какой это действительно полезно. Мы не должны забывать, что в отношениях между духовником и тем, кто у него окормляется, обязательно присутствует Господь, потому что эти двое собраны во имя Божие (см.: Мф. 18, 20). Между ними устанавливаются не просто человеческие взаимоотношения — как, например, между учителем и учеником.

Если мы собираемся, общаемся ради Бога, Он всегда присутствует рядом с нами. Но, если мы будем пытаться всего добиться сами, по собственной воле и разумению, Ему ничего не останется делать в нашей жизни. Надо помнить об этом и дать возможность действовать Богу.

*Журнал «Православие и современность»,
№ 5 (21), 2007 г.*

НАМ НЕ НАДО ОПРАВДЫВАТЬСЯ ЗА НАШИХ БАБУШЕК

Нас часто обвиняли в том, что Церковь — мозамкнутая структура, недоступная никакой критике. И вдруг в последние годы произошел некий прорыв: мы открылись, стали доступны критике; более того, с каждым годом количество самокритических материалов о Церкви только множится. Их авторами становятся не только церковные журналисты, но и духовенство. Причем, как это часто бывает в нашей стране, от одних крайностей мы бросаемся в другие.

Равнение на Запад?

Это отчасти напоминает ситуацию, которая сложилась в Католической Церкви после II Ватиканского Собора, когда, решив проявить открытость к миру и пойти навстречу тем чаяниям, с которыми обратилось к ней современное общество, Католическая Церковь начала крестовый поход... покаяния во всем. Она каялась перед евреями, перед мусульманами... Каялась за крестовые походы, которые, возможно, были одной из самых героических страниц ее истории, поскольку задумывались как освобождение Святой Земли и христианских святынь от иноверного ига, каялась перед масонами — перед всеми.

На любое критическое замечание в свой адрес Католическая Церковь отвечала: «Да-да, действительно, мы в этом виноваты, и даже больше, и не только в этом...». В результате диалога с миром так и не получилось. Мир привык, что католиков можно винить во всем по поводу и без повода. И сейчас думающие люди в Католической Церкви с ужасом пожинают плоды этой открытости, к которой когда-то они так стремились.

И мы сейчас повторяем, с естественным для нас опозданием в 20–30 лет, все западные ошибки. В нашей самокритике тоже появилось несколько штампов. Как у католиков — Галилео Галилей или, скажем, Джордано Бруно, так и у нас возникли «бабушки», или, как крайне неудачно и оскорбительно выразился отец Андрей Кураев, мой большой друг и, на мой взгляд, один из самых ярких, активных и результативных современных миссионеров, — «церковные ведьмы».

Миф о страшных бабушках

Сегодня для многих из нас огромной трагедией является разрыв поколений, который произошел в нашей стране на рубеже 1980-х — 90-х годов. Дело в том, что большая часть современных прихожан храмов пришла в Церковь тогда, когда в ней уже почти не осталось людей старшего поколения, так что эти страшные церковные бабушки-старушки на самом деле на 85–90% — миф, который передается из уст в уста. Причем, большая часть тех, кто об этом говорит, никогда этих бабушек в глаза не видели, потому что они, к сожалению, сегодня почти все уже ушли из жизни.

Люди моего поколения, которые пришли в Церковь в 1970-е годы, еще помнят битком набитые храмы и огромные толпы женщин в белых платочках, которые, кстати, не все тогда были бабушками. Если сегодня посмотреть на старые фотографии, то можно увидеть, что в белых платочках в храм приходили и женщины среднего возраста, и даже молодые девушки.

А бабушками были те, кто отчасти еще сохранил ощущение той России, которую мы потеряли и которую мы сегодня безуспешно ищем. Они прожили не просто тяжелую — страшную жизнь. Надо знать историю нашей страны в XX веке, чтобы представить себе жизненный путь такой «среднестатистической бабушки», которая родилась еще при царе, как, например, моя бабушка, пережившая Первую мировую войну, на которой погиб ее родной брат, революцию и голод, во время которого умерли отец и мать... Представить себе весь этот страшный для нашего народа довоенный период, когда людям приходилось буквально выживать в нечеловеческих условиях.

Моя бабушка — ее звали Елена Сергеевна — была обычной крестьянкой из-под Рязани и одна воспитывала четырех детей. Ее муж ушел на войну, с которой не вернулся, а старший сын пришел смертельно больной туберкулезом и спустя несколько лет после победы умер. И всю оставшуюся жизнь она воспитывала сначала детей, а потом — огромное количество внуков, никого не оставляя своим вниманием. И при этом, почти не умея читать и писать (она закончила два класса церковно-приходской школы), молилась каждый день, утром и вечером: у нее были общие тетра-

ди, в которых печатными буквами были переписаны утренние и вечерние молитвы и несколько акафистов. Я думаю, что она ни разу не читала Евангелие, потому что его тогда просто невозможно было достать, и могла только слышать его в церкви на богослужении.

Мое собственное воцерковление связано в основном с моей бабушкой. Именно она привела меня в первый раз в церковь и водила меня туда так же, как и всех своих внуков. Причем независимо от того, хотели этого ее дети или не хотели. Например, отец моих двоюродных брата и сестеры был членом партии и страшно боялся того, что кто-то узнает об этом. Но бабушка совершенно спокойно к этому относилась. И порой даже просила его переписывать акафисты или молитвы в свои тетрадки, чему он скрепя сердце подчинялся...

Моя бабушка и ее близкие, знакомые, родственники и подруги были удивительными людьми, которых я до сегодняшнего дня вспоминаю не иначе, как с огромной благодарностью. Это были люди, верившие необыкновенно просто и трезво. И весь ужас того, что было пережито ими, не лишил их чувства благодарности Богу, способности к радости, к веселью. Они не были мрачными и хмурыми людьми. Напротив, — необыкновенно открытыми, свободными, могли и песни спеть, и пообщаться, не боялись ехать через полстраны для того, чтобы повидаться с родственниками, со своими детьми и внуками. Эти исчезающие сегодня особенности характера делали их очень яркими и цельными людьми.

Мне довелось видеть еще несколько церковных старушек из другой, если можно так сказать,

социальной среды. Это московские интеллигентные старушки, которые так же всю свою жизнь ходили в церковь. Две из них, сестры Нина Александровна и Елена Александровна, ходили на Подворье Троице-Сергиевой Лавры с самого первого дня его открытия. Они жили рядом с Подворьем, бывали в нем еще до его закрытия и даже видели Патриарха, тогда еще митрополита Тихона. Всю свою жизнь эти две сестры прожили вместе и работали на достаточно крупных должностях (одна из них была, по-моему, заведующей поликлиникой, другая — врачом этой же поликлиники). Одна умерла, когда ей было 98, а другая — в 95. И я, когда они еще могли ходить и приходили на службу в храм, всегда радовался, видя их, — таких чинных, опрятных и вежливых.

Они были необыкновенно тактичными и мудрыми. Для нас, людей, выросших в советское время, эта интеллигентность была совершенно удивительной. Необычными казались их манера говорить друг с другом, их манера общаться, язык, на котором они разговаривали... Когда я стал бывать у них дома, причащал их или просто навещал, то меня все в них поражало, до мельчайшей черточки быта. Я сравнивал их с моей бабушкой, и притом, что это были абсолютно разные люди (с одной стороны, старушки с огромным кругозором, которые очень много знали и прочитали за всю свою жизнь столько, сколько я, наверное, никогда не прочитаю, сколько бы я ни прожил, и с другой стороны, моя бабушка, обычная крестьянка, которая писала печатными буквами), — они были абсолютно одинаковыми. На каком-то внутреннем, очень глубоком уровне у них был абсо-

лютно идентичный духовный опыт и какое-то врожденное христианское благородство, которое сегодня редко можно встретить.

Когда эти бабушки уже не смогли ходить в храм, то я поручал нескольким молодым людям из нашего прихода ходить к ним, помогать им по хозяйству. И делал я это не только для того, чтобы помочь им, но и для того, чтобы дать возможность молодым ребятам и девушкам увидеть этих удивительных людей. Думаю, что для тех, кто их помнит, общение с ними осталось не просто воспоминанием на всю жизнь, но и многое дало для их будущей жизни.

Учиться быть благодарными

На самом деле, только человек, совершенно потерявший основы правильного отношения к миру и жизни, может думать, что нормальное воспитание может происходить в отсутствие старших. Это естественно для человека: жить с бабушками, с дедушками, с отцом и матерью, потому что только в этих условиях «работает» тот самый механизм передачи опыта поколений, который необходим каждому человеку. И то, что мы видим его умаление и почти исчезновение, только добавляет мрачную краску и к без того достаточно безрадостной картине сегодняшнего состояния нашего общества.

Вот почему я никогда не был согласен с отцом Андреем. Думаю, очень многие люди тоже не согласны с ним и благодарны своим бабушкам за то, что они помогли им прийти в Церковь. Именно поэтому мне всегда не нравилось такое пренебрежительное отношение к церковным людям пожилого возраста, которое часто можно встретить

сегодня. Нам не надо оправдываться за наших бабушек. Не надо извиняющимся голосом говорить: «Ну, да, они такие, знаете, старые, глупенькие...». Нам надо гордиться ими, надо благодарить их и надо о них молиться. И просить Бога, чтобы, когда мы доживем до старости — а это почти никого не минует,— мы тоже могли подать такой же пример тем молодым людям, которые будут стоять в наших храмах рядом с нами.

*Журнал «Православие и современность»,
№ 6 (22), 2008 г.*

ТРЕЗВЕНИЕ — АКТУАЛЬНАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Недавно мне задали вопрос: как связаны между собою трезвение и трезвость — понятие из сферы духовной жизни и из области насущно-бытовой? Существует ли вообще эта связь двух практически однокоренных слов? По моему мнению, безусловно существует, и даже более глубокая, чем это может показаться на первый взгляд.

Трезвость, или, точнее, трезвение,— это одна из основных христианских добродетелей. Современным языком понятие «трезвость» можно объяснить как потребность в абсолютно честном, незамутненном взгляде на самого себя и на окружающий мир. Этот взгляд невозможно взять и приобрести просто так, сказав себе, например: «С понедельника стану трезвомыслящим человеком».

Как и другие христианские добродетели, трезвение неразрывно связано с настоящей, правильной духовной жизнью: усвоение его возможно только для человека верующего, постоянно обращающегося к Богу в покаянии и молитве. Тогда, исправляя свое сердце, человек исправляет и внутреннее зрение своей души — «око сердечное».

Вообще, ни одна добродетель не является некой «вещью в себе», которой можно овладеть быстро и просто. Я очень люблю одно выражение

преподобного Серафима Саровского, может быть, немного смешное, но простое и точное: «Добродетель не груша: ее вдруг не съешь», то есть это всегда плод определенных трудов и усилий. Трезвение приобретается, с одной стороны, постоянной духовной работой человека над собой, но, обретенное, оно, в свою очередь, открывает ему уже новые пути в том же духовном делании. Раскрытие в человеке добродетели возводит его на другую, гораздо более высокую ступень, а возрастание в любой добродетели бесконечно.

Трезвение — это свобода от самообмана; в духовном смысле — состояние, противоположное прелести. А человек в прельщении — это тот, кто доверился самому себе, своему испорченному, искаженному грехом мнению. Есть пословица: «Кривое правило и прямое сделает кривым». Сегодня весь мир поражен этой болезнью, не сознавая ее опасности.

В духовной жизни прелесть проявляется как самоуверенность, исключительное доверие своим суждениям, когда собственное «я» становится единственным критерием в отношении человека к миру, Богу и ближним. Признаки прелести обычно бывают яркими и легко различимыми: экзальтация, видения, готовность человека слышать разного рода «голоса» и доверять им, изобретение новых учений и «религий». К сожалению, с прельщенными людьми сейчас приходится встречаться все чаще и чаще, достаточно вспомнить известного всем Г. Грабового и его «учеников».

Но и в повседневной жизни самомнение характерно сегодня практически для каждого. Чем публичнее род деятельности человека, тем заметнее

последствия его самоуверенности. Наверное, именно поэтому, наблюдая за некоторыми политиками, общественными, порой «религиозными», деятелями, мы поражаемся неадекватности их поступков и видим, что люди находятся в состоянии страшного самообмана. Тем не менее, повторяю, в той или иной мере самомнением поражен каждый человек, и это отражается на всей его жизни: действия, совершенные под действием страсти, пусть и неосознаваемой, имеют иногда самые неожиданные и чаще всего неприятные последствия.

Спасение без трезвости, конечно же, невозможно, потому что только человек, видящий самого себя таким, каков он есть, может правильно оценить ситуацию и в собственном внутреннем мире, и в мире окружающем. У преподобного Петра Дамаскина есть замечательные слова: «Начало спасения человека — это видение своих грехов, бесчисленных, как песок морской». И действительно, человек, трезво оценивающий свои возможности, свои силы, свое состояние, имеет шансы его исправить, так же как в случае болезни: врач, зная диагноз, может назначить правильное лечение. Но пока диагноз по какой-либо причине не определен, больной будет мучиться, не понимая, в чем дело.

Таково значение трезвости в духовном смысле. Второе значение этого слова — для многих и более привычное — обычно понимают как противоположность опьянению, подверженности определенной зависимости: алкогольной, наркотической. Я бы продолжил этот ряд, поставив рядом с пьянством и наркоманией современные виды зависимостей, актуализировавшихся буквально

за последние годы: игроманию, пристрастие к виртуальной реальности. Все эти пороки имеют в основе своей поражение воли, обеднение души.

Опыт показывает, что пить (играть и т.д.) начинают люди, которые очень хотят быть уверенными в себе, но у них это не получается. Парадоксальным образом нетрезвость связана с тем, что человек хочет видеть свое положение достаточно высоким, а действительность показывает ему его реальное состояние. И, если он не хочет с ним примириться, но и не собирается ничего исправлять в своей жизни, тогда неимение трезвости как духовной добродетели становится поводом для нетрезвости чисто практической — и человек уходит в иллюзорный мир.

Мы знаем, что главный фантазер — это диавол. Он знакомит с миром фантазий, иллюзий всех людей без исключения, потому что человеческая природа изначально повреждена грехопадением. И чем слабее сопротивление, тем больше внимания уделяет человек своим фантазиям. Очень часто вместо того, чтобы жить, он «проигрывает» свою жизнь, выстраивает альтернативный способ существования в своем воображении. И порой именно эта жизнь становится настолько увлекательной, что он бежит от действительности каждую свободную минуту в мир своих иллюзий и находит средства чисто материального свойства для того, чтобы пробыть как можно дольше и как можно «надежнее» в этом ирреальном мире.

Наше основное делание обозначено словом «спасение». Но, для того чтобы стремиться ко спа-

сению, надо осознать, что ты в опасности, и принять меры, чтобы этой опасности избежать. Поэтому трезвый взгляд на себя не имеет ничего общего с принципами современной популярной психологии, когда человеку объясняют: ты такой вот, и в этом нет ничего страшного, нет поводов для беспокойства. Прими себя таким, какой ты есть! Всевозможные извращения — «вариант нормы»; наркомания — твое личное дело, только постарайся при этом не заразиться ВИЧ, употребляя одноразовые шприцы... Нам внушается, что в такого рода многообразии и заключается все самое хорошее в нашей жизни.

Очень показателен для нашего времени ставший весьма популярным мультфильм «Шрек». Эта, на первый взгляд, невинная «старая сказка на новый лад» полностью переворачивает цивилизационную парадигму человечества. Все мы воспитаны на сказках, в которых чудовище превращалось в прекрасного принца, а лягушка — в красивую и мудрую царевну. И это было совершенно нормально, естественно, потому что уродство появлялось в результате действия злых сил и воспринималось как нечто однозначно отрицательное, с чем нельзя примириться. И сюжет сказки был основан на том, что это уродство волшебным образом преодолевалось, добро — и вместе с ним красота — побеждали зло. В «Шреке» все наоборот: прекрасная принцесса превращается в огралоюеда, и все довольны — пляшут, веселятся, радуются тому, что чудовища, которые живут рядом с нами, — такие же, как и мы. Страшная сказка... И во многом характерная: она иллюстрирует собой очень устойчивую в современном мире тенденцию,

которая имеет своей целью разрушение христианского фундамента нашей цивилизации.

Иногда нам говорят: какая разница — пойти на исповедь к священнику или на прием к психоаналитику? И тот, и другой помогают людям, разбирают какие-то движения души, помогают взглянуть в самого себя. Но есть не просто коренное различие, а полная противоположность духовной работы, как ее понимает христианство, и психоанализа — в отношении человека к своему «я». Психоанализ основан на том, что человек, разглядев свои немощи, должен примириться с ними, иногда — «подкорректировать» отношения с окружающими людьми, исходя из того, что сначала надо «научиться любить самого себя». Христианство дает человеку глубинное знание человеческой природы, показывая, что только труд покаяния дает ему возможность изменить себя с помощью Божией.

Каждый человек находится в состоянии внутреннего конфликта: между тем, каким он хочет себя видеть, и тем, каков он есть, — а он всегда хочет видеть себя лучше! Самое трудное в жизни — признать правду. Мы лжем самим себе, изворачиваемся, пытаемся забыть свои грехи, злые, подлые поступки, предательства, которые мы совершили, стараемся заглушить в себе голос совести и жить так, как будто ничего этого не было. А лучший способ забыть все то, что не льстит нашему самолюбию, — уйти в мир иллюзий.

Трезвость требует мужества. Единственная возможность вырваться из порочного круга любой

зависимости только покаяние в истинном смысле этого слова: то сокрушение пред Богом, которое ведет к изменению сознания, к исправлению.

Мы говорим: человек создан по образу и подобию Божию, а это означает, что каждый из нас интуитивно знает, каким он должен быть. Даже самый погибающий человек не теряет в глубине души этого знания — в чем его жизнь сегодня не соответствует норме. Образ Божий в нас неразрушим, надо только обрести решимость к Нему вернуться.

Журнал «Альфа и Омега», № 3 (47), 2006 г.

ЧЕЛОВЕК БОИТСЯ БОГА

Почему даже верующий человек иногда испытывает сомнения в бытии Божиим? Почему так трудно прийти в Церковь и остаться в ней? Почему даже чудеса не изменяют человечества? Об этом — беседа с Епископом Саратовским и Вольским Лонгином.

— **Едва ли не каждый верующий, воцерковленный человек периодически слышит некий голос, говорящий ему что-то вроде: «Да ладно тебе! Неужели ты, здоровый, образованный современный человек на полном серьезе веришь в эти сказки?..». Под «сказками» подразумевается все, что написано в Новом Завете. «Ты обманываешь себя,— продолжает, как правило, этот голос,— на самом деле ты ни во что не веришь, а Церковь и все, что с нею связано, нужно тебе только для того, чтоб организовать свою внутреннюю жизнь, иначе говоря,— как психотерапия...» Приходилось ли Вам слышать этот голос и что Вы ему отвечали? Иначе говоря, где искали ответ?**

— Слышал ли я такой голос? Может быть, но не в таких выражениях. Например, слово «сказки» ко мне даже в качестве искушающей мысли не приходило. Но сомнения бывали. Сомнение вообще свойственно человеку. Недаром в Священном

Писании мы встречаем эти слова: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9, 24).

Да, есть вещи, в которые мы верим и которые не подтверждаются нашим повседневным опытом. Но, с другой стороны, бывают минуты, когда человека буквально пронизывает ощущение присутствия в его жизни Бога, Промысла Божиего. Кроме того, человек, даже не ощущающий в своей жизни Бога, очень часто замечает действие других, противоположных сил, всячески мешающих ему делать добро. До архиерейства мне довелось достаточно долго нести послушание священника и общаться с большим количеством людей, в том числе и на исповеди, и я знаю, что многие пришли к Богу именно «от противного», столкнувшись со страшной реальностью демонических сил. И только потом у них сложился положительный религиозный опыт. При условии внимательного отношения к себе, правильной внутренней жизни человека, живущему в Церкви, многие вещи становятся понятными. Много становится на свои места. А искушения — в том числе и искушение сомнениями — приходят, когда человек перестает следить за своей внутренней жизнью. Тогда в душу, точно в пробоину в корпусе корабля, начинает течь все то, что нас окружает. И это все может человека потопить, если вовремя пробоину не заделать. Вот почему в христианской литературе так много говорится о молитве и о постоянном «хождении перед Богом». Живя, дыша, делая все то, что он делает, человек должен все время помнить, что он предстоит перед своим Творцом. Все время помнить, а не вспоминать в какие-то отдельные моменты. Вот тогда человек действительно ощутит

присутствие Бога в своей жизни и его не смогут поколебать никакие сомнения.

— **Не только, однако, от искушающего голоса, но и просто от своих знакомых мне приходилось слышать: «В том-то и секрет живучести религии в современном мире — это хорошая, веками отработанная и проверенная психотерапия. Кто-то попадает в зависимость от дипломированного психолога, психотерапевта, психоаналитика, ну а вы попали в зависимость от Церкви, только и всего».**

— Что касается сравнения Церкви с психологами, психотерапевтами... Человек, живущий в Церкви, обретает твердую, устойчивую почву под ногами. И многие проблемы, которые в современном мире привыкли решать с помощью психотерапевтов, психоаналитиков и т.д., — снимаются. Есть люди, которые по лености сердца не идут к Богу, но тоже хотят пользоваться плодами такой устойчивой жизни. Психотерапевтическая практика на определенном своем этапе вполне соотносима со святоотеческой литературой. Святоотеческая литература, будучи изложением глубочайшего внутреннего опыта святых, беспощадно вскрывает внутренний мир человека, глубинные основы его характера, включая то, что сам человек от себя скрывает. Почитайте авву Дорофея: полторы тысячи лет назад написано, но как будто про любого из нас, сегодняшних. Психоанализ столь же безжалостно обнажает человеческую природу. Но вот дальше начинается разница между практикой психоаналитика и аскетикой. Психоаналитик скажет клиенту: да, ты такой, но это нормально, прими себя таким, какой ты есть, найди способ реализации своих желаний, лишь бы это не противоречило уголовному кодексу. А Цер-

ковь напротив, настаивает на том, чтобы человек не примирялся со своим падшим состоянием, а изменил себя. Вот здесь — глубочайшая разница между религией и теми суррогатными способами, с помощью которых человек пытается обрести устойчивость в нашем неустойчивом мире.

— **Почему чудеса, являемые сегодня, — мироточение икон, нисхождение Благодатного Огня, не изменяют человечество? Почему большинство людей держит это за пределами своего сознания, не давая себе труда даже опровергнуть факт чуда, объяснить его каким-либо причинно-следственным образом?**

— Человек боится Бога. Боится не только тогда, когда встречается с открытым чудом, но и тогда, когда находит некие знаки в своей душе, в своей жизни. А их встречает каждый человек, потому что Господь стучит в сердце каждого человека. Вряд ли найдется кто-то, кто на Страшном суде сможет сказать: Господи, Ты ни разу не подходил к двери моего сердца. Но человек очень часто не открывает этой двери, потому что боится Бога. Чтобы принять Бога, надо переделать всего себя, надо себя отвергнуть и начать новую жизнь, а это очень трудно. Даже и мы, христиане, казалось бы, впустившие Христа в свое сердце, со временем как-то вот так, получше устраиваемся: вроде бы мы и с Богом, и себя особо не обделили... Откуда все наши недостатки, которые порой так удивляют людей внешних, говорящих нам: что же вы, в Бога веруете, в церковь ходите, а примером не являетесь? Оттого, что мы пытаемся совместить несовместимые вещи — жить как все и быть христианами. Это раздвоение сознания. А явленное чудо выводит человека из

этого раздвоенного и неопределенного состояния, ставит его лицом к лицу перед Богом, — потому и пугает, и человек предпочитает держать это на периферии своего сознания.

— **Однако очень много людей остается неверующими, нехристианами, неправославными. Общаюсь со своими неверующими (неправославными) друзьями, я не могу не видеть, что они, как минимум, не глупее и ничем не хуже меня. Почему с одним человеком это происходит, а с другим нет и стоит ли воспринимать это обстоятельство трагически?**

— Следует помнить: даже при самой активной и наступательной проповеди, при всем нашем служении — а оно должно быть самоотверженным — обращение каждого человека к Богу есть чудо. Да, мы что-то ему говорили, мы давали ему какие-то книги, но его обращение, если оно состоялось, — это не наша заслуга, это чудо, сотворенное Богом, это тайна. Почему один человек становится христианином, а другой нет и какова будет конечная судьба различных групп людей, верующих, неверующих, — это вопросы, на которые мы не можем ответить. Хотя однажды на эти вопросы получил от Господа ответ святой Антоний Великий. Ему, размышлявшему над этими вещами, был голос: «Антоний, это судьбы Божии. Внимай себе и спасешься!». Из этого не следует, однако, что не надо молиться за этих людей. Молиться надо обязательно. А что касается восприятия ситуации — да, это трагедия, правда, предсказанная в Евангелии: *Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8)

— **Я знаю людей, находящихся в тяжелом душевном состоянии, в состоянии сломленности,**

депрессии, крайней усталости и т.д. Мне хочется им помочь, но сказать: «Приходи к нам в церковь» — я в большинстве случаев не могу, а почему? Потому, что я вижу: человеку это не под силу. Он придет в храм, постоит и уйдет и ничего не получит, потому что получить можно только очень большими усилиями, большим личным трудом, а у него сил на это нет — ни душевных, ни интеллектуальных. Православная Церковь — это очень трудная Церковь на самом деле! А не слишком ли — по нашим-то временам?

— Она действительно трудная. Но все подлинно ценное приобретается с трудом. Дело еще и в том, что лень — это победившее сегодня чувство. Человек приучен к мысли, что ему нужно от жизни только брать — отдавать, жертвовать он не умеет. Преподобный Серафим Саровский говорил: «Добродетель не груша: ее вдруг (вдруг — значит, разом, быстро) не съешь». Действительно, нужен труд. Людям, о которых вы говорите, можно помочь — помочь найти в себе силы. Если есть терпение, если есть любовь, силы найдутся.

— **Иной раз, однако, впору радоваться тому, что человек, находящийся в тяжелой, трагической ситуации пришел не к нам, православным, а к баптистам, скажем. Они сразу кинутся навстречу, сразу окружат вниманием и заботой, а зайти такой человек в православный храм, его не спросят даже, как его зовут. Понятно, есть объективно обусловленная разница, но какая-то «служба скорой помощи» и у нас ведь должна быть?**

— Должна. Это огромная проблема, мы постоянно об этом говорим, в том числе и в семинариях, с будущими священниками. И Патриарх об

этом говорит. Что-то мы пытаемся делать: телефоны доверия, дежурства священников в храмах, начатки социального служения, но не всегда это действует. С чем это связано? Может быть, и с нашей какой-то зараженностью общим настроением. Мы тоже ленимся, к сожалению. Нас подводит наша кажущаяся устроенность. Мы должны благодарить Бога за то, что Он дал нам это время, возможность работать без гонений, а мы вместо этого просто уютно устраиваемся и спим. Говоря все это, я не имею в виду только духовенство. Церковь — это все мы. У нас в Саратове уже больше трех лет действует общество милосердия. Это люди, которые в свободное время помогают тяжело больным, сиротам, ухаживают за одинокими стариками. Честь им и хвала. Но на почти миллионный город, на тысячи прихожан наших храмов, это всего лишь три десятка человек... Если мы эту проблему не преодолеем, то всем нам будет очень плохо. Мы будем отвечать за те души, которые попали... туда, где, может быть, и говорят о Христе и о Евангелии, но нет Церкви. Ведь те люди, которые сегодня в сектах, — они искали Христа! И если они не нашли Его в Православной Церкви, то это наша вина, и мы за это будем отвечать перед Богом.

— **То, что началось у нас в 1988 году, называют уже вторым крещением Руси. А каковы, на Ваш взгляд, перспективы этого процесса? Как скажется он на судьбе общества и государства?**

— Второе крещение Руси — это сказано совершенно правильно. Однако о первом крещении писатель Николай Лесков сказал: Русь была крещена, но не была просвещена. Как бы и на сей раз

так не получилось. Мы крестим сегодня всех, не задумываясь о том, насколько сознательно человек к этому пришел. Если все люди будут приходить ко крещению сознательно, тогда это действительно скажется на судьбе общества и государства. Чем больше людей будет в основу своей деятельности класть христианские идеалы, тем больше Церковь будет влиять на жизнь всего общества, в том числе и на государственную политику. Но можно ли надеяться на то, что мы здесь, на Земле, построим некое православное государство? У Бога все возможно, но я бы так далеко не заглядывал. У нас впереди огромный путь, нам просто храмы надо строить, надо воспитывать духовенство и народ. Ведь наше второе крещение — это на самом деле хиленький, слабенький росточек. По степени проникновения Церкви в жизнь общества и государства нам очень далеко хотя бы до Румынии, например: количество храмов в этой маленькой стране почти вдвое превышает количество их на всем постсоветском пространстве. Порой мы слышим: смотрите, как у вас всё возрождается, как много вы сделали, а мы двадцать лет кряду пытаемся хотя бы крышу над своей головой починить. Мы сделали очень мало — по сравнению с тем, что необходимо сделать, и очень много, если учесть, какими немощными силами все это делалось и делается. То, что нам это удалось поднять, — тоже чудо, еще одно свидетельство того, что *сила Божия совершается в немощи* (ср.: 2 Кор. 12, 9). Подлинное чудо, которое сопутствует нам в нашей жизни.

— **О взаимоотношениях Церкви и государства много уже сказано, поставим вопрос несколько иначе: обладает ли Русская Православная Церковь**

независимостью от государственной власти, от политики? Слишком уж многие в этом, мягко говоря, сомневаются.

— Здесь два аспекта. Если говорить о независимости духовной, то в той степени, в которой люди Церкви независимы от греха, они независимы от всего на свете. Но что касается зависимости внешней, материальной... Если я, епископ, хожу с протянутой рукой где только можно и прошу у всех: дайте на храм, на воскресную школу, на православный летний лагерь для детей, дайте, дайте; если я сумею при этом какую-то видимость независимости сохранить и держать какую-то дистанцию, то дай Бог, чтобы сил хватило. Но пока мы на этом коротком поводке находимся, мы не можем быть независимыми в полном смысле этого слова. Или же надо прекращать заниматься всей нашей деятельностью, что неприемлемо. Вот и рассуждайте после этого о компромиссах...

— Современный мир ориентирован не на христианские, а на иные «ценности», и западное христианство не может этому противостоять: Католическая Церковь не в силах помешать легализации однополых браков, и это только один из печальных примеров. А слышит ли сегодняшний Запад восточных христиан? Какова роль Православия — не только русского! — в современном мире?

— Роль Православия в современном мире очень велика. Вопрос в том, насколько мы сами соответствуем Православию. Вера ведь не доказывается, а показывается. Пример тому — митрополит Антоний Сурожский, много лет служивший в Великобритании. Он для всего окружающего общества был

непререкаемым авторитетом и подлинным лицом Православия. Представители Англиканской Церкви относились к нему не просто с уважением, а с таким сложно определяемым чувством... Признавали, может быть, право старшинства за ним и за Церковью, которая за ним стояла. Если у нас, помимо храмов, будут такие люди, тогда современный мир будет слышать голос Православия. А если нет, если мы превратимся в наемников или чиновников, толку никакого не будет.

Беседовала *Марина Бирюкова*

*Журнал «Московский комсомолец в Саратове»,
№ 50 (590), 2008 г.*

ВЕРА — ЭТО ТО, ЧТО ВЗЛАМЫВАЕТ ЧУВСТВО САМОУСПОКОЕННОСТИ

Правящего архиерея епархии называют также архипастырем, потому что в его обязанности входит духовное окормление вверенного ему церковного народа и духовенства. Мы встретились с Епископом Саратовским и Вольским Лонгином именно как с архипастырем, чтобы задать ему ряд очень важных для каждого верующего человека вопросов — о том, что такое христианская жизнь, имеет ли она какие-то свои особенности в настоящее время.

— **Можно ли говорить о том, что жизнь христианина в XXI веке имеет свои особенности, что она труднее, чем в другие эпохи?**

— В каком-то смысле каждый новый период времени сложнее предыдущего, и я думаю, что всегда текущий момент накладывает какие-то свои особенности на жизнь христианина.

Сегодня привычным фоном нашей жизни стали явления, которые некоторое время тому назад были бы просто немыслимыми с точки зрения общественной морали и нравственности. Слишком много соблазнов, причем агрессивно навязываемых, буквально оттаскивающих человека от Христа, от веры. В этом смысле — да, христианину сегодня труднее, чем вчера.

— **Играют ли при этом роль современные технологии, современные средства коммуникации?**

— Да, конечно, потому что любое техническое достижение — это палка о двух концах. Достаточно тривиальный пример — использование атомной энергии. В том же ряду — Интернет, где можно найти массу полезных сведений или погрузиться в омут полного безобразия.

Состояние нашего современника можно прекрасно описать с помощью такого святоотеческого образа: сегодня человек как дом с открытыми настежь дверями и окнами, туда входит, кто хочет, и заносится ветром все что угодно.

С другой стороны, я все же не думаю, что есть принципиальные различия и две тысячи, тысячу, сто лет назад гораздо легче было быть христианином, живя в миру. Ведь почему тогда возник феномен монашества? Почему люди уходили из благополучной, казалось бы, христианской империи в пустыню? Для того, чтобы без помех и без компромиссов со своей совестью жить согласно евангельским заповедям. Выбор — за человеком. Выбор есть всегда, но сделать этот выбор может только сам человек. Так происходит сегодня, так было и две тысячи лет назад.

Когда монахи-отшельники Египетской пустыни приходили на рынок в Александрию продавать свое рукоделие — сплетенные ими из пальмовых ветвей циновки и корзины, я думаю, что этот рынок тоже не был местом, где собирались только целомудренные и благочестивые люди. Скорее, наоборот, и отцам-пустынникам там было трудно. Но у них был какой-то **навык**, который позволял им не смешиваться с миром. То, что навязывал им

мир, не приражалось к их сердцу, и они оставались сами собой.

— **А как можно этот навык приобрести?**

— Дело в том, что монашество — это очень трудный ежедневный, ежечасный подвиг борьбы со всем тем скверным, недостойным, что есть в человеческом сердце. Подвиг до самозабвения. Недаром отцы говорили: «Дай кровь и прими Дух». Фраза известная, часто цитируемая, но мало кто задумывается над ее содержанием: отдай все свои душевные и физические силы, трудись не просто до пота, а до крови — тогда ты примешь от Бога какие-то духовные дарования и исправишь свою жизнь. Вот это и есть тот навык, который позволяет оставаться христианином в любых условиях. И это результат самовоспитания, можно сказать, строительства дома душевных добродетелей, к которому призваны не только монашествующие, но все христиане.

Я думаю, что, если сегодня человек так же всерьез подойдет к работе над собой, результаты будут те же. Известен такой случай из жития преподобного Серафима Саровского. Один благочестивый монах спросил его: «Почему мы не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники?». — «Потому, — ответил старец, — что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то жили бы как отцы наши, потому что благодать и помощь верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была прежде, ибо, по слову Божию, *Господь Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8)».

Вот это одна из причин многих проблем современных христиан: у нас решимости меньше.

Нам чуть не сказкой уже кажутся жизнеописания мучеников, которые ради Христа шли на смерть, переносили страшные, чудовищные пытки.

Нам кажутся неподъемными подвиги святых первых веков христианства — преподобных Пахомия, Антония, которых мы именуем Великими. А ведь дело всего лишь в стремлении исполнить заповеди. Например, святой Антоний в юности зашел в храм, когда там читалось Евангелие: *Если хочешь быть совершенным, иди, продай имущество твое и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на Небе, и иди вслед за Мною* (Мф. 19, 21). И эти слова настолько его поразили, что он исполнил их буквально: раздал все и ушел в пустыню. — Решимость, которую сегодня трудно себе представить в современном человеке.

Жизнь преподобной Марии Египетской — это тоже сверхчеловеческий (не в ницшеанском, а в христианском смысле этого слова) подвиг. Велико было ее падение, но и покаяние было великим. Когда мы читаем ее житие, то просто не можем себе представить: как это можно, чтобы человек переживал не час или два, а 17 лет плакал о своем падении...

Конечно, с решимостью сегодня у людей слабовато. И эта слабость вовсе не порождение XXI века: в среде христиан она была и раньше. Но со временем это явление усиливается.

— **Согласны ли Вы с тем, что сегодня только подвиг делает человека христианином?**

— Совершенно согласен.

— **А в чем состоит подвиг человека, живущего в миру? Приходилось слышать разные определения**

типа: «Семья многодетная — христианская, иначе — нет» и так далее...

— Подвиг — сама христианская жизнь, независимо от того, где она проходит — в миру или в монастыре. Ведь что это такое? Это жизнь, в основе которой — заповеди Божии. Для человека неверующего, «внешнего», со стороны она кажется очень тяжелой и почти неприемлемой, потому что он будет видеть в ней только одни запреты: «этого нельзя, этого тоже нельзя, вот это плохо, от этого надо воздерживаться, а здесь вот нужно смириться». В этом смысле жизнь монашеская («зачем вообще уходить в монастырь, отказываться от возможности иметь семью, есть побольше и повкуснее») и жизнь семейная («зачем надо отказывать себе в удовольствии пожить “для себя”, без детей, или сохранять супружескую верность, хотя обстоятельства “так удачно сложились”, ведь “ни от кого не убудет”») не противоположны так уж принципиально.

Сегодня для большинства людей жить **свободно** — это значит жить так, как хочется, добиваться исполнения всех своих желаний. Этим людям в принципе непонятно, когда кто-то **свободным** же произволением берет на себя какие-то самоограничения. А то, что мир не понимает, он не хочет и принимать.

Но человек так устроен, что без самоограничения он не достигнет не только духовных высот, но и вообще каких-то результатов в духовной жизни. Поэтому созидание в себе дома душевных добродетелей, о котором мы только что говорили, невозможно без утеснения себя в чем-то. В этом смысле жизнь христианская — по заповедям Божиим, по Евангелию — всегда является подвигом.

Вообще, говоря о том, что есть христианская жизнь, невозможно составить какой-то четкий свод ее правил и признаков. Мы всё всегда пытаемся систематизировать — так устроено человеческое сознание. Нам очень хотелось бы создать для себя некое подобие ветхозаветных заповедей: «Вот это можно, а вот этого нельзя». В этом, кстати, психологическое преимущество многих религиозных систем, в том числе ислама, иудаизма, в которых жизнь человека регламентирована, буквально описана от рождения до смерти. Человеку в каком-то смысле так легче жить.

В христианстве же этого нет принципиально. Человек свободен, и он волен выбрать для себя или свободу жизни во грехе, или свободу жизни в Боге. Поэтому мы видим: сколько личностей, столько и путей к Богу и столько вариантов христианской жизни существует, потому что даже при всей схожести обстоятельств то, что происходит в сердце конкретного человека, неповторимо. Поэтому пытаться давать какие-то рецепты раз и навсегда, я думаю, бессмысленно.

Очень часто для современного человека, начинающего христианскую жизнь, как раз это отсутствие готовых рецептов и является «камнем преткновения». Он ищет подробных инструкций. Например, прочитал человек в какой-то хорошей книжке описание чьей-то жизни, чьего-то подвига христианского и хочет во что бы то ни стало этот подвиг повторить. И он начинает следовать этой книжке буквально, как инструкции при пользовании стиральной машиной, и думает: «А почему же у меня не выходит? Я это сделал, вот эти кнопки нажал, а получается не так, как

здесь написано». — Да потому, что невозможно повторить все в точности. Ты другой человек, у тебя другие жизненные обстоятельства, ты по-другому чувствуешь, по-другому думаешь, по-другому воспринимаешь мир, поэтому не можешь брать за основу жизнь другого человека, как матрицу. Но вот взять ее в качестве образца, зная, что жизнь по заповедям возможна, не только можно, но и необходимо.

И вот что еще очень важно: в своей жизни **надо дать место и Промыслу Божию**. Господь Сам определит крест, который для человека спасителен и по силам. Например, в семейной жизни кого-то Он благословляет многочадием, а кого-то нет.

— **Что значит известное выражение: «Креста не ищи, от креста не беги»?**

— Да, есть такое. «Креста не ищут и с него не сходят». Это значит, что человек должен нести с благодарностью все, что ему посылает Господь в этой жизни. Крест — символ страданий, испытаний, скорбей.

«Креста не ищут» — это относится к достаточно горячим людям, как правило, неопитам, которым хочется поскорее сделать что-то героическое, выдающееся. Знаете, бывает, что человек молится: «Господи, пошли мне болезнь», или: «Господи, дай мне пострадать»; и я встречал таких людей. Но дело в том, что горячность — вещь недолгая, она быстро проходит, и все становится сложным: «Караул, я этого понести не могу...». Как правило, за этим следует какое-то внутреннее крушение.

И, с другой стороны, за этим предупреждением, что креста не ищут, стоит уверение, что, если Господь Сам посылает какой-то крест, он всегда

по силам человеку. Пусть даже он кажется сверх меры тяжелым и еле переносимым, но тем не менее надо понимать, что если Господь дает что-то, то, значит, человек сможет это вынести. Надо только искать возможности и просить у Него сил перетерпеть, пережить.

— **В житейских ситуациях часто приходится искать компромисс. Как в этом определить меру?**

— И здесь тоже приходится сказать, что меру компромиссов каждый человек должен устанавливать для себя самостоятельно. Вот где эта мера? До какого момента это компромисс и с какого начинается предательство? Трудно дать совет. Но надо понимать, что когда-то с компромиссами придется заканчивать. Один компромисс, второй, третий, четвертый... а потом — отступление от веры. Рано или поздно нужно остановиться.

— **В чем причина расслабленности, которая так часто овладевает верующими людьми? Опасен ли для христианской жизни комфорт, к которому мы так привыкли?**

— Безусловно, это одна из основных причин того, воля человека и его решимость ослабевают. Конечно же, современный человек привык к комфорту, привык к тому, чтобы все и всегда в его жизни было хорошо, удобно, и хочет, чтобы такой же комфортной, удобной была и его духовная жизнь. Тогда он приходит на исповедь и, вместо того чтобы обличать себя, начинает жаловаться, что у него это вот не так и это не эдак... Сегодня очень многие люди, может быть, не отдавая себе в этом отчета, считают, что вера — это то, что должно помочь им комфортно себя чувствовать в нашем мире.

А должно быть наоборот. Вера — это то, что взламывает чувство комфорта, успокоенности. У старца Паисия есть замечательное выражение, которое, как мне кажется, удачно переведено на русский язык, — «добрая обеспокоенность». Вот вера — это то, что рождает в сердце добрую обеспокоенность, неудовлетворенность собой и своим сегодняшним положением, греховным состоянием своей души, память о том, что *ничто нечистое* не войдет в Царство Небесное (см.: Откр. 21, 27). А если человек успокаивается, он обрастает мхом, в том числе — в духовном смысле.

Мне хотелось бы посоветовать сегодняшним христианам только одно — иметь добрую обеспокоенность. Эти слова старца Паисия как нельзя больше подходят для нашего времени. Иметь добрую обеспокоенность и понимать, что до конца жизни надо трудиться над собой. Это «скучные» слова, и, наверное, прочитав их, большая часть людей не захочет в них вдумываться... И все же жизнь христианина — это ежедневная, постоянная, может быть, не очень интересная, потому что негероическая, работа над самим собой, над своим сердцем. Другого пути нет.

Беседовала *Наталья Горенок*

*Газета «Православная вера»,
№ 20 (400), 2009 г.*



ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Ответы Епископа Саратовского и Вольского Лонгина на вопросы посетителей портала «Православие и современность» и корреспондентов разных изданий: информационных агентств «Интерфакс», «СаратовБизнесКонсалтинг», «Взгляд-инфо», федеральных и региональных выпусков газет «Известия», «Российская газета», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», журналов «Альфа и Омега», «Фома», «Нескучный сад», «Православие и современность».

ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Как сегодня должны строиться отношения между государством и Русской Православной Церковью, Ваше мнение?

Отношения должны носить партнерский характер, основываться на принципе невмешательства в дела друг друга, то есть Церковь в государстве должна быть по-настоящему независимой, хотя независимость в современном мире — понятие условное.

Естественно, что отношения государства и Церкви, Церкви и общества сложно переплетены. Почему? Мне запомнился ответ Патриарха Пимена на вопрос одного иностранного корреспондента. На недоумение журналиста, каким образом высшее духовное лицо Русской Православной Церкви может давать пресс-конференцию в посольстве той страны, где Церковь отделена от государства, Его Святейшество ответил примерно так: «Действительно, в нашей стране Церковь отделена от государства, но ни в Советском Союзе, ни в какой-либо другой стране она не может быть отделена от народа».

При решении многих проблем государство просто не может обойтись без взаимодействия с Церковью. И здесь открывается широкое поле для совместной деятельности: выполнение различных социальных, образовательных программ,

программ по сохранению культурного и духовного наследия. Ведь практически все культурное наследие России, да и других православных государств, так или иначе связано с Православной Церковью. И здесь не нужно стесняться диалога и сотрудничества. Так уж сложилось, что наше государство часто бросается в крайности. Сначала нас считают абсолютным злом, потом начинается слишком поспешное «братание» и заключение Церкви в объятия, потом власти спохватываются и заявляют, что у нас светское государство и такие отношения с Церковью «несовременны», после чего вновь начинается период отчуждения. А нужно на самом деле совсем немного — выработать нормы взаимоотношений, которые есть во всех странах, называющих себя цивилизованными. И не стоит бояться упоминания в Конституции или других основополагающих государственных документах исторической роли Русской Православной Церкви.

Можно ли верить в искренность тех руководителей, бывших партработников, которые вчера отвергали Бога, а сегодня набожно крестятся перед иконами, частенько попадая в объективы телекамер?

В начале 1990-х гг., во время резкой «перемены климата», они действительно могли поступать так из каких-то конъюнктурных соображений, но сейчас времена очень сильно изменились, и утверждать подобное я бы уже не решился.

Конечно, многие руководители — это прагматики, которые живут от выборов до выборов и которым периодически нужны голоса избирателей.

Но если они заходят в церковь и считают, что это принесет им пользу в их деятельности, то в этом я вижу косвенное признание того, что Церковь в обществе играет определенную роль. Если бы этого влияния Церкви на общество не было, то люди, как я сказал выше, прагматичные и далекие от религии, в храмы не пошли бы.

Отмечу, что сегодня очень многие люди искренне приходят в Церковь, приходят к Богу. Неважно, как они в первый раз зашли в храм: самостоятельно или «за компанию» с другими, с телекамерами или без афиширования своего визита. Со временем все эти люди начинают испытывать потребность в регулярном общении с Богом. Я знаю многих серьезных руководителей во властных структурах, которые годами помогают Церкви, являются прихожанами того или иного храма. У них есть духовники, они исповедуются, причащаются, исполняют молитвенное правило, соблюдают посты. Словом, стараются вести полноценную жизнь православного христианина. И зачастую совсем это не афишируют.

Бытует мнение, что Русская Православная Церковь не очень активно занимается пропагандой своих идей и взглядов, в чем проигрывает, например, католикам и другим конфессиям, активно вербуяющим новых сторонников. Вы согласны с таким утверждением?

Я бы с этим не согласился. Успехи тех же католиков у нас в стране сильно преувеличены, и уж совсем плачевны эти «успехи» на их исторических территориях, особенно в Европе. Исключение составляют, пожалуй, лишь Латинская Америка да

отчасти Польша. Думаю, католики от души завидуют тому положению, которое занимает сегодня Русская Православная Церковь в нашем государстве — я имею в виду то, как относятся к Церкви люди. А что касается, как вы говорите, «пропаганды идей и взглядов», то ведь Церковь не ставит перед собой цели заниматься решением каких-то общественно-политических задач. Если уничтожен идеологический отдел ЦК КПСС вместе с ЦК и КПСС, то почему Русская Православная Церковь должна брать на себя функции этого отдела?

Кто-то относится к нам отрицательно, кто-то положительно, но при этом многие не совсем верно понимают для себя природу Церкви. Церковь — это Тело Христово; она существует в истории и обществе для того, чтобы приводить людей ко Христу, для того, чтобы их спасти. Понятия о спасении и о вечности — основополагающие понятия христианства. Нельзя подходить к Церкви с утилитарной целью, как к какому-то общественному институту: «Повысьте нам, пожалуйста, порядочность в широких слоях населения, сделайте так, чтобы наши работники не воровали, за все благодарили начальство, несмотря на его промахи и просчеты» — и так далее. А ведь именно это лежит в основе рассуждений о том, что Церковь должна взять на себя некие общественно-полезные функции. Да, когда люди приходят в Церковь, становятся настоящими христианами и в их жизни на первое место выходит следование евангельскому закону, то это, безусловно, приносит обществу реальную, ощутимую пользу. Но, если можно так сказать, это вторично, это

следствие. А главное, первичное — стремление человека, пришедшего в Церковь, ко спасению, его внутреннее, глубокое изменение, необходимое для спасения. И именно в этом — в помощи людям на пути ко спасению — и заключается важнейшее служение Церкви.

Что же касается деятельности сектантов и их возможностей... Дело в том, что современное сектантство, пришедшее к нам с Запада, — это хорошо организованная рыночная технология. Мы часто слышим, что, мол, «Православная Церковь продает книжки, а сектанты-протестанты раздают их бесплатно». Так ведь их корпорации устроены по всем правилам современного бизнеса! Да, они вкладывают в этот бизнес какие-то средства. Но человек, который, читая их «бесплатные» книжки, в результате попадает в секту, не только приносит туда с собой все свои сбережения, но зачастую и отдает добровольно квартиру, машину, дачу, отдает все, что имеет, и порой даже собственную жизнь. Так что «бесплатность», которую нам приводят в пример, на самом деле оказывается весьма удачным вложением капитала по-своему умными и, безусловно, расчетливыми людьми.

И снова возвращаясь к вопросу о различии в деятельности Православной и Католической Церквей, скажу, что у нас таких возможностей, как у Ватикана, просто нет. Я, православный архиерей, не могу, например, построить на деньги епархии храм в том или ином городе или селе: средств, которыми располагает епархия, на это не хватит. Я сегодня с огромным трудом могу содержать священника, служащего на бедном приходе, платить

ему зарплату, не заставляя жить на копейки, которые принесет ему приход; а смогу ли делать это завтра – не знаю. Поэтому если говорить о независимости, то она сегодня во многом обуславливается экономическим положением. Мы же постоянно вынуждены просить у государства: «Верните нам это, возвратите кусочек того, оформите нам землю, окружающую храм, не в аренду, а в бесплатное пользование, поскольку мы не можем за нее платить...».

У Ватикана все по-другому. Собственность, которой он владел в Европе с IV века, со времен императора Константина, до сих пор находится в его ведении в большей части европейских стран, за исключением, может быть, Франции и частично Испании. Эта собственность столетиями приносит средства, которые используются на миссионерство, проповедь, обучение и воспитание молодежи.

А те деньги, которые приносят люди в православные храмы, не дают нам возможности заниматься в полной мере нашей деятельностью, нам приходится самим заботиться о своем материальном, экономическом положении, и мы все равно очень мало что можем сделать собственными силами.

Влияет ли Церковь на происходящие в России политические процессы?

Смотря, что считать политикой. Если речь идет о внутренней борьбе течений, движений, партий, о назначении тех или иных должностных лиц, то в таких процессах Церковь не участвует и никакого влияния на них не оказывает. В полити-

ческом процессе Церковь не задействована: ни открыто, ни скрыто – вообще никак. В общественной жизни ее участие, напротив, естественно, поскольку граждане нашей страны являются еще и паствой Русской Православной Церкви.

Должна ли Церковь влиять на политические процессы в более широком смысле? Я думаю, и да, и нет. В древности у Русского Патриарха было так называемое право «печалования». Это предусматривало некое участие в судьбе униженных, обездоленных. Если говорить о вмешательстве как о попытке влиять на какие-то персоналии, их назначение, смещение, я убежден, что Церковь не должна в это вмешиваться. А вот о том, чтобы нравственные принципы христианства если не лежали в основе политики, то хотя бы учитывались, Церковь должна заботиться. И в этом плане наше влияние будет возрастать по мере того, как будет расти количество воцерковленных людей во всех сферах жизни, — людей, не просто говорящих о своей лояльности по отношению к Церкви, а принимающих в качестве основы своей жизни и профессиональной деятельности христианские принципы.

Не кажется ли Вам, что современная Православная Церковь в России стала излишне политизированной и фактически превратилась в инструмент для решения определенных политических задач?

Приходится говорить о том, что существуют журналистские клише, которые кочуют из издания в издание, в том числе и по отношению к Церкви.

Понятно, что журналисты — это люди, которые должны иметь представление обо всех явлениях общественной жизни, не будучи специалистами, поэтому и происходят такие обобщения. А для меня, например, непонятно утверждение «стала излишне политизированной»: оно звучит слишком императивно.

Век назад духовенство очень активно участвовало в жизни общества: священники, архиереи заседали в Государственной думе. Это были люди, которые, будучи членами Думы, занимались не только вопросами церковно-государственных отношений, но и вопросами национальной политики на окраинах Российской империи, борьбой с наступающей революцией, работали по вопросу наделения крестьян земельными паями. Столыпинская реформа была бы невозможна без поддержки ее депутатами, в том числе и духовенством.

Сегодня мы никоим образом не участвуем в управлении государством, потому что Церковь приняла такое решение, а за ней последовали и другие конфессии. Мы не участвуем напрямую в политике, не избираемся ни в какие органы власти. В чем-то мы, конечно, из-за этого теряем: иногда принимаемые законы не учитывают реальные интересы Церкви, и мы потом впопыхах пытаемся внести в них какие-то поправки. А все потому, что эти законы обсуждаются в отсутствие «человека в рясе», который мог бы отследить все необходимые нюансы. Кстати, нахождение представителей религиозных организаций в Общественной палате Российской Федерации отчасти снимает эти проблемы.

Другое дело, что Церковь стала более заметной во всех смыслах: ведь на протяжении многих десятилетий Церкви в нашем обществе «не было». Сейчас мы слышим колокольный звон, который раньше был запрещен, мы видим по телевизору священнослужителей — в советские годы абсолютно немыслимое явление. Десять лет назад в Саратове редко можно было встретить священника в рясе, а сегодня это уже в порядке вещей. Это не политизация, это просто присутствие. И это присутствие естественно, мы же не изгой какие-то, не люди «второго сорта»! Нас нельзя собрать в гетто и отгородить частоколом. И чем больше людей приходит в храмы, тем более заметной Церковь становится со стороны. Ведь Церковь — это не только священнослужители, Церковь — это все люди. Чем больше людей будет в Церкви, тем больше будет ее влияние и на процессы в обществе, а в конечном итоге, на политику государства. Политика — это лишь часть общественных процессов, идущих сегодня в обществе. Но — я настаиваю на том — влияние Церкви не может быть определено термином «политическое».

При попытке ввести в российских школах уроки Закона Божия Православная Церковь неожиданно натолкнулась на массу препятствий. Противниками этой идеи выступили многие представители средств массовой информации, а также чиновники Министерства образования. Аргументация противников изучения основ Православия, как правило, сводится к заявлениям, что в России живут не только христиане, но и мусульмане, иудеи, католики,

которым может прийти не по нраву такая «дискриминация»...

Церковь еще несколько лет назад пошла на очень большой, как нам казалось, компромисс: отказалась от предложения ввести в школах Закон Божий, но настаивает, просит, предлагает преподавать в учебных заведениях такой предмет, как «Основы православной культуры». Это не просто мимикрия, а действительно попытка рассказать о Церкви массе людей, которые еще не воцерковлены, то есть мы не собираемся учить их молиться, соблюдать посты, а хотим объяснить, почему это делают другие люди, на чем основывается их вера. Иными словами, надеемся донести до школьников некий благожелательный рассказ о Православии, в том числе объяснить взаимосвязи, которые существуют между христианским мировоззрением и нашей национальной историей, культурой, литературой. Мы согласны на компромисс, потому что понимаем: сейчас не XIX век. Несмотря на то положительное отношение к Церкви, которое есть у общества, люди в большинстве своем очень мало знают о Православии, и потому сразу давать им серьезные богословские познания непродуктивно. Но даже попытка введения курса «Основы православной культуры» встретила ожесточенное, яростное, я бы сказал, сопротивление на уровне Министерства образования.

Вообще, главный аргумент наших оппонентов: «Церковь в России отделена от государства». Само это понятие предполагает лишь вполне обоснованное разделение полномочий, однако у нас в сознании многих людей оно по-прежнему соотносится со стереотипами 1920–1980-х годов.

В реальности в СССР словом «отделение» прикрывалось уничтожение Церкви государством: отдел, занимавшийся в советском правительстве взаимоотношениями с Церковью, назывался очень конкретно — «Ликвидационный». Пора бы перестать мыслить категориями ушедшего времени.

Опросы, проведенные независимыми статистическими центрами, показывают, что сторонников преподавания «Основ» в российских школах большинство — около 60%. Категорические противники представляют собой небольшую, но сплоченную группу людей, которые не могут примириться с самим фактом существования Русской Православной Церкви.

Нам периодически говорят, что это может вызвать конфликты на межрелигиозной почве. На самом деле эту мысль просто вбивают в головы людей, которые никогда самостоятельно не сделали бы подобных выводов. И если такие разногласия действительно начнутся, то этот процесс будет на совести тех людей, которые целенаправленно занимались подобным внушением. Во всем мире эта проблема решается довольно легко: большинство учеников изучают основы ведущего вероисповедания в той местности, где они проживают. Но если в школе есть учащиеся других вероисповеданий, то для их обучения приглашаются вероучители этих религий. Если есть дети атеистов, которые не хотят, чтобы их ребенку внушали религиозные истины, то для этих учеников существует такой предмет, как светская этика, посредством которого им объясняют, что такое хорошо и что такое плохо. Подобный подход к изучению основ религиозной культуры существует

во всем мире, который у нас принято называть цивилизованным и ко вхождению в который мы сегодня так стремимся. Этому следуют даже во Франции — единственном атеистическом государстве в Европе. Раз в неделю там проходит день религиозного урока: в школы приглашаются представители разных конфессий, делают детей на классы и обучают. Почему такой подход невозможен у нас? Ведь речь уже идет не о Законе Божиим, а об «Основах православной культуры», которые можно изучать даже мусульманину, чтобы знать «матрицу» той страны, в которой он живет, чтобы понять, как мыслит большая часть ее населения, чтобы осознанно уважать российские традиции и устои. Я думаю, что это очень важно. И пока у нас, у власти, у народа не будет четко выработанной позиции по отношению к своей религии, мы будем повторять чужие ошибки и своими удивлять весь мир.

Часто задаваемый и, как ни странно, многих волнующий вопрос: откуда у Церкви деньги? В Саратовской области капитально ремонтируются, а также вновь строятся десятки православных храмов. Это сотни миллионов рублей. Что это — только пожертвования верующих? Или есть иные источники? В СМИ не раз и не два приходилось читать о бизнесе, контролируемом РПЦ. Существует ли такой бизнес?

На самом деле денег у Церкви мало. Я бы сказал, совсем нет. Я не знаю почему, но именно Саратовскую область атеистическая власть как

утюгом каким-то выгладила: к 1937-му году здесь ни одного действующего храма не осталось, даже какого-нибудь кладбищенского. И совсем немного храмов ныне отремонтировано так, чтобы можно было сказать: «Храму возвращено его былое благолепие». Это я вам вполне профессионально заявляю. Процесс восстановления идет очень медленно и в основном — на пожертвования верующих: это те рубли, те копейки, которые люди приносят в храм, это свечи, записки, иконки, крестики. Кроме того, есть состоятельные люди, которые живут зачастую уже не в нашей области, но помнят о своей малой родине и помогают восстанавливать храмы.

Никакого церковного бизнеса, к сожалению, не существует. Да, к сожалению. Мне непонятно лукавство некоторых средств массовой информации, которые с восторгом живут в новом капиталистическом мире, приветствуют все его проявления, но встают при этом в такую странную позу по отношению к Церкви. Ведь во всем мире традиционные конфессии существуют именно за счет легального, не осуждаемого обществом бизнеса. Итальянская Католическая Церковь вполне легально владеет значительной частью производства продуктов питания в Италии. Католическая Церковь Германии — собственник огромного количества недвижимости, включая памятники архитектуры; недвижимость сдается в аренду, и таким образом содержится вся социальная структура Церкви, католические школы, университеты, радиостанции... У нас ничего этого нет. Но мы — и общество, и Церковь — должны стремиться к иному положению дел.

Если использовать экономические термины, то как формируется бюджет Церкви? Разве свечи и иконы могут прокормить такой большой институт?

Бюджет Церкви формируется из тех пожертвований, которые собираются в каждом храме. Часть из них используется на нужды этого храма, часть отсылается в епархию, из чего составляется общественный епархиальный бюджет. Это основной источник наших доходов. Но покрыть все нужды Церкви такие пожертвования, конечно, не могут, и в этом наша проблема. Поэтому я, как практически любой архиерей или священник, живу с протянутой рукой. Я не раз говорил: если бы мы восстановили церковную экономику на правильных основаниях, мы могли бы смело отменить торговлю в наших храмах. Но для этого Церковь должна жить так, как живут все традиционные религиозные организации во всем мире — на доходы от управления недвижимостью, земельными участками. Однако сегодня нам их пытаются сдать в аренду люди, которые приватизировали это имущество в начале 1990-х по 15 копеек за квадратный метр. И когда я обращаюсь и прошу сдать уголок для воскресной школы, новые хозяева говорят мне: «А вы дадите нам миллион долларов?». Я не утрирую, а описываю реальный случай с одним саратовским банком.

На пожертвования за свечи, записки, иконки и крестики можно заплатить зарплату священникам, хору, но не более того. Существуют еще единичные пожертвования от частных лиц. А на реставрацию памятников архитектуры мы иногда

получаем дотации из федерального бюджета, в рамках специальной федеральной программы.

Если советский вождь Иосиф Сталин давал в свое время указания разрушать храмы и расстреливать священников, то почему впоследствии РПЦ не предала его анафеме?

Церковь никогда не предавала анафеме своих гонителей, даже во времена Нерона и Диоклетиана, — правителей, при которых вера пострадала не меньше, чем при Сталине. Кстати, анафема, вопреки неким предрассудкам, — это не какое-то страшное проклятие или публичное осуждение, а отлучение от церковного общения, запрет приступать к таинствам Церкви, как правило, применяемый в отношении еретиков — людей, которые пытаются разрушить Церковь изнутри.

Что же касается осуждения действий Сталина, мы неоднократно высказывали им свою оценку. Мы почитаем новомучеников российских, мы канонизируем людей, которые отдали свою жизнь за Христа. Каждая епархия проводит огромную работу в архивах ФСБ для того, чтобы найти протоколы допросов тех людей, которые пострадали за веру, чтобы сделать известными миру эти мученические акты. И сказать, что при этом мы не замечаем гонителей, конечно, неправильно. У нормального верующего человека, христианина, не может быть ни слова сочувствия или какой-либо симпатии к тому, что творилось в нашей стране и по отношению к верующим, и по отношению к интеллигенции, и по отношению к крестьянству. Была поставлена

задача — уничтожить историческую Россию, превратить ее в закатанную асфальтом площадку — плацдарм для мировой революции. К этому невозможно относиться с одобрением, и Церковь, конечно же, осуждает это.

Другой вопрос (стоящий перед всем обществом): если начинать «кампанию осуждения» по персоналиям, где следует остановиться? Мы знаем имена Сталина, Орджоникидзе, Берии, прочих советских правителей, которые причастны ко всей этой вакханалии. Но, кроме верхушки, были люди среднего и низшего звена, которые охраняли эту власть, стреляли, пытали, били, конвоировали... Были те, кто писал доносы, охранял, допрашивал... Мы не берем на себя смелость этим заниматься: наверное, это прерогатива даже не государства, но всего общества. В Германии этот процесс назывался «денацификация»¹⁵. В России ничего подобного не было проведено по ряду причин, и, наверное, в этом корень наших многих нынешних проблем: мы сегодня до конца не разобрались со своей историей. Но у нас есть смягчающее обстоятельство: все-таки мы слишком долго жили под советской властью, при ней выросло несколько поколений. Многие вещи в нашей истории слишком переплетены, их нелегко разделить: при оценке событий, в том числе и при оценке ярких исторических личностей, нельзя мыслить стереотипами. Многие из этих оценок человеку старому,

¹⁵ Денацификация (нем. Entnazifizierung) — комплекс мероприятий, направленных на очищение послевоенного немецкого и австрийского общества, культуры, прессы, экономики, юриспруденции и политики от влияния нацистской идеологии.

воевавшему, шедшему не раз на смерть за свою Родину, покажутся оскорблением. Поэтому я против каких-то массовых кампаний. Думаю, что для каждого нормального человека и так понятно, что никакого оправдания тем страшным преступлениям быть не может.

Не существует ли, на Ваш взгляд, прямой зависимости Русской Православной Церкви от государственной структуры, именованной когда-то КГБ, а ныне — ФСБ?

Наше сотрудничество по большому счету заключается в том, что мы пишем запросы в эту организацию с просьбой дать нам разрешение на работу в ее архивах. Сейчас это достаточно сложно, потому что после того небольшого «окошка», которое было в начале 1990-х годов, архивы у нас опять закрыли. В законодательстве об архивном деле слишком много пунктов, которые затрудняют допуск к архивным документам. Поэтому это сотрудничество не всегда складывается гладко, но в принципе нам предоставляют определенные архивы, мы с ними работаем и благодарны за это.

Что касается «зависимости» — ее никогда не было, кроме того факта, что после революции государство говорило с Церковью именно через этот орган. Первая структура, которая была создана Советским государством в 1918 году при ВЧК и которой было поручено заниматься всеми церковными делами, называлась очень незатейливо — «Ликвидационная комиссия». И подобные ей структуры затем были всегда — и при НКВД, и при КГБ. Государство всегда общалось с Церковью

через Комитет госбезопасности. Но не забывайте: Советское государство не только с Церковью, но и с ученым миром, писателями, художниками общалось через КГБ, да и с журналистами тоже...

Православные ценности могли бы сегодня стать государственной идеологией?

Ни в коем случае. Православные ценности и государственная идеология — понятия разного порядка. Православные ценности должны стать основой жизни православного христианина. Человек должен жить по Евангелию и относиться соответствующим образом к миру, людям и Богу. Христианство «прорастает» изнутри, механически насадить православные ценности невозможно. Бывали в истории тех или иных государств периоды, когда границы Церкви и государства совпадали. Эти периоды остались в памяти народов как своего рода золотой век и отличались необыкновенными успехами государственного строительства и национальной культуры. Но это складывалось постепенно.

У нас часто сегодня роль Церкви пытаются определить, оглядываясь на ее исторические заслуги. И говорят: «А давайте мы сделаем все, как прежде», — но так, к сожалению, не получится.

Преподобный Сергей Радонежский со своим братом Стефаном ушли жить в лесную чащу, терпели холод, голод, опасность нападения диких зверей. Брат такой жизни не выдержал, ушел. А видимый результат подвига святого Сергия — огромная, всемирно известная обитель. Троице-Сергиева Лавра стала тем плодом, что «вырос» из подвига Преподобного. А был бы такой результат, если бы он

сказал своему брату: «Пойдем, создадим Лавру в дремучем лесу, построим там несколько храмов и пригласим Андрея Рублева, чтобы он их расписал»?

Церковь не ставит перед собой подобных утилитарных задач. Воцерковить людей — это значит не только научить их правильно вести себя в храме. Воцерковление — внутреннее состояние, жизнь в согласии с воспринятыми христианскими ценностями. Но когда так складывается, что христианские ценности становятся фундаментом жизни людей и границы Церкви и общества в итоге совпадают, то такая ситуация всегда очень благоприятна для общества.

Сегодня Церковь особенно активна, и многих это сильно раздражает. Людям не нравится, что Церковь, которая, с их точки зрения, должна заниматься исключительно духовностью, «лезет» в общественную жизнь, позволяя себе высказываться и о таких чисто светских вещах, как, к примеру, концерт Мадонны. Что должна в этой ситуации делать Церковь, чтобы не стать соблазном, в том числе и для людей верующих, у которых по этой теме нет однозначной позиции?

В Евангелии есть хорошие слова Христа Спасителя: *и сие надлежит делать, и того не оставлять* (ср.: Мф. 23, 23; Лк. 11, 42). Конечно, Церковь должна быть активной, и мы стараемся эту активность по мере сил проявлять, чтобы как можно большее количество людей пережило подлинное обращение ко Христу и чтобы вместе с тем эти люди познали самих себя.

Многих раздражает не только активность, но и само существование Церкви. Есть люди, которые Церковь не любят, для которых борьба с ней является смыслом их жизни. И мы не смогли бы удовлетворить их претензии иным способом, кроме как самоликвидировавшись...

Что до «вмешательства» в общественную жизнь, то здесь можно сказать только одно. Нет более тоталитарного сознания, чем либеральное. Сегодня некоторые люди и движения, которые считают себя эталоном демократичности, позволяют себе высказываться в адрес Церкви, обвиняя ее во всех смертных грехах. А почему, собственно, Церковь, которая есть собрание самых разных людей, не может высказывать свое мнение? Ведь мы, священнослужители, как граждане своей страны, имеем те же самые права, что и все остальные. Так почему сосед дядя Вася с лестничной клетки, если ему не нравится так называемая «Мадонна», может об этом сказать, а священник отец Василий из соседнего храма не может?

Конечно, если Церковь начнет пытаться запрещать концерты, это плохо и этого делать не стоит. А вот высказывать свое мнение Церковь просто обязана: ведь мы живем в демократической стране.

Как складываются Ваши отношения с представителями власти? Удастся ли до них достучаться? Приходится ли Вам быть дипломатом?

Не дипломатом — священником. Я стараюсь быть им всегда. У нас, как наверное, и во многих других регионах, непростая внутренняя обстановка: слишком многие люди находятся друг

с другом в сложных отношениях. И, конечно, когда ты поддерживаешь отношения со всеми, бывает непросто. Иногда люди приходят и начинают говорить друг о друге что-то недоброе. Я никогда не поддерживаю такие «обличительные» разговоры, осуждение. Я всегда стараюсь видеть перед собой конкретного человека, и если есть какие-то болезненные темы, я их просто обхожу. Это не дипломатия — так должен поступать любой священник. И не важно, соседи ли это по лестничной площадке, которые не разговаривают друг с другом уже десять лет, или чиновники, которые не любят друг друга по каким-то причинам.

Как человек, который общается с представителями власти, я могу сказать, что люди, которые стоят у власти, — это такие же точно люди из плоти и крови, со своими проблемами, у них есть сердце, есть разум, и голос Церкви для них далеко не всегда бывает безразличен. Со многими у меня установились чисто человеческие отношения, которые зачастую не прерываются даже после их ухода со своих постов. Я убежден, что чиновники — это тоже достойный объект приложения миссионерских усилий. Почему Церковь должна проповедовать среди молодежи, студентов, пенсионеров и других социальных групп, но отгородиться стеной от чиновников?

У меня есть один принцип, и я считаю, что этому принципу должен следовать каждый священнослужитель. Спросили — ответь. Попросили помочь — помоги. Но если человек не открывает тебе свою душу, не надо пытаться в нее каким-то образом

залезть. У меня есть большой опыт общения с людьми из власти, которые абсолютно искренне открывают свое сердце, искренне относятся ко всему, что связано с Церковью. И таких людей достаточно много.

Часто спрашивают: почему Церковь принимает помощь от людей с негативным прошлым, почему не отказывается от их денег? Получается: вот человек помогает Церкви, и вот он сидит в тюрьме. И между двумя этими состояниями нет никакого конфликта?

А дело в том, что люди, которые говорят так, Евангелия не читали. Человек «с негативным прошлым» первым вошел в рай — это разбойник, распятый вместе с Христом. Он покался, умирая на кресте: просто казнь была продолжительной, и он успел...

Я много раз говорил: Церковь не имеет органов дознания. И слава Богу: иначе это была бы не Церковь, а непонятно что. Приходит человек — откуда я могу знать источник его доходов? Сегодня человек уважаем и на гребне популярности, а завтра он, простите, в тюрьме сидит. Но у меня же нет возможности это предугадать...

Конечно, конфликт есть. Но в тот момент, когда человек помогает Церкви, он не сидит в тюрьме. И даже когда он находится под следствием, мы не можем осуждать его до решения суда. И даже бывает так, что человека сажают, а потом оправдывают. Вот я недавно служил в одном районе, где глава много лет помогал храму. Благодаря его помощи приход, который там сложился, получил помещение. Он же помог с ремонтом.

Отремонтировал и... сел в тюрьму. Его осудили на 8 лет. Батюшка, который служит в этом селе, его не бросил: он его навещал, писал письма, участвовал в его судьбе. Хотя ему тоже могли сказать: он же жулик! Что ж ты ему помогаешь? Тут надо каяться перед народом: простите, люди добрые, что нам жулик помогал! А он год отсидел, и его полностью оправдали и опять сделали главой. И сейчас он благополучно работает. Вот как бывает в жизни. И тут я на стороне батюшки, который не побоялся, не бросил этого человека, не отряхнул безразлично руки.

Жизнь гораздо сложнее штампов. Конечно, если придет человек и скажет: «Владыка, я тут партию наркотиков продал очень выгодно, возьмите десятину...», я не возьму. И ни один священник, я надеюсь, если он в здравом уме, не возьмет никогда. Если я знаю, что владелец предприятия год не платит людям зарплату и при этом несет в церковь деньги, я скажу: пойдя, заплати людям зарплату. Перед Богом это выше того, что ты пожертвуешь на церковь...

Как Вы относитесь к атеистам? Намерена ли Церковь строить с ними отношения?

70 лет пропагандистско-репрессивная машина советского государства работала против Православной Церкви. Сложно предположить, что всего за 15–20 последних лет все это выветрилось из умов людей. И тут проблема не в атеизме как таковом, а в социуме и в психологии. Для таких людей атеизм является некой неразрывной частью прежнего образа жизни, прежнего строя, прежней страны. И для них сегодняшнее возрождение

Церкви — наглядное свидетельство того, что рухнуло то, чему они когда-то служили. Именно от такой категории граждан приходилось (иной раз и сейчас приходится) слышать эмоциональные восклицания типа: «Мало вас, попов, стреляли в свое время!!!».

Уже давно подмечено (и верно подмечено!), что воинствующий атеизм — это своего рода логический нонсенс. Ведь если вы не верите в Бога, тогда зачем с Ним бороться? Какой смысл бороться с тем, чего нет? Я вот, к примеру, совершенно не интересуюсь футболом. Но я же не борюсь с ним! Есть люди, которые совершенно ничего не понимают в опере (кстати, думаю, они составляют подавляющее большинство в обществе). Но ведь никто же из них не выходит с акциями протеста к зданию оперного театра!

Я думаю, что атеизм — это в большинстве случаев тоже некое прикрытие (только более системное и продуманное) своего негативного отношения к Церкви и Богу, проявление того самого личного спора человека с Богом.

Лично я к атеизму отношусь спокойно. Дело в том, что с атеистами мне приходится сталкиваться нечасто. Они как-то привыкли жить в своей среде, стараясь, как правило, к Церкви близко не подходить. Поэтому, если появляется повод пообщаться, общаемся, а нет — значит, и не общаемся.

Что же касается «научных» экзерсисов на ниве атеизма — это нам, как говорится, знакомо: знаем, изучали. В большинстве случаев атеистическая аргументация носит явно надуманный характер. На серьезные вопросы, которые поднимались

людьми с атеистическим подходом, богословие уже много веков назад дало ответы.

Здесь дело в другом: в вопросах веры человека убедить невозможно! Поэтому сложно говорить о «выстраивании отношений Церкви с атеистами». Церковь выстраивает отношения с теми, кто к ней обращается или хотя бы проявляет интерес. Если же мы сталкиваемся с попытками откровенно враждебного воздействия на Церковь, то, естественно, считаем своим долгом адекватно ответить.

Считается, что именно в советский период наша страна отошла от Православия. Но вот в воспоминаниях о святом праведном Иоанне Кронштадтском можно прочесть, что ему пришлось сделать замечание студенту... прикуривавшему в храме от лампы. А Патриарх Тихон причиной кровавой смуты называл отхождение народа от веры именно в предреволюционные годы. К какой степени воцерковления должен вернуться наш народ? Был ли в истории нашей страны период, который в этом отношении можно считать идеальным?

Эта очень сложная тема, о которой можно говорить долго. В истории России я бы выделил два относительно благополучных периода: время правления императора Александра III и период столыпинских реформ. «Красное колесо» А.И. Солженицына, где эти события анализируются, — удивительная, глубокая книга, в которой дана очень точная оценка того, что случилось с нашей страной. Оглядываясь назад, мы видим православную державу, мощь, стабильность,

верующий народ. Но сквозь толщу этого благополучия прорастали те проблемы, которые и привели к последующему кризису. Удивительная, страшная тенденция: в среде российской интеллигенции на рубеже XIX–XX веков гражданская порядочность приравнивалась ненависти к правительству и желанию скорейшей революции, причем революционность была связана с атеизмом, поскольку Церковь была одним из устоев государственности и с ней предполагалось бороться до последнего.

Если вспомнить того же святого — праведного Иоанна Кронштадского, то в это время он в своих проповедях обличал недостаточную решимость и твердость власти и, обращаясь к народу, предрекал, что православный царь отнимется от него и будут посланы жестокие, немилосердные правители, которые зальют землю кровью. И мы видим, что его слова исполнились буквально, причем на протяжении жизни одного поколения — тех, кто мог слышать эти проповеди.

Но сегодня, восстанавливая церковную жизнь в нашей стране, мы не имеем права копировать то, что было когда-то. Ничего не надо «брать за образец», тем более что эти образцы теперь нам известны только по литературе, по воспоминаниям, а насколько разными могут быть литература и воспоминания об одном и том же времени, можно судить, если положить рядом и читать попеременно две книги — «Пошехонскую старину» М. Салтыкова-Щедрина и «Лето Господне» И. Шмелева. Не надо пытаться вернуть то, что ушло, — поддевки, сарафаны, смазные сапоги. Надо ждать, когда Господь даст те формы церковной жизни, которые

адекватны сегодняшнему дню. И стремиться к тому, чтобы вся жизнь наша, все поступки были проникнуты духом Евангелия: вот оно — вне времени.

Как Церковь относится к человеку, который состоит в КПРФ, при этом веря в Бога? Сейчас КПРФ меняет свои отношения с Церковью, признала ошибки прошлого — Патриарх Кирилл сказал об этом на проекте «Имя России», когда Зюганов защищал Ленина...

Я думаю, что Церковь и коммунизм, как учение богоненавистническое, человекобожническое (то есть учение, в котором «обожествляется» отдельный человек), не могут, как Вы выразились, «помириться». Но люди, которые считают себя последователями той или иной идеологии, в том числе коммунистической, при этом могут быть верующими в Бога. Другое дело, насколько органично может сочетаться в одном человеке вера в Бога и следование идеям коммунизма...

Думаю, что самые циничные люди, которые в свое время состояли в коммунистической партии, люди, у которых нет ни принципов, ни совести, давным-давно вышли из нее при первых признаках «опасности», то есть в то время, когда членство в КПСС-КПРФ перестало быть признаком благонадежности и своеобразным пропуском к карьере. Сегодня в компартии остались люди, которые просто искренне держатся своих старых убеждений, не желая их предавать, или же люди, которым близка тема социальной справедливости. Не случайно ведь коммунизм в свое время стал достаточно популярным учением, завоевал

массу сторонников. Дело в том, что идея социальной справедливости — идея, в общем-то, правильная, отчасти даже созвучная христианству, но только в малой мере. Я бы сказал так: коммунизм — это нехристианский ответ на христианские по сути проблемы. Между тем только в христианстве человек может найти действительные ответы на вопросы как о смысле человеческой жизни, так и об устройстве человеческого общества. Поэтому, пока человек не разобрался в том, что происходит в окружающем нас мире, вполне может так случиться, что он искренне разделяет идеи коммунизма, социальной справедливости, но при этом является верующим человеком, христианином.

Как Православие смотрит на то, что тело Ленина до сих пор находится в мавзолее? Почему Церковь не предпринимает никаких усилий к тому, чтобы оно было захоронено?

Православная Церковь с самого начала говорила о том, что тело Ленина в мавзолее — это пародия на мощи святых, лжемощи. В целом культ Ленина создавался искусственно, в противовес Церкви, которая в то время была приговорена к уничтожению. Поэтому я не совсем согласен с тем, что решением вопроса о дальнейшем нахождении тела в мавзолее должна заниматься Церковь: это дело государства. Уверен, что бóльшая часть населения нашей страны против того, чтобы эта мумия находилась в самом сердце нашей страны — на Красной площади. И этот вопрос поднимался неоднократно. Ситуация не меняется по одной причине:

в нашей стране есть немалое количество людей, прежде всего пожилых, для которых эта мумия — «святыня». Мы понимаем, насколько они заблуждаются, но мы не имеем права призывать к духовному насилию над ними. Если же государство со временем примет решение о закрытии мавзолея и захоронении тела Ленина, это можно будет только приветствовать.

Я не верю нашим властям: мне кажется, что реформы, проводимые нашими политиками и властями, направлены на разрушение нашей государственности, науки, образования, сельского хозяйства, производства, армии и флота. Телевидение денно и ночью трудится над тем, чтобы сделать из нашей молодежи чернь, требующую лишь хлеба и зрелищ. Патриотизм трактуется как русский шовинизм. Горько и очень горько. Как с этим жить?

Я во многом с Вами согласен, но всегда высказываюсь против так называемой «теории заговора»: иногда бывает так, что человеку кажется, что вокруг нас враги, которые день и ночь трудятся, думают только о том, чтобы причинить вред — отдельным людям, городу, области, стране, всему миру в целом... Человек, одержимый такой идеей, тратит свою жизнь на поиски и разоблачение этих самых «врагов».

В реальности все одновременно проще и сложнее. Дело в том, что люди по своей испорченности, по своей греховности, к сожалению, *удобопреклонны ко греху*. И очень часто в своей жизни, если они не борются с грехом, не прикладывают к этому

специальных усилий, они совершают греховные поступки и тем самым увеличивают энтропию — количество хаоса в мире. Попробуем разобраться на таком примере. Вот некий чиновник. Он берет взятки, за деньги допускает такие вещи, которые по служебному долгу должен был бы не допускать, наказывает невиновных и освобождает виноватых. Грешник он? Грешник. Плохо он делает? Плохо. Но скажите ему, что он сознательно разрушает свою страну. Он будет бить себя в грудь и говорить, что он любит Родину, ему «за державу обидно», но все вокруг негодяи, довели его до жизни такой. И это будет почти искренне, совсем с небольшой натяжкой...

Возьмем телевидение и радио — те потоки лжи, оккультной информации, разврата, жестокости, которые льются на нас с экрана. Можно сказать, что идет сознательная компания по уничтожению нашего народа? Можно, но только в фигуральном смысле. На самом деле для тех, кто руководит электронными СМИ, для тех, кто формирует их политику, — это всего лишь делание денег. То, что показывают по телевизору, — это просто товар, за который те, кто его предлагает, получают большие деньги. Гораздо бóльшие, чем можно было бы получить за концерты симфонической музыки, телепередачи другого рода, беседы с интересными, интеллигентными людьми. Такой «товар» невыгоден — по той же причине, по которой торговать наркотиками выгоднее, чем хлебом, а водкой выгоднее, чем газированной водой. Так устроен человек: он греховен и грех его притягивает.

Поскольку общество состоит из людей, а люди находятся в состоянии грехопадения и их дея-

тельность направлена на удовлетворение низменных «потребностей» человеческой природы, то в жизни общества формируются определенные законы. В результате получается то, что мы видим. Есть даже такое слово — «апостасия», которое означает «отступление»: отступление от Бога, отступление от правды, отступление от истины. Этот процесс происходит не только в нашей стране, он всемирный. И Господь, предвидя это, в Евангелии сказал Своим ученикам: *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18, 8). Мы видим исполнение и таких слов Спасителя: *и, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь* (Мф. 24, 12).

Однако я настаиваю на том, о чем говорил неоднократно: нельзя ненавидеть свою власть. Все познается в сравнении. Спросите у русских, которые живут, например, в Таджикистане, Узбекистане, что бы они хотели — жить под руководством нашей коррумпированной, порой неприятной власти или оставаться там, где они сейчас? Можно не задумываться, каков будет ответ. Человек выбирает «меньшее зло». Я искренне считаю, что «своя» власть, пусть даже с недостатками, с какими-то пороками, все-таки лучше чужой власти, если мы сами не будем относиться к ней как к врагу.

В целом, и по отношению к власти нужно применять христианский принцип: ненавидь грех, но люби грешника.

Может ли священник активно интересоваться политикой? Должен ли он говорить о своих взглядах прихожанам?

Священник должен быть в курсе тех событий, которые происходят в стране и мире. В некоторой степени это даже его обязанность: ведь люди часто спрашивают совета, интересуются его мнением, как следует относиться к тем или иным явлениям. Но если под выражением «активно интересоваться политикой» подразумевается участие в политической борьбе, тогда ответ однозначен: священник не имеет права этим заниматься. Каноны Церкви прямо запрещают ему «входить в распоряжения мирскими делами» (третье правило IV, десятое правило VII Вселенских Соборов).

Однако бывают ситуации, когда «нужды ради и закону пременение бывает». В истории были случаи, когда священнослужители были вынуждены (я подчеркиваю это!) брать на себя попечение о народе. Происходило это, когда государственная власть фактически исчезала, прекращала выполнять свои функции, и Церкви приходилось заполнять этот вакуум. Вспомним роль Патриарха Ермогена в преодолении Смутного времени на Руси в начале XVII века: если бы не его воззвания, не было бы народного ополчения Минина и Пожарского.

Подобные примеры есть и в истории Западной Церкви, и в истории православных стран. В XVIII–XX вв., на протяжении почти 200 лет, черногорские митрополиты возглавляли независимое государство Черногорию — островок в океане Османской империи, не подчинившийся турецкому владычеству. Почти нашим современником был первый президент Кипра архиепископ Макариос (1913–1977), под руковод-

ством которого эта республика обрела независимость.

Однако всегда такое участие священнослужителей в управлении государством было насущной необходимостью, ситуацией, в которой не было альтернативы. И я бы не стал называть это участие политической деятельностью.

Что же касается того, должен ли священник говорить о своих взглядах прихожанам, если они его спрашивают при личном общении, то почему бы и нет? Однако он не имеет права превращать амвон в место политической пропаганды, призывать к каким-либо действиям, высказывать свои политические воззрения во время проповеди. Должна сохраняться та грань, которая отделяет обычный гражданский интерес человека, равнодушного к тому, что происходит в его стране, от священнического служения.

Вы считаете Россию моноконфессиональной страной? Какой критерий, по Вашему мнению, позволяет различать моно- и поликонфессиональные страны? Является ли Саратовская область поликонфессиональной?

Дело в том, что я не согласен с постоянным повторением постулата о многоконфессиональности России в либеральной прессе. Россия, конечно же, страна с преобладающим большинством русского, или, как сейчас принято говорить, русскоязычного населения, исповедующего Православие. По оценкам различных статистических центров, эту группу составляют до 80% жителей. Если следовать общемировым критериям, страна с такими показателями является моноконфессиональной. Тем не

менее у нас есть исторические территории, где наблюдается несколько иная статистика: к примеру, Татария, Башкирия, Северный Кавказ, где значительная доля населения исповедует ислам. Но в общем Россию, конечно же, можно называть — и я убежден в этом — православной моноконфессиональной страной, где традиционно, исторически длительное время существуют и другие религии.

В этом плане Саратовская область демонстрирует нам модель, которая характерна для всей России: здесь мы также можем говорить о большинстве православного населения и значительном присутствии ислама, который является второй по величине конфессией в нашем регионе: в Саратовской области проживает сегодня 200–250 тысяч мусульман. Общее население нашей области составляет 2 млн. 750 тысяч человек. Исходя из этого можно судить о реальном присутствии ислама на саратовской земле и расставлять акценты.

Количество представленных на нашей территории религиозных течений может быть сколь угодно большим. В этом смысле можно говорить о поликонфессиональности области, как и всей страны. Но в то же время процентное соотношение достаточно красноречиво, потому что подавляющее большинство нашего населения все же крещено в Православной Церкви, отождествляет себя с Православием. Другое дело, что степень воцерковленности этих людей различна. Есть люди, которые являются сознательными, постоянными прихожанами: они регулярно посещают Церковь, участвуют в ее таинствах; есть люди, которые делают это реже — один, быть

может, два раза в году; есть люди, которые приходят в Церковь несколько раз в жизни. Но примерно такая же картина и в других религиозных сообществах! Нельзя же утверждать, что все 100% традиционного мусульманского населения являются постоянными посетителями мечети и исполняют все предписанные исламом обряды? Поэтому с известной долей условности мы можем все-таки говорить о моноконфессиональности России.

Ваше отношение к «карикатурным скандалам»? Под напором верующих мусульман авторы и правительства этих стран были вынуждены приносить свои извинения. В то же время неуважительные отношения к христианским святыням порой проходят незамеченным. С чем это связано и Ваше отношение к этой проблеме?

Необходимо понять, что самоощущение ислама вообще отличается от того понимания религии, к которому мы привыкли в рамках христианской цивилизации. Ислам — это система, в которой духовная жизнь не отделена от общественной и политической, где четко регламентирована роль каждого человека в мусульманской общине и в государстве в целом. Поэтому политическая деятельность, в том числе организация шумных массовых кампаний, является естественной для исламских лидеров. Для христианского мира, в силу иного отношения к жизни, подобная реакция нехарактерна. Призывы к мести для нас в любом случае — преступление и безумие.

Я так же убежден, что христиане должны защищать от поругания свои святыни, но не могу представить себе массовые акции протеста православных, выливающиеся в погромы и поджоги.

Есть ведь и еще одна сторона проблемы: я бы назвал ее политикой двойных стандартов. Прочитайте сообщения СМИ: в случае каких-либо акций протеста мусульмане «защищают свои святыни», а православные, выступающие в защиту своих ценностей (такие случаи были в Москве и Екатеринбурге) «ущемляют гражданские свободы» тех, кто их святыни оскорбил...

Но, по слову апостола, *Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6, 7).

Один из самых заметных для общества и Церкви шагов, который Вы предприняли, вступив на Саратовскую кафедру, — создание Интернет-портала «Православие и современность». Чем объясняется сегодня необходимость столь активного присутствия православных в Интернете?

В первую очередь, это исполнение благословения Святейшего Патриарха, который, обращаясь к духовенству, постоянно говорит о том, что нам — Церкви — необходимо как можно активнее вести свою проповедь в миру, используя для этого все самые современные средства, в том числе и Интернет. Присутствие в сети — это действительно уникальная возможность обратиться к постоянно растущей и наиболее активной части нашего общества: ведь по всем данным две трети пользователей Интернета — это молодые работающие люди с высшим образо-

ванием. Интернет в прямом смысле дает нам безграничные возможности для проповеди: почти 30% посетителей нашего портала — зарубежные пользователи, более 60% — из различных регионов России.

Создавая свой сайт (в течение первого года своего существования он функционировал просто как официальный сайт Саратовской епархии), мы знали только то, что он должен быть: а) интересным, б) информативным. Прежде всего мы рассчитывали на людей, которые живут в нашем регионе. Хотелось дать им возможность почти в режиме реального времени узнавать обо всех событиях, которые происходят в жизни епархии.

Но, кроме того, мы всегда осознавали, что не менее важно дать людям представление о церковной жизни вообще. Ведь современному человеку по многим причинам очень трудно прийти в Церковь. Часто его первым шагом к храму становится вопрос, заданный через Интернет. Раздел «Вопрос священнику» появился на нашем сайте одним из первых, сейчас еженедельно по электронной почте к нам поступает до трех десятков вопросов, часто от людей, которые оказались в крайне тяжелых жизненных ситуациях. Это — свидетельство того, что люди, говоря современным языком, испытывают «информационный голод»: стараясь разобраться в своей собственной жизни, они пытаются найти ответы на свои вопросы в Церкви, и мы не имеем права отнестись к ним холодно, формально.

Мы всегда старались также, чтобы на нашем сайте присутствовали аналитические материалы,

публицистика, обзоры прессы — все то, что заставляет человека думать, сравнивать и уже сознательно выбирать для себя путь воцерковления, путь православного христианина. В конечном итоге именно это помогло нам выйти за рамки епархиального сайта и провести его преобразование в информационно-аналитический портал «Православие и современность».

Какие факторы, на Ваш взгляд, затрудняют развитие информационной деятельности Церкви в Интернете? На православных сайтах наблюдается, например, дефицит качественной аналитики, в то время как в СМИ, недоброжелательно относящихся к Церкви, она присутствует.

Я не совсем согласен с таким мнением. Я, например, встречаю в Интернете достаточно много хорошей и качественной аналитики по актуальным вопросам современной церковной и общественной жизни. Первое место, конечно, занимает портал «Православие.ру», который очень активно работает в этом плане. Качественные изменения с точки зрения и стиля, и содержания произошли на официальном сайте Русской Православной Церкви «Патриархия.ру».

Однако действия наших недоброжелателей действительно иногда более заметны. На мой взгляд, причина этого только одна — мощная финансовая поддержка. Ведь не сам собой, не на пустом месте взял и открылся, скажем, «Портал Кредо»? Он возник усилиями тех политиков, которые заинтересованы в ослаблении, раздроблении, уничтожении Русской Православной Церкви, для ко-

торых нестерпимо ее влияние в обществе. Разработчики подобных порталов (кстати, их немного: в основном, встречаются одни и те же 5–8 имен) трудятся с утра до вечера только в одном направлении и получают за это немалые деньги, в то время как большинство православных сайтов — дело рук энтузиастов-бессребреников, желающих просто поделиться с людьми радостью своей веры.

Для Церкви информационная работа все-таки пока не может считаться основной. У каждой епархии, каждого прихода, монастыря, у каждой духовной школы — огромное поле деятельности. Сегодня и священники, и активные миряне, которые трудятся на церковном поприще, — это люди, которые буквально не имеют свободной минуты, делая по нескольку десятков дел одновременно. Именно такое — равнодушное — отношение к своему служению и привело к тому, что мы сегодня называем возрождением Русской Церкви.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Сейчас буквально все православные люди разбили на два лагеря — на тех, кто принимает ИНН, и тех, кто категорически от него отказывается. Доходит до того, что в одной церкви разные священники говорят совершенно противоположное: один требует от своих чад не получать не только ИНН, но даже и новые паспорта, а на следующий день другой священник в той же церкви говорит прихожанам, чтобы они не переживали, получали паспорта, ИНН и спокойно устраивались на работу...

Действительно, вопрос об ИНН в последние годы стал предметом пререканий в среде верующих людей. Однако, как неоднократно заявляло священноначалие нашей Церкви, вопрос о принятии или непринятии ИНН не относится к числу богословских: принятие или непринятие номера не влияет на самое главное — спасение души человека. Тем более нельзя считать ИНН «печатью», или, как иногда говорят, употребляя выдуманный термин, «предпечатью» антихриста.

В то же время оправданы опасения людей, не желающих быть включенными в систему тотального планетарного концлагеря, контуры которого все явственнее проступают за фасадом

современного общества потребления и индивидуальной свободы. Именно свобода, так назойливо провозглашаемая высшей ценностью на каждом углу, быстрее всего исчезает: сначала из внутренней жизни человека, порабощаемого самыми низменными страстями, а теперь и из внешней жизни общества. Тенденция к расширению контроля над всеми проявлениями человеческой жизни не может не настораживать. Здесь есть о чем дискутировать. Недаром на Западе существует мощное движение так называемых «антиглобалистов», насчитывающее не один миллион человек.

Подобное движение, как можно видеть, возникает и в нашей стране. Но, к сожалению, зачастую оно приобретает уродливые формы внутрицерковной борьбы. Находятся горячие головы, объявляющие принятие ИНН «отступлением от Бога», «потерей благодати» и т.п. Поддаются этому и некоторые священники, особенно привыкшие повелевать своей паствой. Эти люди, сами того не желая, работают на антицерковные силы, на тех самых глобалистов, для которых одним из главнейших врагов является Православная Церковь. Недаром Збигнев Бжезинский назвал в свое время Русскую Православную Церковь «главным врагом свободного мира». На протяжении последних 20 лет Церковь в нашей стране на самом деле возрождается. Но в то же время против нее ведется настоящая война, цель которой — раскол Церкви на несколько частей. Чудо Божие, что до сегодняшнего дня этого не произошло. Люди, стремящиеся к расколу или хотя бы к потрясениям в Церкви, поддерживают, а чаще

всего и инспирируют такие раздоры и разделения, как те, к которым приводит у нас борьба против глобализации.

В последние годы прибавилась и тема новых паспортов. По рассуждениям сегодняшних «ревнителю», советский паспорт с серпом и молотом лучше, благочестивее и надежнее паспорта российского. Поистине, когда Бог хочет наказать людей, Он отнимает у них разум! Мне, проводившему свое детство и молодость на Кавказе, памятли люди, в основном монахи и монахини из разогнанных в хрущевское время монастырей, которые категорически отказывались брать советские паспорта, считая их так же «печатью антихриста». Еще они никогда не брали в руки (и других убеждали не брать) советские купюры достоинством 10 и 25 рублей, поскольку на них был портрет Ленина, а пользовались только мелкими деньгами. Эти люди жили в горах и лесах, терпели лишения, их арестовывали, на них устраивали облавы, охотились на них с вертолетов. Поймав, их сажали в спецприемники и первым делом выписывали паспорт. Выйдя из приемника, эти ревнители непременно рвали полученные паспорта – нередко тут же на ступенях здания – и выбрасывали их.

Безусловно, основания не любить советскую власть у них были. Однако правильно ли они поступали? Удивительно, но теперь их духовные наследники дорожат советским паспортом, как святыней!

Между тем для миллионов русских людей, оставшихся за пределами нашей Родины, полученные российского паспорта – несбыточная мечта,

к осуществлению которой они стремятся всеми силами. И, заметим, в значительной части своей это люди православные и воцерковленные. Воистину: *Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу* (Лк. 22, 31).

В заключение могу сказать: не бойтесь! Принятие или непринятие ИНН – дело Вашей совести: если Вы его не примете (особенно если он Вам не нужен, как, например, пенсионеру), хорошо. Если примете, ничего страшного с Вами не произойдет и никакого отношения к спасению души это не имеет.

Паспорта же принимать однозначно надо. Никакого вреда в них нет. Борьбсь за наличие графы «национальность» можно, но ее отсутствие – не причина жить без паспорта.

Ни один священник не имеет права учить людей тому, что противоречит позиции Церкви, и возлагать на людей «бремена неудобноносимые». Если он не согласен с Церковью, то он не священник.

В какой форме мы должны каяться в грехе царевбийства? Должен это быть акт всенародный или лично каждого человека? Почему не благословляется ехать в село Тайнинское?

Каяться в грехе царевбийства должны были бы только те люди, кто совершил его. А мысль о том, что каяться в этом грехе должен весь народ, да причем систематически, чуть ли не раз в месяц, – мысль совершенно еретическая и никакого отношения к Православию не имеющая. К сожалению, бывает так, что люди из одной крайности бросаются в другую. После того как

царская семья была причислена к лику святых, появились отдельные группы людей, которые начали изобретать собственные толкования происшедшего, в частности производя страстотерпца императора Николая в «чин соискупителя русского народа» и так далее. В отношении подобных идей появилось даже верное определение — ересь царебожничества. К сожалению, последователи этой ереси, которые раньше собирались в селе Тайнинское, достаточно активны. О том, что «чин всенародного покаяния в грехе цареубийства» недопустим, в годы своего служения неоднократно говорил Патриарх Алексий, ныне покойный, и другие представители церковного священноначалия. Поэтому могу только повторить: на этот чин, где бы он ни проводился, ездить не благословляется.

В связи с тем что отменили чин покаяния и в связи с ИНН в некоторых епархиях возникло открытое непослушание как архиерею, так и решению Святейшего Синода. Грозит ли это расколом и как уберечься новоначальным мирским людям от личного мнения иерея?

Если мнение какого-либо иерея противоречит высказанному мнению Церкви, в данном случае мнению Собора,— значит, иерей тем самым отделяет себя от Церкви. Раз он себя от Церкви отделяет,— значит, слушать его не надо, потому что мы не чада отца Иоанна, или отца Петра, или отца Сидора, или какого-либо архиерея, а чада Церкви. Еще апостол говорил, услышав о подобных разделениях: *Разве разделился Христос? разве Павел*

распялся за вас? или во имя Павла вы крестились? (1 Кор. 1, 13). Основываясь на этом, и надо подходить к таким вопросам.

В Интернете ходит «письмо монахов со Святой Горы Афон» относительно выборов в России. Это послание достаточно жесткое и, на мой взгляд, даже противозаконное. Выскажите, пожалуйста, свое мнение.

Да, это послание ни в малейшей степени не содержит в себе духа Христова и мирного, монашеского устроения. Думаю, что оно все-таки подложное, даже если некоторые из его авторов находились на Святой Горе Афон некоторое время назад или находятся там сейчас.

Дело в том, что Святая Гора — это целый мир. И Афон неоднороден по своему составу, по образу действий, образу мыслей своих насельников. Особенно это касается наших с вами соотечественников, которые очень спешат объявить себя «афонскими старцами», пожив на Афоне год или два, как это сделал, например, небезызвестный отец Рафаил (Берестов). Я знал его, еще будучи насельником Троице-Сергиевой Лавры, как доброго и замечательного человека. К сожалению, последние лет десять он занимается активной антиглобалистской проповедью и борьбой со всеми действительно имеющими место или кажущимися нарушениями церковного Предания. Самое печальное, что он прожил на Святой Горе Афон совсем недолгое время, был изгнан оттуда, но до сих пор продолжает именовать себя афонским старцем. Мне кажется, что это, по меньшей мере, нечестно.

Святая Гора Афон имеет огромный авторитет во всем православном мире. Вот почему многие люди, пытаясь пропагандировать свои собственные взгляды и идеи, прикрываются званием святогорцев, и это явление известно достаточно давно.

Что касается письма, о котором вы спрашиваете,— это, конечно же, абсолютно политическое послание. Можно разбирать его по частям, что в нем правда, что ложь, что в нем преувеличение, а что просто плод больной фантазии или даже маниакальной мании преследования... Скорее всего, здесь перемешано все. Есть констатация действительных фактов, вроде того что наш русский народ вымирает. Но от того, что мы будем рассылать по Интернету пугающие обращения, мало что изменится: скажем, в деревне как пили, так и будут пить, пока не появятся люди, которые придут в эту деревню для того, чтобы там жить и помочь ее жителям вернуться ко Христу. Что, кстати, и делает духовенство Русской Православной Церкви, в отличие от этих, как они себя называют, «простых карульских монахов».

Каруля — это пустынная местность, где селятся, кроме настоящих подвижников, еще и те, кто не умеет или не желает жить в послушании. В конце 1980-х годов в Белграде я общался с тогда еще архимандритом Афанасием (Евтичем). Перед тем я впервые побывал на Афоне и был в совершенном восторге от него. Отец Афанасий рассказал мне об одном карульском иеромонахе, находившемся в прелести. Прельщенные монахи на Афоне совсем не редкость, особенно среди

одиночных отшельников, которые живут в карульских пещерах, в расселинах скал. Этот монах не признавал ни Вселенского Патриарха, ни прочей иерархии и в конце концов пришел к выводу, что он остался последним православным клириком во вселенной и в его келье совершается единственная в мире православная Литургия. Однажды некий голос сообщил ему, что в такой-то день будет конец света. Он отслужил, как он сам считал, последнюю Литургию на земле, собрал антиминс и сосуды и выбросил в море со скалы, потому что «больше они уже не понадобятся, все кончилось». Но конец света, как вы понимаете, не настал...

Отец Афанасий рассказал эту историю для того, чтобы избавить меня от крайностей в восприятии афонской действительности. Люди, подобные этому прельщенному монаху, были, есть и, к сожалению, будут еще на Святой Горе. И я привожу его рассказ вовсе не для того, чтобы опорочить Афон, который и для меня тоже является высочайшим авторитетом. А просто для того, чтобы объяснить: очень разные люди могут называть себя святогорцами, а нам, читателям, думать, что все, что опубликовано с подобной подписью, истина в последней инстанции, ни в коем случае не надо.

Возвращаюсь к обращению, о котором идет речь: это, конечно же, политика, и очень жесткая. Полагаю, что весь этот текст или его основные положения были написаны вовсе не на Афоне, и не монахами, а политтехнологами. Те, кто этим занимается, недовольны возрождением Русской Православной Церкви, желают ее уничтожения путем раскола, и они уже поняли одну

вещь: расколы «слева» — так получилось исторически — у нас не очень приживаются. А вот расколы «справа» для борьбы с Церковью весьма перспективны. И примеров тому масса: и старообрядческий раскол, и всякого рода современные организации, называющие себя «истинно православными», всегда ругающиеся между собой и, словно на аптечных весах, в Интернете меряющие «дозы Православия» у себя и своих оппонентов...

Я думаю, всем нам следует знать, что такая деятельность ведется, и к подобным текстам относиться соответствующе — как к работе политтехнологов. Голосом Церкви, голосом Православия подобные политические воззвания ни в коем случае не являются.

Считаете ли Вы количество и доступность епископов для мирян нормой на текущий момент времени?

Нет, не считаю. Полагаю, что и епархий, и правящих архиереев в Церкви должно быть гораздо больше. Могу привести такой пример: в Греции, все население которой меньше населения города Москвы, около 70 епархий и 70 епископов. Так сложилось исторически. И у нас, в нашей огромной стране — тоже 70 епархий, 87 архиереев (из них 70 епархиальных и 17 викарных). Думаю, что в этом источник многих проблем Русской Церкви организационно-управленческого характера: у нас слишком большие епархии и слишком мало архиереев.

Однако нельзя не заметить и того, что сегодня в нашей Церкви епархий гораздо больше, чем было 10–15 лет назад. В советские годы вся Сибирь, все

пространство за Уралом представляло собой одну епархию... Саратовская кафедра была объединена с Волгоградской, а некоторое время, в послевоенные годы, — еще и с Астраханской. Сегодня все это — отдельные епархии.

Дело в том, что церковную организацию нельзя увеличить одновременно до невообразимых размеров. Всему свое время; этот процесс идет, и он будет продолжаться. Открываются новые храмы, новые приходы, в духовных школах воспитывается новое поколение духовенства. Могут и должны учреждаться новые епархии, будут рукополагаться викарные епископы в уже существующих больших епархиях. Поэтому со временем, полагаю, проблема будет решена.

Как Вы относитесь к «обращению епископа Диомида»? Те события, которые там изложены, действительно имеют место быть или нет?

Я не считаю возможным обсуждать то, что я знаю об этом монахе. Скорее всего, его просто нельзя было рукополагать. Но что делать: кадровые ошибки бывают везде.

Документ, известный как «обращение епископа Диомида», был составлен, по-видимому, несколькими авторами. По крайней мере, господа М. Назаров и К. Душенов, которые уже неоднократно выступали организаторами различных провокаций, направленных против Русской Православной Церкви, не отрицали своей причастности к раздуванию этого конфликта.

По прочтении же этого документа складывается ощущение, что его авторы долгое время жили в каком-то замкнутом, безвоздушном

пространстве, ничего не зная о тех дискуссиях, которые велись в нашей Церкви на протяжении двух десятилетий ее свободного бытия. Все те проблемы, которые поставлены в «обращении», широко обсуждались последние годы. Другой вопрос — к желательным или нежелательным для этих авторов выводам пришла Церковь в результате этих дискуссий.

Поэтому со стороны теперь уже бывшего епископа Чукотского и Анадырского обращаться ко всей полноте Церкви, к архипастырям, пастырям и мирянам было неправильным: у него нет таких полномочий — это полномочия Патриарха, Священного Синода или Собора. Но еще более неправильным было делать вид «единственного ревнителя» за чистоту Православия.

В «обращении» высказан ряд обвинений против Церкви и ее священноначалия. Они уже широко обсуждались в печати и Интернете, и я абсолютно согласен с теми, кто выражает удивление надуманности поднятых «проблем». Так, тема экуменизма уже настолько маргинализирована в нашей церковной жизни, что это явление сейчас не представляет особой опасности для Церкви. Что касается ИНН, то тут совершенно перепутаны политика и богословие. Отношение к ИНН в нашей Церкви выработано соборно, оно совершенно определенно отражено в документах Архиерейских Соборов и Священного Синода, и нам, как членам Церкви, следует проявлять к ним послушание. Массонство, мировое правительство и прочее — все это перемешано в «обращении» в такую кашу,

что становится неудобно: если такой текст выходит из-под пера человека, получившего высшее богословское образование, он просто должен сдать свой диплом.

Опасность «обращения» совсем в другом: муссирование уже «мертвых» тем, раздувание скандалов приводит к тому, что за этими фантомами многие люди не видят гораздо более серьезных опасностей для веры, для христианства, для Церкви, которые существуют сегодня.

Единственное, пожалуй, на что стоит еще раз обратить внимание, — это вопрос о так называемом Поместном Соборе. Дело в том, что Поместные Соборы в нашей Церкви происходили и происходят. Однако ни богословие, ни история Церкви не знают понятия «Поместный Собор» с тем смыслом, который вкладывают в него наши «ревнители» (что-то вроде съезда с выборами делегатов из народа). Поместный Собор — это собор архиереев Поместной Церкви, и такие соборы у нас проходят раз в 4 года. Такими были и все Поместные Соборы древности (и этого не может не знать правящий архиерей!). Так называемый Поместный Собор, который состоялся в России в августе 1917 — сентябре 1918 годов, и те, что прошли в Балканских странах после их освобождения от турецкого ига, были, скорее, неким всесловным представительством, задачей которого было установление порядка жизни Церкви и государства в целом. Такие собрания можно было назвать, скорее, церковно-народными, и они созывались в исключительных для страны обстоятельствах.

В издательстве Саратовской епархии опубликована брошюра преподавателя МДАиС и ПСТБУ Ю. Максимова «Богословский ответ на «Письмо епископа Диомида»». Я думаю, в ней дан вполне аргументированный ответ на основные положения «обращения».

В настоящее время есть множество разных изданий, журналов и газет, ставящих себя как бы за гранью «официальной Церкви», пытаюсь всех убедить в том, что Русская Церковь, и в особенности клир, это «совет нечестивых». В них есть многие очень верные мысли о том, что Церкви необходима соборность и следование канонам. Так, например, ни для кого не секрет, что в отдельных епархиях процветает явление, известное как симония. Также вызывают недоумение ситуации, когда если община отказывается от ИНН, к ней начинают относиться как к раскольнической. Возможно, в этих оппозиционных изданиях все же есть что-то, к чему нам, православным, следовало бы отнестись повнимательнее?

Действительно, в настоящее время существует множество разных изданий, которые не просто находятся, по Вашему выражению, за гранью «официальной Церкви», но которые являются по сути глубоко враждебными Церкви. А как Вы знаете, на протяжении всей человеческой истории враждебные (какому-либо явлению) силы далеко не всегда свою вражду проявляют открыто. Очень часто — а в наше лукавое время чаще, чем когда бы то ни было — борьба ведется под прикрытием благовидных

стремлений «улучшить», вернуться к «чистоте», «подлинности» христианства и Церкви. Особенно часто сегодня мы видим попытки противопоставить клир — иерархии, иерархию и клир — мирянам, Церковь — государству и обществу, общество — Церкви и так далее. Враг следует своему излюбленному древнему принципу — «разделяй и властвуй». Поэтому, к сожалению, сейчас можно встретить достаточно много разного рода изданий, которые, лицемерно заботясь о «чистоте церковных риз», на самом деле по ненависти к Церкви стремятся разрушить Церковь, внести раскол в ее жизнь.

Во все времена в такой борьбе используются не только выдуманные, но и действительно имеющиеся проблемы. Церковь — это живой организм. Поэтому в Церкви, которая является не только Телом Христовым, но и сообществом людей, имеются все те недостатки, которые характерны для человечества в целом и для каждого человека в отдельности. Ведь общество сегодня крайне больно и у нас в стране, и во всем мире. И человек, приходящий сегодня в Церковь из этого общества, несет на себе глубокие раны от этих болезней и своего собственного греховного прошлого, причем с каждым годом этот процесс только усугубляется.

Поэтому проблемы в церковной жизни есть, но их не так много, как пытаются это представить издания, о которых Вы говорите. Полуправда здесь смешивается с ложью, печатаются некие правдоподобные слухи, которые имеют зачастую и своих «творцов». Затем эти слухи, перепечатанные уже несколькими подобными изданиями,

выдаются за объективную истину, на них ссылаются, и начинают «гулять» выражения такие, как в Вашем письме: «Ни для кого не секрет, что в отдельных епархиях процветает явление, известное как симония». А где доказательства? Для меня, например, это совершенно не очевидно. Наверняка есть недостатки везде: в каждой епархии, в каждом приходе они свои, но делать такие заявления совершенно неправильно — для человека думающего, по крайней мере. Нельзя бросаться такими словами, иначе мы просто переносим в церковную жизнь правила политической борьбы «всех со всеми», которая сейчас процветает в миру.

Что касается мнения о том, что Церкви необходима соборность и следование древним канонам, — все это гораздо сложнее, чем видится на первый взгляд. Если мы попытаемся сейчас исполнять эти каноны полностью, начиная с тех, которые касаются личной жизни христиан, и заканчивая теми, которые определяют устройство Церкви, то у нас возникнет множество вопросов, которые на современном уровне нашей церковной жизни решить просто невозможно.

Например, в древних канонах есть положение о выборности клира. Но в тех же канонах есть и упоминание о том, что человек, который два воскресенья подряд не присутствовал на Божественной литургии и не причащался, отлучается от Церкви. Скажите, пожалуйста, если мы с таким критерием подойдем к любому сегодняшнему приходу, много ли останется у нас людей, которые будут иметь право по тем же кано-

нам участвовать в выборах священнослужителей? Есть грехи, за которые, согласно канонам, предполагается отлучение от Церкви на всю жизнь, разрешается Причастие только на смертном одре. Но сегодня мы живем в мире, в котором практически утрачено понятие греха: грех считается нормой, и когда взрослый человек приходит в Церковь, переболев всеми возможными в этом мире болезнями, разве можно его сразу же отлучать от нее? Я привожу эти примеры только для того, чтобы показать, насколько непростыми бывают ситуации, которые при поверхностном к ним отношении кажутся абсолютно очевидными и явными.

Что касается церковных прещений, применяемых к тем, кто противится присвоению ИНН, то вполне можно объяснить, чем они вызваны. Люди, которые организуют шумные кампании против этих номеров, не просто не принимают их в своей личной жизни, отказываются от них. Дело в том, что они требуют такого же отношения от всех, в том числе и от только обратившихся к Церкви — от тех, кто совершенно еще ничего не понимает ни в церковном учении, ни в богословии, ни в истории, ни в догматическом учении Церкви. Они — я подчеркиваю это — требуют жертв и «подвигов» во имя борьбы с ИНН от неуверенных, неокрепших душ, утверждая, что это и есть церковное учение в чистом виде, то есть они выступают от имени Церкви, выдвигая требования, которые сама Церковь не выдвигает и не разделяет. Поэтому прещения в подобных случаях не просто оправданны — обязательны. Церковь не имеет права позволять людям, проповедующим не ее учение,

а их собственное, самоизмышленное, прикрываться именем Церкви.

К изданиям, о которых Вы спрашиваете, я отношусь отрицательно, считаю, что они приносят большой вред. Что касается Вашей мысли, что в них «все же что-то есть», — повторю, что все их обличения основаны на полуправде, перемешанной с ложью и клеветой: действительные недостатки, случаи человеческих грехов, падений выискиваются, злорадно вытаскиваются на свет, на их основе делаются излишне широкие обобщения — вот общий рецепт материалов для таких изданий.

Нам же, христианам, следует помнить, что истинное христианство основано на Евангелии, на поучениях святых отцов, которые евангельские заповеди исполнили на деле. Святой равноапостольный император Константин сказал однажды: даже если я увижу своими глазами монаха, согрешающего с женщиной на площади, то я прикрою его своим плащом. Известно и поучение преподобного Пимена Великого: «Когда мы покроем падение своего брата, и Бог покроет наше падение; а когда обнаруживаем грех брата, и Бог обнаруживает наш грех». И в этих поучениях не беспринципность, но глубокая мудрость, понимающая, что, действительно, борьба с грехом необходима, но прежде всего — с грехом в самом себе, и не следует соблазнять других людей, разжигая в них страсти осуждения, ненависти и вражды, не менее разрушительные для человека, чем любые другие.

Вопреки многократным призывам Святейшего Патриарха о необходимости проведения

катехизации и религиозного образования в храмах, во многих храмах Крещение входящих взрослых людей проводится практически без подготовки к этому святому таинству. Крестят даже тех, кто открыто не желает обучаться и даже слушать священника, пытающегося провести предварительную духовную беседу с ними. Возможно ли исправление данной ситуации?

Да, действительно, о необходимости разъяснения основ веры, смысла таинства Крещения желающим креститься постоянно напоминал духовенству и Святейший Патриарх Алексий II, ныне покойный; и сегодня Святейший Патриарх Кирилл призывает совершать Крещение взрослых людей только после оглашения, или катехизации. Думаю, что каждый архиерей в своей деятельности неоднократно обращался к духовенству с такими призывами. В частности, и я говорю об этом на каждом епархиальном собрании, в индивидуальных беседах с духовенством, с настоятелями храмов. Однако, к сожалению, добиться большого прогресса пока не удастся, и не только в Саратовской епархии, хотя определенные результаты есть. Становится все больше храмов — и нашей епархии, и во всей России, — где священнослужители обязательно стараются познакомить человека с основами христианской веры прежде, чем его крестить. Но действительно бывает и так, что люди категорически отказываются перед Крещением побеседовать со священником или изобретают какие-то отговорки для того, чтобы не следовать его советам.

Не секрет, что современный человек ко всему относится потребительски. У людей, пока еще не воцерковленных, подобное потребительское отношение распространяется и на Церковь. Очень многие приходят в Церковь как в «духовный супермаркет», чтобы получить там, как они это понимают, некую услугу. И когда, как им кажется, священник начинает «предъявлять к ним какие-то требования», они возмущаются и стараются всеми возможными путями эти требования обойти.

Можно было бы, Вы скажете, просто отказать этим людям и закрыть перед ними двери Церкви. Но здесь есть две проблемы. Кто знает, как подействует на человека этот отказ: не будет ли он воспринят как оскорбление (а чаще всего именно так и бывает), и, может быть, потом человек никогда уже не переступит порог храма? И второе: если люди поставили перед собой такую задачу — креститься, даже не вполне осознавая зачем, они просто будут искать такого священника, который выполнит их требование, но неизвестно при этом, кого они найдут: бывали случаи, что на дому «совершали таинства» священнослужители, запрещенные в служении; бывает, что за священнослужителей выдают себя и откровенные мошенники. Поэтому, когда батюшки в храмах все-таки совершают Крещение тех, кто не хочет их слушать, думаю, они идут на это, как бы выбирая «меньшее зло».

Много шума наделала история с пензенскими затворниками. В чем причина того, что эти

несколько десятков людей в поиске веры пошли за душевнобольным человеком? Правильно ли называть этих людей сектантами?

Главная причина — в отсутствии нормального религиозного просвещения, когда за православное христианство принимается чудовищный конгломерат из апокалиптических страхов, неприятия каких-то сторон современной жизни, разочарованности в самих себе, а порой и просто психического нездоровья. Кроме того, во все времена в народе существовали различные антигосударственные течения. И до революции некоторые старообрядческие согласия отказывались от паспортов Российской империи. В XX веке подобные страхи испытывались перед (последовательно) тракторами, «лампочками Ильича», переписью населения, выдачей паспортов, тогда еще советских, и т.п. Случившийся в конце XX — начале XXI столетия в нашей стране перелом был слишком масштабным и затронул судьбы очень многих людей, и кто-то, не выдержав его последствий, сломался. Со всеми этими явлениями лучше всего борется время. Но необходимо и просвещение, которое Церковь считает одной из главных своих задач.

В Интернете опубликован перевод Библии на современный русский язык В.Н. Кузнецовой. Как относится к таким переводам Русская Православная Церковь?

Церковь отрицательно относится к переводам В.Н. Кузнецовой, потому что видит в них попытку не просто упростить тексты Священного

Писания, а их вульгаризировать. Может быть, эта попытка была предпринята с благими намерениями (сделать Писание более понятным для современного человека, как считают «переводчики»), но ее результаты нельзя назвать добрыми.

В свое время подобными вещами пытался заниматься Лев Толстой. Вот как звучит в его изложении притча о блудном сыне (см.: Лк. 15, 11–32): «И стал он голодать... В охотку ему было и желудки есть, те, что свиньи лопали». А вот как — притча о судье и вдове (см.: Лк. 18, 2–5): «...Я хоть и не боюсь Бога и на людей не смотрю, а чтоб не было мне докуки от этой вдовы, рассужу ее по правде, чтобы она из себя не вышла и мне не выцарапала глаза».

Примерно то же самое мы видим и у Кузнецовой. Апостольские Послания (под таким названием известна эта часть Нового Завета во всем славянском мире) она называет «письмами». Разве от этого что-то становится понятнее?

По-моему, это какая-то странная «похоть опрошенчества» — трудно найти другое название для подобного явления. В его основе — очень характерная рефлексия отечественной интеллигенции, которая считает, что, общаясь с народом, надо как-то по-особому опрощаться, а на самом деле испытывает неверие, недоверие и, по сути дела, презрение к собственному народу. Народ между тем прекрасно понимает возвышенную речь Священного Писания!

Никто не говорит, что тема улучшения существующего Синодального перевода Библии закрыта навсегда. Но это улучшение ни в коем

случае не должно происходить за счет стилистического снижения текста.

Почему при чтении Евангелия на Божественной литургии иерей поворачивается лицом к алтарю, а не к народу, ведь он читает Святое Писание для людей, а не для Бога?

Чтение Священного Писания в алтаре — очень древний обычай, дошедший до нас с тех времен, когда только еще определялся Устав богослужения. Действительно, священник не только при чтении Евангелия, но и при совершении священнодействий стоит спиной к молящимся. Это свидетельство того, что он предстоит пред Богом: народ находится за ним. Это образ библейский — образ пастыря, пастуха, который, как известно, идет впереди своих овец — своего стада, ведя его за собой. На практике это проявляется так: священник возглавляет богослужение, от лица людей возносит молитвы к Богу, и, конечно же, он обращен туда, куда обращен народ.

Однако с точки зрения практической Ваш вопрос имеет под собой основу, потому что при чтении Евангелия в алтаре в больших храмах иногда не все слышат слово Божие. Вот почему при службах архиерейских (а архиерейская служба с древнейших времен совершается в крупных храмах, соборах) Евангелие износится из алтаря на середину церкви. И если Вы бывали на такой службе, Вы, наверное, заметили, что протодиакон читает Евангелие на той же самой кафедре, на которой стоит архиерей, — в центре, среди народа, но опять же обратившись к святому престолу. Лишь

однажды в году Евангелие читается лицом к народу: на Пасхальной литургии, когда из алтаря, как бы из дверей Гроба, благовестуется о том, что Христос воскрес.

Если проблема в том, что молящимся плохо слышно и не все могут следить за чтением, можно найти простой выход: при современных технических средствах в храмах устанавливается акустическая аппаратура, и даже когда Евангелие читается в алтаре, то его слышно всем.

Кстати, католики после второго Ватиканского Собора, который принял массу решений о литургических реформах, «повернули» священника лицом к народу. До сих пор в старинных католических храмах Европы можно увидеть такую картину: древний престол, который стоит на своем месте в алтарной апсиде, забыт и заброшен. И есть небольшой столик, — как правило, он стоит посреди храма, иногда даже в проходе между скамьями. На нем священник совершает все службы, повернувшись лицом к народу. Хотя в свое время было очень много сторонников этого нововведения, оно не улучшило восприятие богослужения молящимися, более того: в очень многих католических приходах Европы люди призывают духовенство вернуться к старой практике, которая сохранилась сегодня в Православной Церкви. Так что не случайно наша Церковь сохраняет эту древнюю традицию: она осмысленна и соответствует содержанию евангельской проповеди.

МОНАШЕСТВО, ПАСТЫРСТВО

Все ли высшие иерархи Русской Православной Церкви являются монахами или они могут иметь семью? Не является ли монашество неким институтом, закончив который православные священнослужители могут продолжать расти по карьерной лестнице? Или, наоборот, монах — это высшая стадия служения, к которой приходят после долгих раздумий и духовной подготовки? Может ли священник иметь семью, до какого момента в карьере это может быть? Может ли монах перестать быть монахом, вернуться в мирскую жизнь, служить Церкви, но иметь семью? Пожалуйста, помогите нам получить правильную информацию.

Человек может принять монашество только по одной причине — по желанию посвятить всю свою жизнь без остатка служению Богу. Именно поэтому, по давно установившейся традиции, иерархи Русской Православной Церкви избираются из монашествующего духовенства: епископское служение — великий крест, оно требует от человека полного самоотречения.

Одним словом, монашество — это следование за Христом, и важнейший образ такого служения дан нам в Евангелии: *Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но*

чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мф. 20, 28). При таком отношении к служению понятие «духовная карьера» невозможно, в Церкви его не существует. Однако в миру часто можно встретить подобное искаженное представление о церковной жизни просто потому, что, не имея понятия о христианстве, о его принципиальной инаковости, люди, далекие от Церкви, пытаются судить о ней со своих привычных позиций.

Священнослужители Русской Православной Церкви делятся на так называемое «белое» и «черное» духовенство. «Белое» духовенство — это женатые священнослужители, «черное» — монашествующие. Человек, желающий принять священный сан, обязан сделать выбор до рукоположения: или вступить в брак, или принять монашеский постриг. Для «белого» духовенства, по канонам Церкви, обязательно единобрачие. История знает несколько случаев, когда «белые» священники, овдовев, принимали монашество и становились епископами.

Монашеские обеты приносятся однажды и на всю жизнь. Оставление монашества — всегда шаг исключительно болезненный и губительный. Человек, оставляющий монашество, нарушает обет, данный Самому Богу, и, как клятвopеcтупник, он лишается церковного общения, не может участвовать в таинствах, а значит, и вступить в церковный брак. В древности монахов, ушедших из монастыря, хоронили за оградой кладбища, как самоубийц.

Применимо ли понятие «карьерa» в церковной среде?

Не могу говорить за всех, — возможно, действительно есть люди, которые руководствуются карьерными соображениями, но скажу так: количество монахов, достигших высоких должностей, настолько мало, что я с трудом представляю себе человека, который бы принял монашество только потому, что мечтает достичь каких-то высоких постов — стать настоятелем монастыря, архиереем. Слишком мала вероятность. Образно говоря, на несколько десятков тысяч монахов «открывается вакансий» несколько десятков. И потом, я думаю, что любой человек, который пришел в Церковь, все-таки искренне пришел к Богу и не ставит перед собой утилитарных задач. Конечно, есть исключения, я не хочу приукрашивать действительность, но церковное служение очень трудное, сложное. Про себя могу честно сказать: я совершенно не хотел стать архиереем, у меня не было такого стремления никогда, тем более что чем глубже входит человек в церковный мир, тем лучше он понимает, какая огромная ответственность — архиерейское служение, насколько оно выше человеческих сил. И это не просто расхожие слова — это действительно так. Так что, уверен, в большинстве своем монашествующие не страдают болезнью карьеризма.

Почему Вы так боретесь за открытие новых храмов?

Если в большом населенном пункте всего один или два храма, священник неизбежно утопает

в требах: покрестить, отпеть, молебен отслужить. Община при таких условиях сложиться не может: у священника не остается ни духовных, ни нравственных, ни физических сил на что-то еще. Я считаю, что норма на приход — сто человек, по праздникам — двести. Тогда священник будет знать всех своих прихожан: кто к нему пришел, как он живет. Именно тогда и появляется смысл в обращении к священнику — «отец». Священник обязан быть отцом для людей, и прихожане должны в нем видеть отца. Как можно быть отцом, когда у тебя в храме на службе восемьсот человек и ты даже поздороваться со всеми не успеваешь? К тому же подобная ситуация мешает многим людям прийти в храм по-настоящему.

Многих мирян чрезвычайно интересует явление старчества. Какие проблемы с этим связаны?

Наверное, это специфически отечественная проблема. Старец — это, собственно говоря, монастырский духовник, а монастырь — место, как правило, удаленное от жительства других людей. Синонимы слова «монастырь» в нашем языке вполне характерны — «пустынь», «скит». В России в XIX веке, в период расцвета монашества и старчества, монастыри стали центрами духовной жизни, и туда совершало паломничество множество обычных людей, которые стремились исповедоваться и посоветоваться со старцем. Так постепенно старцы стали и духовными руководителями мирян.

Старец в то время был монахом, всю жизнь прожившим в монастыре, опытно наученным монашеству. У него были наставники, от которых

он воспринимал традиции духовной жизни, духовного руководства. Он проходил все ступени монашества, прежде чем по благословию священноначалия самому стать наставником, духовником, старцем.

Старцы были и в советское время и на приходах, и в тех немногих монастырях, которые действовали, — и люди ехали к ним издалека. Это и прославленный ныне в лике святых преподобный Севастиан Карагадинский, и архимандриты Иоанн (Крестьянкин), Серафим (Тяпочкин), Кирилл (Павлов), которого я знаю лично, так как он был в Лавре духовником.

К сожалению, сегодня происходит не так. Со времени массового возрождения монастырей прошло совсем не так уж много времени, чтобы в них появились настоящие старцы. Как в свое время архимандрит Кирилл (Павлов) на вопрос, есть ли в наше время старцы, ответил: «Старцы — не знаю. Старики — есть»¹⁶. С другой стороны, сегодняшние миряне, которые так же не росли в церковной традиции, но начитались разных хороших книг, ищут руководства, ищут старцев, но при этом иной раз наполняют слово «старец» каким-то нелепым содержанием. Ищут на самом деле некоего чудотворца, который, только взглянув на пришедшего, должен сразу понять всю его жизнь и решить все его проблемы, Это, конечно, неправильно.

В том, что есть «повышенный спрос» на старцев, видимо, виновата еще и такая наша национальная классическая особенность — недоверие официальным институтам.

¹⁶ О духовничестве. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001.— С. 136.

Почему происходят переводы священников из храма в храм?

Переводы священнослужителей из храма в храм происходят по практической необходимости: открытие новых приходов, увеличение штатов уже действующих храмов. Кроме того, как Вам известно, люди отличаются друг от друга по своим деловым качествам: кто-то не справляется в должной мере со своими обязанностями. При наличии разных причин принцип всегда один – польза Церкви.

Как быть, если священники разъезжают на иномарках, даже в деревнях? Мне, например, становится уже не по себе, и подойти к такому священнику неудобно...

Наличие или отсутствие машины не повод судить о человеке, тем более священнике. Для священника сегодня машина, и иномарка в том числе, – это зачастую необходимость, потому что он должен быть готовым в любое время дня и ночи ехать к тем, кому необходим священник: к больным, умирающим... До революции духовенство тоже старалось обязательно иметь какой-то транспорт. Например, святой праведный Иоанн Кронштадтский имел собственный выезд, очень неплохой по тем временам, – и разве можно было в этом упрекать? Ведь иначе батюшка просто не мог бы посетить столько людей, сделать столько дел, сколько он успевал за день. Хотя упрекали...

И в те времена, до революции, были люди, которые воспринимали выезд у городского священника или телегу с лошастью у сельского как

символ достатка и относились к этому с ненавистью. Есть люди, которые не переносят чужого благополучия, злятся, если имущественное состояние другого человека хоть немного отличается от их собственного. Это чувство неправильное, совершенно нехристианское, и его следует избегать, в какие бы формы оно ни маскировалось.

Так что если священник приобретает автомобиль для того, чтобы он был ему подспорьем в исполнении пастырского долга, я не вижу в этом ничего плохого. Что касается иномарок, сегодня иномарка не редкость, скорее, наоборот: простые иномарки зачастую даже дешевле и экономичнее в использовании, чем многие отечественные машины. Поэтому я думаю, что отношение, высказанное в Вашем вопросе, – неправильное.

Почему нельзя получить благословение у батюшки, когда в храме служит архиерей? Есть ли какое-то апостольское правило насчет этого? Ведь Спаситель сказал: «Пусть тот, кто хочет стать главным среди вас, будет вам слугой».

В Церкви есть иерархия, и в присутствии архиерея священник не благословляет вот по какой причине: священник исполняет служение, которое ему поручено, не в силу своего сана, а в силу того, что это право как бы делегирует ему архиерей. Говоря современным языком, когда источник полномочий священника находится рядом с ним, его полномочия упраздняются. Поэтому если архиерей служит

в храме, то именно он совершает таинство Евхаристии и прочие священнодействия. Это происходит в полном соответствии с каноническими правилами, которые определяют обязанности и полномочия епископов и клира. Каноны же Церкви выработаны соборно и установлены во исполнение слов Спасителя, а не для противоречия им.

Разъясните, пожалуйста, почему мужчине нельзя сначала принять священный сан, а потом жениться? Почему, если он не женился до рукоположения, этого потом делать нельзя? Это традиция или этому есть каноническое основание?

Согласно 45 правилу Карфагенского Собора, пресвитер поставляется «не прежде, как сделает всех, находящихся в доме его, православными», то есть, по канонам Церкви, опыт семейной жизни священника — это как бы репетиция его руководства приходом.

Сегодня, к сожалению, «нужды ради» обходятся некоторые канонические правила. Это плохо, но при катастрофической нехватке духовенства мы вынуждены рукополагать молодых людей, которые женились за год, за два до хиротонии в лучшем случае. А в принципе должно быть по-другому: человек взрослеет, создает семью, строит правильные христианские отношения со своей супругой, воспитывает в вере своих детей... И этот опыт, в том числе и в семейной жизни, возрастание в этом опыте являются как бы предшествующей ступенькой для дальнейшего служения уже

большой семье — Церкви. Состоявшись в семье — «малой Церкви», человек допускается и к священническому служению. Поэтому, по древней традиции, мы и называем священника отцом: он относится ко всем, кто составляет его паству, как к своим собственным детям.

Поэтому плохо, что сейчас мы рукополагаем и называем отцами совсем молодых людей. Остается только надеяться, что со временем, когда наша церковная жизнь нормализуется (а мы на это надеемся и в это верим), мы постепенно будем возвращаться и к тому, чтобы наполнять смыслом полузабытые уже канонические основания.

- 1. Может ли девушка, по незнанию, по глупости своей совершившая аборт, но уже сильно раскаявшаяся, когда-нибудь стать женой священника? Если я собираюсь принять сан, должен ли я расстаться с этой девушкой?**
- 2. Возможен ли брак между девушкой, бывшей замужем и будущим священнослужителем?**
- 3. Я учусь на теолога. Не женат, но не сохранил чистоты. Могу ли я стать священником? Говорят, что решать должен архиерей.**

Я могу ответить только одно: есть церковные правила — каноны, который четко определяют не только требования к будущему священнику, кандидату на рукоположение, но и требования к его будущей супруге, и они абсолютно однозначны: они должны быть девственниками. Девушка, желающая стать супругой священника, не только не может быть второбрачной или

совершившей аборт до брака, но у нее не должно быть опыта интимных отношений с кем бы то ни было.

Что же касается конкретных ситуаций, всегда очень трудно давать ответы на такие вопросы по одной простой причине: многие люди, будучи неверующими, совершают непоправимые ошибки, а потом приходят к Богу. Можно ли, после того как они начали новую жизнь, все грехи, бывшие до их воцерковления, считать «яко не бывшими»? Наверное, в отношении ставленника в каждом отдельном случае это должен решать архиерей той епархии, где он планирует рукополагаться: у архиерея есть такое право.

Бывает, что решение дается крайне непросто. Современный человек живет в мире, в котором трудно сохранить чистоту. Этот мир сегодня примерно такой же, каким был во время пришествия Христа на землю, — языческий. В нем господствует идеология потребления и гедонизма. Огромное количество молодых людей приобретает сексуальный опыт в самом юном возрасте, когда они не задумываются ни о существовании Бога, ни о каких-то других серьезных вопросах, в том числе о том, смогут ли они потом создать полноценную семью. А опыт показывает, что это как раз практически невозможно, чему свидетельство — огромное количество разводов, совершающихся на наших глазах. И вот бывает так, что эти люди, будучи призываемы Господом, приходят в Церковь, переосмысливают свою жизнь, каются, начинают воцерковляться. Для них открывается

новый, совершенно особый, глубокий мир веры и церковной жизни. У кого-то из этих людей возникает мысль посвятить себя священнослужению. Но вот беда: есть каноны, запрещающие рукополагать людей, в жизни которых были определенного рода падения...

Но если мы живем в мире языческом, может, стоило бы отнестись к этим людям так, как в первые века христианства, когда в священный сан возводили новообращенных язычников? Ведь когда апостолы, как сказано в книге Деяний апостольских, ходили по городам Римской империи, проповедовали Христа и при этом создавали общины и рукополагали кого-то во диаконы и пресвитеры, — конечно, они не проводили канонических исследований: самих канонов еще не существовало. Никто не задавал вопросов о подробностях жизни людей до того, как они уверовали в Бога. Часто цитируют слова апостола: *Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодее, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–10). Но, цитируя, порой опускают другую половину этого апостольского высказывания: *И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6, 11).

Казалось бы, можно применить этот исторический прецедент к сегодняшнему времени. Но вот проблема: сегодня практически все крестят своих детей, не задумываясь об ответственности. И вот получается, что человек, пришедший

в Церковь практически из язычества, совершавший поступки, достойные язычника, был при этом по факту Крещения православным христианином!

Виноваты в такой ситуации многие. Я не снимаю вины и с духовенства. Мы крестим детей по вере их родителей — это древний церковный обычай, который ведет свое начало с апостольских времен. Но получается, что зачастую мы крестим младенцев, родители которых не знают и знать ничего не хотят о вере. Никто не задумывается о том, что, покрестив ребенка, он берет на себя обязательство по его христианскому воспитанию. А в результате получается проблема, о которой мы говорим...

Поэтому, если человек до своего воцерковления был крещен, мы не можем проявлять к нему полное снисхождение и вменить как не бывшие те грехи, которые он совершил до своего прихода в Церковь.

Мне кажется, что во мне есть священническое призвание. Однако проверить, так ли это, не могу. Что бы Вы могли посоветовать?

В первую очередь человеку, желающему стать священником, надо спросить самого себя, выяснить очень простые вещи: как долго он ходит в церковь, исповедуется ли он, причащается ли, соблюдает ли он посты, исполняет ли домашнее правило? Важна ли для него церковная жизнь, старается ли он жить по заповедям Христовым? Если человек может честно сказать: да, уже долгое время я действительно человек церковный, стараюсь исполнять заповеди, хочу стать священником, — значит, надо поступать в семинарию. За пять лет

учебы в духовной школе (а чаще всего это время бывает очень напряженным) человек сможет понять, готов ли он к священническому служению, его ли это путь или не его.

И конечно, для поступления в семинарию обязательно нужна рекомендация духовника — священника, который знает внутреннюю жизнь претендента на священство, потому что этот человек исповедовался у него регулярно на протяжении ряда лет.

Расскажите, пожалуйста, о благословении на иночество. Обязательно ли быть послушником? Можно ли россиянину принять постриг за границей и остаться там в монастыре, не имея подданства этого государства?

Для того чтобы стать монахом, обязательно надо быть послушником. Во всех православных монастырях, в любой стране человек, желающий принять монашество, приходит к настоятелю монастыря, говорит ему об этом. После некоторого испытательного срока он принимается в состав братии послушником. С этого момента до пострига может пройти от нескольких месяцев до нескольких лет или даже нескольких десятков лет. Никаких определенных сроков не существует: все зависит от человека, его характера, его восприимчивости к тому, чему он обучается, живя в монастыре.

Принять постриг в монастыре за границей возможно: случаи такие имеются. А что касается подданства, то в каждой стране свои правила. В любом случае придется подчиняться законам той страны, в которой человек хочет жить.

Очень хочу в монастырь. Но не знаю, как это сделать? Есть определенные обязанности: родители пожилые, больные, сын поступил в институт. В монастырь нужен какой-то капитал, чтобы тебя взяли?

Желание монашества — желание доброе само по себе, но в Вашем случае, скорее всего, пока неисполнимое. У Вас есть сын, но пока он еще не может жить самостоятельно. Трудно представить себе, что мама оставит его и уйдет в монастырь... Думать о монастыре можно будет после того, как сын будет устроен, — может быть, когда будет устроена его семейная жизнь, когда он получит образование, чтобы не получилось так, что, спасая свою душу, Вы оставили его одного в трудной или опасной ситуации — в этом возрасте молодежь еще очень беззащитна. Кроме того, обязанности по отношению к родителям тоже нужно исполнять.

Для того чтобы поступить в монастырь, никакого капитала не нужно, но необходимо «примерить» на себя монастырскую жизнь, укрепиться в своем решении. Пока, судя по Вашему письму, представление о монашестве у Вас достаточно смутное. Думаю, что для начала хорошо было бы время от времени, по возможности, приезжать в какой-то монастырь для того, чтобы нести в нем какое-то послушание. Постепенно это время могло бы увеличиваться, в соответствии с Вашими семейными обстоятельствами и Вашим осознанием сути монашеской жизни.

Могу ли я принять тайный монашеский постриг? Мои родители против монашеской жизни.

Такое явление, как тайный монашеский постриг, получило распространение в советские

годы, когда в России практически не было действующих монастырей и человек, желающий принять монашество, не мог сделать это открыто, то есть уйти в монастырь и жить в нем. В наше время необходимость в тайных постригах полностью отпала.

Что касается родительского благословения, в истории Церкви были случаи, когда люди уходили в монастырь вопреки родительской воле (как, скажем, преподобный Феодосий Киево-Печерский) или, наоборот, становились монахами, упокоив старость родителей, дождавшись их согласия на монашеской постриг (как преподобный Сергей Радонежский). Какой путь изберете Вы — зависит от вас и Ваших обстоятельств, в том числе от Вашей решимости, желания и вообще от серьезности Вашей мысли о монашестве.

Является ли каноническим препятствием для совершения таинства Священства то обстоятельство, что кандидат в священники ранее, будучи военным, по долгу службы (исполняя приказ) стрелял из огнестрельного оружия в других людей и убивал их (например, во время боевых действий или при побеге преступников из мест лишения свободы)?

Безусловно, убийство — тяжкий грех. Согласно 5 и 6 правилу Григория Нисского¹⁷ и 43-му правилу Василия Великого, убийц не надо вводить в клир.

¹⁷ Святитель Григорий, епископ Нисский (ок. 335–395; память 10/23 января). Младший брат святителя Василия Великого, святитель Григорий славился строгостью жизни, ученостью и превосходным даром слова; ему принадлежит классическое произведение святоотеческой антропологии «Об устроении человека».

Однако церковные каноны различают убийство вольное, невольное (ненамеренное) и убийство на войне.

В церковной практике хиротония для воинов возможна. Дело в том, что препятствием к рукоположению в священный сан становятся грехи, влекущие за собой отлучение от Причастия. Правило 13 святителя Василия Великого¹⁸ (оно содержится в Первом каноническом послании к Амфилохию Иконийскому) гласит: «Убиение на брани отцы наши (см.: Послание святителя Афанасия Великого¹⁹ Аммуну монаху) не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались от приобщения только Святых Таин». Как видно из слов святителя, эта рекомендация не носит безусловно обязательного характера. А в упомянутом выше Послании святителя Афанасия Великого

¹⁸ Творения святителя Василия Великого стали основой церковного права. В состав Канонов Церкви вошло девяносто два правила Василия Великого из восьми его посланий и книги «О Святом Духе». Первые воесемьдесят пять правил содержатся в трех посланиях, которые святитель Василий отправил святителю Амфилохию, епископу Иконийскому (†395). Питая особое уважение к святителю Василию, святитель Амфилохий часто обращался к нему, прося его разрешить различные вопросы церковного управления и общей церковной дисциплины.

¹⁹ Святитель Афанасий Великий (ок. 298–373; память 18/31 января, 2/15 мая). Был известен как защитник Православия от арианской ереси. Оставил многочисленные сочинения апологетического, полемического, историко-догматического и нравственного содержания. В состав Канонов Церкви вошло три послания святителя Афанасия Великого: монаху Аммуну, XXXIX послание о праздниках и послание епископу Руфиниану.

к монаху Аммуну говорится: «Убиение врагов на войне и законно, и достойно похвалы».

Следует учесть также, что, согласно 83-му Апостольскому правилу, священнослужители не могут одновременно заниматься военным делом и занимать священническую должность. Однако военнослужащие, ушедшие в отставку и не берущие более в руки оружия, могут быть допущены к хиротонии.

В любом случае решение о возможности хиротонии, ознакомившись со всеми обстоятельствами, будет принимать правящий архиерей той епархии, где проживает ставленник.

Можно ли принять монашество, если хотя бы один из родителей против?

Выбор между супружеской и монашеской жизнью христианин делает сам, по велению сердца, в зависимости от того, к чему призывает его Господь. Другое дело, если человек связан необходимостью помогать действительно нуждающимся в сыновней заботе родителям. Полагаю, что лучше всего решать этот вопрос совместно с духовником.

Помните при этом, что все зависит лишь от одного: от воли Божией. Если Господу угодно, чтобы Вы выбрали для себя стезю монашества, то Он, видя Ваше устремление, Сам устроит все обстоятельства жизни так, что они будут способствовать этому и ничто не сможет воспрепятствовать Вам. Молитесь словами Псалмопевца: *Скажи мне, Господи, путь, воньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 142, 8) и старайтесь жизнь свою сделать практическим исполнением заповедей Евангелия, ибо именно к этому призван всякий христианин, а тем более – монах.

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

Многие люди говорят, что они верующие, а не ходят в Церковь просто потому, что не приемлют обрядов. Насколько важны обряды и таинства? С чего стоит начинать путь к Богу?

Церковные таинства важны для каждого верующего человека. Представьте себе, что есть семейная пара — муж и жена. Они любят друг друга, но живут в разных городах и говорят всем: да, мы любим, но видеться и разговаривать нам для этого не обязательно, это все глупости. Ведь есть же любовь — в сердце... Если бы кто-нибудь услышал такой разговор, то сказал бы, что эти люди и не знали еще, что такое любовь.

То же самое можно сказать и в отношении обрядов и таинств Церкви — это способ общения человека и Бога.

С чего стоит начинать путь к Богу? Надо начать слушать свою совесть — это голос Божий в сердце человека. Надо прочитать Евангелие, а прочитав, попытаться осмыслить, примерить на себя евангельские слова и пожелания. Даже прочитав одно Евангелие, например, от Матфея, можно в корне изменить свою жизнь.

Как Вы понимаете духовное окормление в современном мире, в современной Церкви? Какие вопросы духовной жизни действительно

требуют разрешения и совета, а по каким можно не беспокоить батюшку?

Сущность духовного окормления во все времена одинакова. Само слово «окормление» происходит от слова «кормчий». Духовный отец помогает человеку решать жизненно важные вопросы. Образно можно представить: как кормчий среди рифов, мелей и прочих опасностей ведет свое судно, так духовник помогает христианину избегать те ошибки, падения, неудачи духовного плана, которые подстерегают всех вступивших на этот путь. И в этом смысле современность не прибавляет к пониманию духовного окормления принципиально ничего нового.

Как часто необходимо прибегать к советам духовника? Это определяется, с одной стороны, необходимостью этого совета, с другой — возможностями священника. А помощи в разрешении требуют основополагающие вопросы духовной жизни, прежде всего связанные с молитвой, постом, с образом жизни христианина, например: как соблюдать те или иные церковные правила, насколько можно сделать послабление, если человек болен? Со священником обсуждаются также те вопросы, которые могут изменить само направление жизни человека (например, если он устраивается на работу или учебу, важно выяснить, не противоречат ли его устремления христианству). Таким образом, к духовнику идут с вопросами, решение которых накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Не стоит беспокоить батюшку вопросами бытового свойства. Кроме того, часто бывает, что

человек, постоянно обращаясь к священнику по любому поводу, просто теряет навык к принятию самостоятельных решений — это неправильно.

Какими принципами должен руководствоваться прихожанин при выборе духовника? В какое время лучше общаться с духовным отцом, чтобы не обременять его дополнительно? Может ли совместная беседа со священником жены и мужа по вопросам супружеской верности послужить сохранению брака?

Принцип один: человек должен выбирать для себя духовником священника, способного принести ему духовную пользу. Должны сложиться отношения понимания и доверия — искусственно этого достигнуть нельзя: от священника требуется понимание приходящего человека, внимание к нему; со стороны самого человека необходимо доверие своему духовному отцу.

В какое время предпочтительнее общаться? На этот вопрос ответ может дать сам духовник — в зависимости от его обстоятельств. Каких-то внешних правил, которые могли бы это регламентировать, нет. Естественно, что и поисповедоваться, и поговорить со священником с большим удобством можно не в воскресный или праздничный день, а в день будний, когда нет большого наплыва прихожан и священник не ограничен какими-то временными рамками.

Совместная же беседа духовника с мужем и женой вообще очень желательна. И не только по вопросам супружеской верности, но и по всем вопросам, которые возникают в совместной жиз-

ни супругов. Это очень действенное средство не только сохранить брак, но и разрешить противоречия, вносящие в него разлад.

Возможно ли повторить Крещение? Меня крестили в раннем детстве: это было желание родственников, а я хочу, чтобы этот шаг был осознан мною в моей жизни.

Таинство Крещения повторить невозможно, как невозможно родиться дважды: ведь Крещение — это духовное рождение человека. В Евангелии сказано: *Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие (Ин. 3, 5)*. В нашем *Символе веры* говорится о том, что мы веруем «во едино Крещение во оставление грехов...».

Очень многих людей крестили во младенчестве. Обычай крестить младенцев — очень древний, установившийся буквально с первых дней существования христианской Церкви. Он упоминается в книге Деяний апостольских, где говорится о Корнилии сотнике, который крестился со всем домом своим.

Таинство совершается над младенцем по вере его восприемников и родителей. Проблема в том, что сейчас многие из них относятся ко Крещению формально и не делают затем никаких шагов по религиозному воспитанию ребенка. Но тем не менее таинство действительно, благодать Божия действует в сердце человека, и подтверждение тому — Ваше желание креститься осознанно.

Ничто не мешает Вам стать сознательным христианином. Полноценное вхождение человека в Церковь называется воцерковлением. Участие

в жизни Церкви, в ее таинствах (важнейшие из которых — Покаяние и Причащение), регулярное посещение богослужений меняют жизнь и само мироощущение человека. И если Ваше воцерковление состоится, Вы на самом деле почувствуете то, что рассчитываете получить, как Вам кажется, крестившись заново.

Что делать, если человек не знает, был ли он крещен?

Когда неизвестно достоверно, крещен человек или нет и существует опасность того, что он может остаться на самом деле некрещеным, то таинство Крещения все же совершается. Только в момент произнесения тайносовершительных слов священник вносит в них определенную коррективу, так что звучат они следующим образом: «Крещается, аще (если) не крещен...».

Чем отличается молитва в домашних условиях от молитвы в храме?

Верующему человеку необходимы и личная (келейная), и храмовая (соборная) молитва, потому что молитва в храме — это, прежде всего, молитва во время Божественной литургии, когда происходит самое главное таинство в Православной Церкви — таинство Евхаристии и Сам Господь невидимо присутствует среди нас. Вторых, молитва в церкви — общая. Спаситель сказал в Евангелии: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Поэтому молитва в храме, повторю, — это молитва в присутствии Господа. Ну и, кроме того, в хра-

ме человек не только молится за богослужением, но может принять участие в церковных таинствах, в которых человеку подается врачующая, укрепляющая и помогающая ему благодать Божия.

Я верю в Бога, не сомневаюсь в Его существовании, силе и могуществе. Не могу только полюбить Его. Читал, что любить Бога НАДО за то, что он создал такой прекрасный мир, поставил человека хозяином мира, заботится о нас, прощает наши грехи. Но ведь это благодарность, а не любовь. Если человек любит, он не требует ничего взамен — ни благодати, ни прекрасного мира с цветами, птицами и морями. Как мне полюбить Бога?

Заповедь о любви, данная нам Богом, — самая важная и самая трудная (см.: Мф. 22, 37–40). К сожалению, даже люди, которые читают Евангелие, стараются строить свою жизнь в Церкви, часто тратят свое время на поиски и выполнение всевозможных правил: что делать вот в этом случае, каким образом поступать в таком-то?.. Сердце человека естественным образом склоняется к Ветхому Завету, когда религиозность заключалась в исполнении определенных предписаний. Причем, оказывается, чем их больше, чем они сложнее, — тем легче человеку, потому что исполнять их гораздо проще, чем научиться любить.

А ведь Господь сказал о том, что любовь — главное свойство христианина, которое отличает его от всех окружающих: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между*

собою (Ин. 13, 35). Любовь — и к Богу, и к людям — дается человеку, особенно современному, действительно, очень трудно.

Думаю, для того чтобы полюбить Бога, нужно все-таки взрастить в себе чувство благодарности — за то, что я живу на свете, за все, что Господь посылает мне в этой жизни. Благодарность — естественное чувство человека, который принял на себя труд осмыслить свое бытие. Еще очень важно вот что: любовь зарождается в сердце того, кто навывает жертвовать чем-то ради других людей. Сегодня люди в основной своей массе, наоборот, все время ждут чего-то от других людей, от мира, от Бога, обижаются, живут с ощущением того, что им «недодали» того, что им причитается по праву. В таком сердце любовь может возникнуть только чудом, но, скорее всего, не привьется к нему. А вот если человек живет с ощущением (очень правильным), что сам он должен всем, обязан проявлять ко всем любовь, заботу, внимание, благодарность, — вот тогда в таком сердце возникает любовь.

Еще нужно понимать, что любовь не является предварительным условием веры. Любовь — это итог, это венец жизни христианина. К ней нужно стремиться, нужно воспитать ее в себе, за нее нужно повоевать.

У меня друг, инвалид детства, не верит в Бога, так как он считает, что Бог должен быть милосердным к людям, а получается, что к нему Он немилосерден, раз наказал с рождения неизлечимой болезнью. Я сам инвалид и не могу ответить на этот вопрос; думаю иногда,

что это наказание моим родителям или родственникам...

Очень трудно ответить на такой вопрос, не зная жизненных обстоятельств человека. Действительно, очень часто болезни детей — это последствия родительского греха, но не всегда. Вспомним евангельское повествование о том, как Спаситель *увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но [это для] [того], чтобы на нем явились дела Божии* (Ин. 9, 1–3).

Есть главное правило, которое должен соблюдать каждый христианин: принимать все, что посылает ему Господь, со смирением и стараться в той ситуации, в которой он находится, видеть волю Божию о самом себе. Жизнь человека полна скорбей, и практически каждый человек проходит испытание тяжелой болезнью. Бывают случаи, когда совершенно здоровый человек в одну минуту превращается в инвалида в результате несчастного случая... Обращали ли вы внимание, что люди по-разному реагируют на свои несчастья? Один человек принимает испытания с достоинством и терпением, другой — с ропотом, отчаянием, противлением, даже проклятиями в адрес Бога и людей... Думаю, что даже в чисто житейском смысле первому будет гораздо легче. Что же касается жизни христианской, то верующий человек старается быть готовым ко всему, зная, что Господь все, случающееся с нами, посылает нам **во спасение**. Многие святые тяжело болели при жизни, но несли

свою телесную немощь, благодаря за нее Бога (прочитайте, например, жития Серафима Саровского, Амвросия Оптинского, и, конечно же, библейскую Книгу Иова).

Вера может помочь человеку принять и понести свою болезнь. Когда человек обретает веру, старается узнать православное вероучение, то многие вопросы разрешаются, меняется и его отношение к жизни.

Подскажите, пожалуйста, что делать. Чувствую себя нормальным человеком, не обделен вниманием женского пола. Но у меня в душе лежит блудный грех, нравится смотреть фильмы содержания категории XXXX (особенно в Интернете)... Имел такого рода «забавы» для удовольствия со своим двоюродным братом. Верю в Бога, хожу в церковь, прибегаю к спасительным таинствам. Но не каюсь в этом на исповеди — не могу: стыдно... Что делать?

Вы хорошо говорите: «чувствую себя нормальным человеком». Это очень важно. Значит, Вы хорошо сознаете ненормальность, противестественность той страсти, которая разъедает Вашу душу. Не надо удивляться и даже ужасаться ей в самом себе, не надо считать ее **своей**; нужно, напротив, верить, что это — дьявольское искушение, в сущности своей противное Вашей природе. В поврежденном падением человеческом естестве присутствует возможность любого греха. Но диавол стремится возбудить в человеке, и в христианине в том числе, ту страсть, которая скорее всего может по-

губить его душу. Он ненавидит образ Божий, неизгладимо напечатленный в нас, и желает надругаться в нас над ним, унижить человека — возлюбленное творение Божие. И блудные страсти и грехи, особенно носящие протivoестественный характер,— лучший для него способ в достижении подобной цели. Поэтому там, где только имеет диавол возможность преуспеть в искушении человека подобными образами и помышлениями, усердию его не будет предела.

К сожалению, в наше время слишком многое служит врагу спасения в качестве подспорья. Люди совершенно потеряли не только страх Божий, но и элементарный стыд. Фильмы, журналы, книги с самым извращенным содержанием сегодня общедоступны и легко могут из маленькой тлеющей искры разжечь в сердце соприкоснувшегося с ними пожар самой непотребной страсти. Это Вы можете видеть в данном случае и на самом себе.

Что посоветовать Вам? Слава Богу, Вы — верующий человек, а следовательно, можете искать помощи в своей немощи у Бога и у святой Его Церкви, что Вы отчасти и делаете. Но вот Ваша самая большая ошибка: вместо того чтобы от искреннего сердца раскаяться на исповеди в своих грехопадениях (реальных и мысленных), Вы утаиваете их, дерзая при том приступить к таинству Причащения. Господь весьма милосерд и долготерпелив. Однако когда человек принимает Тело и Кровь Христовы недостойно, без исповедания всех своих согрешений, что-то по малодушию скрывая и не оставляя притом вновь и вновь повторяемого греха,

то благодать таинства может послужить ему не столько ко спасению, сколько к осуждению. Чтобы этого не произошло, необходимо решиться на исповедь искреннюю, до конца откровенную, не утаивая в ней ничего, в чем обличает вас совесть.

Стыд перед священником — ложный стыд. Да, конечно, священник тоже человек, и он может по немощи своей соблазниться, осудить. Однако настоящий пастырь никогда не отвернется от христианина, обнажающего на исповеди свои душевные раны (какими бы неприглядными они ни были) и просящего об их исцелении. Напротив, именно по отношению к такому человеку он проявит наибольшую заботу и сострадание.

Полная исповедь, безусловно, станет для Вас самым действенным шагом к душевному исцелению. Но также необходимо вместе с исповедью пересмотреть и свою жизнь в целом. Пересмотреть и удалить из нее все, что может способствовать развитию страсти. Нескромные фильмы и книги, общение с людьми, подверженными подобному греху, — все это должно быть устранено из Вашей жизни. Вместе с тем необходимо, чтобы Ваша христианская жизнь приобрела более определенный, твердый характер. Регулярное посещение храма, регулярная исповедь, исполнение молитвенного правила, внимание к своей внутренней жизни и труд самоисправления — вот что укрепляет душу, дает силы для борьбы с искушающим ее грехом.

Вы говорите о том, что «не обделены вниманием» девушек. Молитесь, чтобы Господь послал

Вам хорошую, верующую девушку, с которой Вы смогли бы связать свою жизнь, вступив в благословенный Церковью брак; думаю, это также могло бы справиться с нынешним искушением.

Я верующая, муж нет, но родители его — верующие. Они часто обращаются к некоему человеку, который обладает сверхъестественными способностями: определяет причины болезней, излечивает своими методиками. Муж даже собирается пройти у него курс обучения. Может ли вера в Бога сочетаться с обращением к подобным людям?

Нет, вера в Бога сочетаться с обращением к таким людям не может. Скорее всего, родители Вашего мужа только считают себя верующими, но верят не Богу, а тому человеку, который обещает им исцеление. Природа «сверхъестественных способностей» тех людей, которые сегодня называют себя целителями, экстрасенсами и т.п. (в разные времена они и называют, и проявляют свои «способности» по-разному), известна с глубокой древности. И отношение к ним в Священном Писании выражено крайне определенно: *мерзок пред Господом всякий, делающий это* (Втор. 18, 10–13).

Святые отцы Православия единомысленно свидетельствуют о том, что «сверхъестественные способности», если они не являются банальным шарлатанством, имеют демоническую природу и «питательной средой» для них является человеческая гордыня.

Не менее ясно в Библии говорится и о тех, кто обращается за помощью к носителям «тайных

знаний» и «даров»: *И если какая душа обратилась к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то Я обращу лице мое на ту душу и истреблю ее из народа ее* (Лев. 20, 6).

Духовные законы действуют независимо от того, по какой причине человек обращается к экстрасенсам: по неведению или из желания быстрее и вернее получить то, что ему хочется, — здоровья, денег, чужого мужа... Опыт показывает, что все эти обращения заканчиваются трагически: «ушедшие» телесные болезни возвращаются в еще более тяжелой форме, очень часто у человека возникают отклонения в психике, душевные болезни, разрушается вся его жизнь. Страшно, как правило, заканчивается и жизнь экстрасенса: тот, кто назван в Евангелии *человекоубийцей, лжецом и отцом лжи* (Ин. 8, 44), — диавол — смеется над тем, кто верит ему, губит человека в земной жизни и ввергает в ад по смерти. И Церковь, предупреждая об этом, не «борется с конкурентами», как говорят своим клиентам все те же целители и «биоэнергетики», но стремится предостеречь людей: не прикасайтесь к тому, что смертельно опасно.

Единственный путь, возможный для человека, считающего себя верующим, — следование за Христом, доверие Богу, подающего нам все нужное для нашего спасения. Иногда приходится с терпением понести крест болезни, скорбей. Но *верен Бог*, — говорит апостол, — *Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10, 13).

Есть у меня знакомая, живет в селе, хороший, добрый человек. Церковь свою любит, помогает, чем может. Но при этом верит также в астрологические прогнозы, всяким гаданиям и гадалеям, целителям и принимает их у себя, советуется с ними и слушается их советов, посылает к гадалеям и целителям и своих знакомых (потому что «они помогают»), молится звездам, солнцу и луне... Рассказывает, что видит «святые» сны, Бога, Богородицу. Когда я предложила ей поговорить обо всем этом со священником, она возразила мне, что священникам не верит. Что делать? Что происходит с моей знакомой?

Отвечая на ваше письмо, я начну «с конца». Неверие словам богодухновенного Священного Писания, Самому Богу — это действительно страшное свидетельство того, что человек, считающий себя верующим, православным, находится в прельщенном состоянии. Неверие Богу, отпадение от Его Церкви — это именно завершающая, конечная стадия той страшной духовной болезни, которую принято называть прелестью (разного рода видения и «святые сны» — это тоже ее проявления). Враг рода человеческого не случайно назван лукавым: постоянно обманывая человека, шаг за шагом он ведет его к гибели, но поначалу этот обман бывает нелегко распознать. Когда же человек приходит к такому состоянию, которое Вы описываете, диавольское воздействие на него очевидно для всех, кроме зачастую самого прельщенного.

К сожалению, та болезнь, о которой идет речь в Вашем письме, сейчас очень распространена, особенно в сельской местности, где почти целое

столетие не было нормальной церковной жизни, где люди тянутся к Богу, но в силу собственного невежества и невежества (а подчас и злой воли!) тех, кто берется их учить,— тех же деревенских «целителей», знахарей и т.п.,— получают изначально искаженное представление о духовной жизни. Действительно, чем иначе можно объяснить то доверие гадалкам и колдунам, которое они испытывают, называя себя православными людьми? В Священном Писании, как в Ветхом, так и в Новом Завете, есть слова, которые не допускают двойного толкования: *Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это* (Втор. 18, 10–12). *Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая* (Откр. 21, 8). Как бы ни называли себя эти «чародеи» и «гадатели» в наше время — целителями, экстрасенсами, астрологами, чем бы ни доказывали свои «добрые намерения», — это обман, без которого «человекоубийца от начала» (Ин. 8, 44) не может завладеть душами людей. И если мы не верим словам Самого Бога, разве мы можем называть себя православными?

Безоговорочный запрет Церкви обращаться к гадалкам и чародеям — это забота о духовной безопасности людей, основанная на ее двухтысячелетнем реальном духовном опыте, а он таков: обращение к ворожбе ведет к скорой душев-

ной, а иногда и телесной смерти. Повторяю: это опыт всей Православной Церкви, вне зависимости от того, в каком веке, стране, местности, в каком виде происходит это обращение к демоническим силам, и независимо от того, под какими названиями они выступают.

Почему же многие утверждают, что обращение к целителям «помогает»? Наш современник, афонский старец Паисий, к которому нередко обращались как сами «целители», так и их жертвы, свидетельствует: «Диавол никогда не может сделать ничего доброго. Он может «исцелить» только те болезни, которые вызывает сам». По наблюдению старца, бесы, «изгнанные» ворожкой, неизбежно переходят к близким «исцеленных». Так возникает необходимость «лечить» детей, супругов, знакомых — возникает страшный порочный круг, в котором люди всецело оказываются под бесовским воздействием.

Это наблюдение многократно было подтверждено медиками, врачами-специалистами: каждому из них известны случаи, когда после лечения у «целителей» больной получал некоторое облегчение, но затем неизбежно болезнь возвращалась, возникали новые душевные и телесные недуги, причем такие, что медицина уже ничем не могла помочь...

Есть и еще одна (главная) причина обращения к гадалкам и колдунам: эгоистичная привязанность человека к земной жизни и ее удовольствиям, нежелание жить по заповедям Божиим и понести ради Него хоть небольшой труд терпения в болезни тела для спасения своей бессмертной

души. Сам Господь сказал: *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Однако люди часто выбирают быстрое и временное облегчение. Они обращаются к колдунам и прельщенным потому, что «дарования диавола дешевы и их легко приобрести»²⁰.

Действительно, Церковь говорит нам о том, что исцеление — это обязательно плод усилий, плод длительного труда по исправлению самого себя. Священник, как правило, советует самому больному и его близким прибегнуть к таинству Покаяния, посту, молитве. Он не скрывает того, что это трудно. Но тот, кто решает все же пойти к «бабке», не желает трудиться: он выбирает чисто внешнее действие, без усилий, без перемены своего сердечного устроения.

Мы не должны обманываться и тем, что часто так называемые «народные целители» используют иконы и свечи. Известно, что сам сатана способен принимать вид Ангела света (ср.: 2 Кор. 11, 14). Целители же часто отправляют в храм тех, кто к ним приходит, даже рекомендуют им креститься, причаститься, но при этом категорически запрещают упоминать на исповеди о своей «помощи». Может ли человек, делающий доброе дело во имя Божие, советовать врать на исповеди, врать Богу? Все дело в том, что диавол дает свою силу тем, кто ему служит. А что может быть приятнее для диавола, чем глумление над святыней?

Для нашего спасения необходимы две силы: доброе произволение самого человека и благо-

²⁰ Блаженной памяти старец Паисий Святогорец. Слова. Т. 3. Духовная борьба. М.: Изд. дом «Святая Гора», 2003. С. 252.

датная помощь Господа каждому, кто обращается к Нему с доверием. Эта помощь — Божественная благодать — подается только в таинствах Церкви, важнейшие из которых — Покаяние и Причащение. Святые отцы утверждают — и это опять-таки опыт всей Церкви, — что в таинствах непостижимо действует Сам Господь, даже если священник по каким-либо причинам в чем-то недостойно исполняет свое служение. Поэтому нельзя удаляться по собственной воле от Бога и Его Церкви, по слову Господа: *создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18).

И последнее: возможен ли выход из состояния прелести? Он только один — через искреннее покаяние и обретение смирения. Необходимо сделать выбор. Если есть вера и доверие Богу, Он способен исцелить любой недуг.

Очень тяжело на душе. Недавно начала задумываться о жизни, о Господе, о близких своих, о вере, но, видно, поздно... В Интернете читалась, что не в каждый храм ходить можно. Стало еще хуже... Смерти боюсь панически, боюсь умереть не по-христиански, одна надежда, что Господь помилует. Подскажите, как жить?

Мне кажется, что Ваше состояние вызвано во многом неправильными представлениями о сущности нашей веры. Вы бываете в храме, Вы пытаетесь молиться — это очень хорошо и необходимо каждому человеку. Давайте попытаемся разобраться, что же привело Вас к такому унынию.

Да, все мы люди грешные, грешим постоянно и ежечасно, и лучше всего это понимали как раз те люди, кого ныне мы почитаем святыми. «Держи ум свой во аде и не отчаивайся», — вот один из главных принципов христианской жизни, сформулированный преподобным Силуаном Афонским²¹.

Что же дает нам силы не отчаиваться? Мы, православные христиане, знаем, что милосердный Господь принимает наше чистосердечное исповедание в любое время и подает отпущение наших грехов в таинстве Исповеди. Прийти «поздно», как Вы пишете, невозможно: Господь с одинаковой любовью приемлет и первых, и последних — *работников одиннадцатого часа*, как говорится в евангельской притче (см.: Мф. 20, 1).

Кстати, часто ли Вы читаете Евангелие, без которого невозможно прийти к Богу, к вере? Сколько раз в Вашем письме звучит: «Мне страшно... Я боюсь»? Но прочитайте Евангелие и обратите внимание на то, как Господь обращается к Своим ученикам: *Не бойтесь* (Лк. 12, 4) — и к ищущим помощи Его: *Не бойся, только веруй* (Лк. 8, 50).

Есть еще очень важные вещи, о которых необходимо помнить, чтобы жить по-христиански. Нужно научиться верить Богу, в молитве вверяя Ему

²¹ Преподобный Силуан Афонский (1866–1938; память 11/24 сентября). Родился в Тамбовской губернии, в благочестивой крестьянской семье. В 1892 г. был принят послушником в Русский Пантелеймонов монастырь на Афоне. В 1896 г. пострижен в мантию с именем Силуан, в 1911 г. — в схиму с оставлением прежнего имени. Прожив 46 лет в обители с общежительным уставом, явил образ совершенного послушания и непрестанной молитвы. Пеежив явление ему Господа Иисуса Христа, преподобный особо молился о мире, не ведающем Бога.

себя самих и наших близких. Вам особенно необходимо молиться о муже и дочери, но просить в молитве не того, что нам в данный момент кажется наилучшим, а просить Господа подать нам необходимое для нашего спасения, для жизни вечной. Нужно помнить и о том, что иногда приходят болезни и скорби и они тоже попущены Господом как средство для очищения нашей души, что они необходимы на пути к вечности. Нам, христианам, надо научиться принимать и переносить их с терпением и благодарением.

Начните регулярно бывать на богослужении в храме — любом храме Русской Православной Церкви, который ближе к Вашему дому или к которому расположено Ваше сердце. Регулярно приступайте к таинствам Исповеди и Причастия. Молитесь за богослужением, которое само по себе обладает удивительным действием: утешает скорбящих, вразумляет ищущих. Молитесь дома, откройте молитвослов, попытайтесь найти слова, необходимые Вам. Не отступайте и не отчаивайтесь: *хранит Господь всех любящих Его* (Пс. 144, 20).

Моя свекровь периодически ездит на отчетки. Зачем это нужно? Правильно ли, что на отчетки приезжают автобусами?

«Отчетка» — это простонародное название чинопоследования, проводимого по благословению правящего архиерея тем или иным священником над людьми, страдающими беснованием, то есть одержимыми бесом. Распознать таких людей довольно просто: они бросаются на окружающих, лают, разговаривают «чужими» голосами, особенно часто это происходит при приближении к святыне: в храме,

во время чтения Евангелия и т.д. Беснование попускается Господом по разным причинам, но даже такое тяжкое состояние может вести ко благу самого человека. Вот как пишет об этом старец Паисий Святогорец: «...Человек, в котором есть нечистый дух, не только мучится, искупая свои грехи (или приобретает венец, если он сам не был причиной своего состояния), но по необходимости и смиряется перед людьми. Бог в конце концов освобождает его, так что его душа получает сугубую пользу».

Случаи беснования достаточно редки, по крайней мере, количество действительно одержимых неизмеримо меньше, чем количество тех людей, которые по каким-то причинам стремятся попасть на отчитку. Эта «мода» на отчитку, по видимому, раздувается теми, кто превратил эти автобусные поездки в доходный бизнес. Мне, мягко говоря, непонятны и действия некоторых священнослужителей, проводящих массовые отчитки над людьми, по-настоящему нуждающимися не в том, чтобы из них «изгнали бесов», а в элементарном просвещении, в знаниях о Церкви и о том, что же такое подлинная духовная жизнь.

В нашей стране выросло уже несколько поколений людей, насильно оторванных от своих христианских корней, от Церкви. А поскольку потребность в религиозном освящении жизни изначально присуща человеку, эту «пустоту» заполнили всевозможные околорелигиозные, полуоккультные представления и мифы, в которых перемешаны правда и ложь.

Поэтому ситуацию, когда люди регулярно ездят на отчитку, чтобы «поправить здоровье» или «избавиться от дурных привычек», как они гово-

рят, нельзя считать нормальной. Я знаю примеры, когда здоровые люди отправлялись на отчитку и на самом деле становились бесноватыми. В любом случае, отчитка — это не то, что может заменить полноценную духовную жизнь, участие в церковных таинствах, работу над своим сердцем, которой учит нас святая Церковь.

Можно ли лгать в вынужденных обстоятельствах, например, спасая честь, жизнь? Как понять, когда можно соврать, а когда нет? Есть много примеров, когда девушки-христианки предпочли самоубийство надругательству над собой. Почему они не смирились, если Господь не попускает больше, чем может вынести человек?

Можно ли лгать вынужденно — об этом сказал лучше всего авва Дорофей: иногда случается, что бывает нужда что-то скрыть, потому что, если этого не сделать, выйдет большое смущение и скорбь. «Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом и считать такой случай временем искушения. И на такое уклонение решать не часто, а разве однажды из многих случаев»²².

Самоубийство безусловно запрещено Евангелием. Однако в истории Церкви действительно были случаи, когда христиане оканчивали жизнь самоубийством: спасаясь от преследователей, бросались в реку или с крепостных стен. И некоторые из них даже причислены к лику

²² Преподобный авва Дорофей, «Душеполезные поучения», поучение 9: «О том, что не должно лгать».

святых в чине мучеников, например, святая мученица Пелагия (ей святитель Иоанн Златоуст посвятил «Похвальную беседу о святой мученице Пелагии, что в Антиохии») или местночтимая рязанская святая мученица Евпраксия, супруга князя Юрия Красное Село (героиня древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем»).

Святитель Иоанн Златоуст так писал о мученице Пелагии: «... Блаженная Пелагия ... не дожидаясь и рук палачей,... но преизбытком собственной ревности предупредила их жестокость. Она была готова и к мучениям, и к пыткам, и ко всякого рода наказаниям, но боялась, чтобы не потерять венца девства».

Однако споры о том, исполнили ли эти мученики заповеди Божии или нарушили их, велись в Церкви давно. Несомненно одно – подобные случаи крайне редки и не могут служить оправданием в грехе самоубийства.

В нашей жизни неизбежно присутствуют некоторые антиномии: все обстоятельства нашей жизни невозможно разложить «по полочкам», дать каждому из них «единственно верную» оценку. Дело в том, что *мир лежит во зле* (Ин. 5, 19) и первородный грех — это онтологическое²³ явление. Грех заражает собой все, к чему прикасается человек. Поэтому, действительно, иногда бывает и «ложь во спасение», и необходимость пойти на компромисс. И все же надо помнить, что компромиссы разрушительны. Нужно чаще сверять свои поступки с Евангелием и поступать так, как велит Вам Ваша христианская совесть.

²³ Онтологический — прил. от *онтология*. Онтология — в философии учение о бытии, об основных началах всего существующего.

Я не имею человеколюбия. Меня очень гнетет этот грех. Я исповедовал его, но продолжаю сторониться, раздражаться и обижать окружающих меня людей. Делаю это ненамеренно, потом мучаюсь. Помогите советом.

Совет в этом случае может быть один — надо стараться никого не осуждать, молиться за людей и как можно внимательнее всматриваться в самого себя. Когда человек имеет по-настоящему правильный взгляд на себя и видит свои грехи, всю глубину своего падения, тогда, как правило, ему становится не до раздражения и обид на других. Ведь почему мы обижаемся на людей? — Потому, что они не соответствуют нашим завышенным требованиям к ним. А если мы попробуем к себе с такими же высокими требованиями подойти, то **что** мы увидим в результате?

Человек, который имеет правильное воззрение на самого себя, становится более снисходительным к другим людям. Ну и, конечно же, необходимо воспитывать в себе волю, волевые качества: запрещать себе принимать помыслы осуждения других людей и следовать этим помыслам.

По мере воцерковления меняется взгляд человека на жизнь, меняется внутренний мир. Если раньше тебе было интересно с определенным человеком, то теперь чувствуешь, что возникает пропасть между нами, пути расходятся. Как быть — перестать общаться с неверующими? Но в этом может быть твоя гордыня...

Это естественно, что со временем пути людей расходятся, особенно если у этих людей разное

мировоззрение, если один человек становится верующим, а другой так и остается атеистом. К сожалению, такое разделение происходит даже между близкими людьми, родственниками по плоти. Это плохо, но вполне объяснимо, даже закономерно: ведь в окружающем нас мире очень многие люди далеки от Бога и не желают даже приближения к Нему.

И все же по возможности надо попытаться сохранить круг общения. Во-первых, человеку, еще не открывшему для себя мир веры, может быть непонятным прекращение общения с ним с Вашей стороны. Такое поведение верующего человека может обидеть, оскорбить неверующего; тем более надо быть любящими, заботливыми, терпеливыми к неверующим родственникам, особенно если у них, кроме нас, нет других близких. Во-вторых, Вы сами понимаете, что за разрывом отношений может стоять наша гордость, страсть, которую духовно неопытный человек не всегда может в себе распознать. Поэтому я бы советовал Вам продолжать общение, если оно не идет во вред Вашей собственной вере.

У меня уже много лет длится тяжелейшая жизненная ситуация, которую я не могу разрешить. Могу ли я дать определенный обет, выполнить который я смогу при условии, что данная ситуация разрешится (условно говоря, молиться: «Господи, помоги, избави меня от этой напасти, и тогда я выполню то-то и то-то», например, пожертвую значительные суммы на восстановление церквей и монастырей). Или

подобного рода обеты противоречат духу православного вероучения?

Нет, таких обетов давать не надо. Нужно просить у Бога помощи в том или ином деле и в то же время быть готовым принять все, что Господь пошлет нам в нашей жизни. Образцом для нас может быть Гефсиманская молитва Христа: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39).

А что касается пожертвований на храм или каких-то добрых дел, которые мы можем сделать, я думаю, что их ни в коем случае не нужно связывать с какими-то условиями: «Господи, если Ты дашь мне вот это, тогда я дам вот столько-то денег на храм или помогу детскому дому...». Когда человек пытается выстроить свои отношения с Богом по схеме: «Ты мне — я тебе», это неправильно.

Можно ли просить святых о помощи в конкретных вещах: о хорошем муже, верующем и с финансовым достатком?

Не стоит «конкретизировать» свои молитвы подобным образом. Святые являются только посредниками, ходатаями за нас: не святые, а Бог подает что-то человеку по их молитвам. И нужно всегда просить у Бога помощи в несении своего жизненного креста, просить, чтобы происходило в нашей жизни то, что нам полезно, то, что мы сможем понести. Даже если мы молимся, по немощи своей, все же желая чего-то конкретного, нужно предавать себя в руки Божии и завершать молитву словами: «Но не

что я хочу, но Ты, Господи. Да будет святая воля Твоя». Вот это — правильная молитва. Не стоит относиться к святым, как к продавцам в супермаркете, которые дадут нам тот товар, который нам хочется. Просьбы о слишком конкретных и тем более материальных вещах оскорбляют величие Божие.

Как избавиться от страха смерти? Периодически меня охватывают сомнения: а вдруг после смерти ничего нет? И тогда на меня накатывает какой-то совершенно черный ужас. Как с этим справиться?

Страх смерти в таком его неправильном, нехристианском варианте присутствует в той или иной мере у каждого человека. Благодаря житиям святых мы знаем, что даже великие угодники Божии по временам испытывали подобные чувства. Их появление — лишнее доказательство того, что наше человеческое естество — падшее: разного рода страхи чаще всего являются следствием нашей греховности. Такой животный страх смерти обычно бывает у человека, который грешит и не хочет расстаться со своими грехами.

Конечно же, с этим страхом необходимо бороться, потому что мы верующие люди, мы верим в будущую жизнь, которую дарует нам Господь, и ожидаем ее, как поется в *Символе веры*. Это предмет нашей веры, наше упование. Здесь и проверяется, насколько наша вера сильна. А бороться со страхом следует так же, как и с любой другой нашей немощью: молиться Богу об избавлении от нее, приступая к таинствам Покаяния и Причащения.

Что такое «молитва по соглашению»? В каких случаях она читается?

Молитва по соглашению печатается сегодня во многих молитвословах. Обычно несколько человек договариваются читать ее в одно и то же время в случае трудной ситуации: например, когда тяжело болен кто-то из близких.

Это некий аналог общественной молитвы: так люди, которые не могут физически собраться вместе, все же делают попытку преодолеть расстояние, вознести совместную молитву Богу, основываясь на словах Спасителя: *где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20).

По сути, молитва по соглашению — это благочестивый обычай, который стал распространяться в последнее время. Она не является особым церковным правилом, необходимым для исполнения, но в то же время в этом обычае нет ничего противного благочестию и вере.

Я читаю Иисусову молитву без благословения. Заметил на практике, что обостряются искушения, душа начинает метаться. Почему?

Иисусову молитву без благословения читать нехорошо, как вообще опасно пытаться проводить углубленную духовную жизнь без духовного руководства. При чтении Иисусовой молитвы необходимы советы духовника, причем это должен быть не просто батюшка, который «разрешил» Вам приступить к молитве: «Ну хорошо, Бог с тобой, читай». А это должен быть опытный человек, который знает Вашу жизнь, все ее обстоятельства, знает, что

Вам помогает, а что, наоборот, приводит к каким-то падениям, и который исходя из этого может подавать Вам помощь и врачевание в таинстве Покаяния. И тогда, я думаю, разумное чтение молитвенного правила, которое может включать в себя и молитву Иисусову, будет совершенно безопасно и полезно. Если же такого духовного руководства нет и человек ищет для себя подвига самовольно, он может прийти в неправильное состояние, вплоть до повреждения рассудка: история знает тому много примеров. Приступая к Иисусовой молитве, нужно читать святых отцов, близких нам по времени, — лучше всего святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова). Святитель Феофан очень хорошо раскрывает цель Иисусовой молитвы — это память о Боге.

Мною был совершен тяжкий грех, я принесла покаяние в таинстве Исповеди. Но покоя в душе нет, все равно всегда об этом вспоминаю. Может, так и должно быть, каяться и помнить надо всю жизнь?

Однажды оптинскому старцу Амвросию задали подобный вопрос. В ответ он показал свой палец, на котором был шрам, и сказал: «Посмотри, я порезал палец несколько месяцев назад. Все зажило, но шрам остался. Так и в душе человека: грех, сделанный однажды, даже если он заглажен покаянием, даже если человек к нему не возвращался, все равно след в душе оставляет и какое-то время будет болеть». Тяжесть на душе — следствие греха, это, если угодно, епитимия, которую Сам Господь накладывает на

человека. Но не надо от этого ни в коем случае впадать в отчаяние, в уныние, а нужно, когда приходит воспоминание о грехе, просто стараться смириться. Видимо, Господь дает это для смирения.

Меня постоянно мучают сомнения: все ли я исповедовал на исповеди перед Причастием. Проблема в том, что я по своей натуре торопыга, рассеян и ужасно забывчив. Я пытаюсь записывать исповедь и читать с бумажки. Но и после этого остаются сомнения. Если я действительно что-то забуду, насколько это может привести к тому, что Причастие будет в суд и осуждение? Что мне делать со своими страхами, если они совершенно необоснованны?

Такое часто бывает у людей, достаточно вдумчивых, которые очень тщательно относятся к своему внутреннему миру, ко всему, что их окружает, и стараются не упустить ни одного мельчайшего факта, подробности. Это не часто встречающаяся черта характера; на первый взгляд, в ней нет ничего плохого. Но если ей «дать волю» в себе, то в человеке могут произойти неприятные психологические изменения или даже повреждение психики. Нельзя ни в коем случае поддаваться страхам, о которых Вы говорите. Нельзя пытаться выстроить с Богом отношения «по механическому принципу»: вот, я сделал что-то или все сказал, ничего не забыл — и в ответ получил от Бога нечто соразмерное своим стараниям. А вот тут я что-то забыл, какую-то запятую не поставил, и все — не

работает уже. Кнопку нажал, а результата нет... Это неправильно.

В таком отношении есть недоверие Богу. Человеку невозможно обезопасить себя от всех падений, недостатков и мысленных прилогов. В древнем патерике есть хороший рассказ, который может помочь ответить на Ваш вопрос.

К некоему великому старцу пришел ученик и сказал: «Отче, я все время падаю в мыслях». Тот говорит: «Борись с ними». Он приходит опять и говорит: «Отче, я все время подвергаюсь нашествию помыслов. Что мне с ними делать?». Старец отвечает: «Пойди на дорогу, распрости полы своей одежды и поймай ветер». — «Отче, а как это можно сделать? Это невозможно». — «Вот так же невозможно и запретить помыслам приходиться к тебе. Их дело — приходиться, а наше дело — отвергать и не поступать так, как они нам внушают».

Так и здесь: нельзя думать, что человеку возможно полностью уследить за собой. Все то, что сейчас мучит совесть, что тяготит сердце, о чем сегодня болит душа, — об этом надо говорить на исповеди. Недаром мы во многих наших молитвах просим Бога: «Отпусти нам вольные и невольные грехи», те есть те, которые мы знаем, и те, о которых не знаем. Потому существует и такое таинство, как Соборование, в котором человеку прощаются неисповеданные по забвению грехи. Поэтому не поддавайтесь страхам.

После исповеди и Причастия чувствую радость, легкость, но сегодня все оказалось не так... В очереди на исповедь впереди меня было

человек 12. Время на исходе: все, не успею исповедоваться. Я разнервничалась. В последний момент появляются две бабули, просят пропустить их. Я решительно отказала. Все-таки последняя успела исповедоваться, благодаря Бога. Успела к Причастию. Но, выйдя из храма, не почувствовала радости. Сейчас я в недоумении. На душе пустота и чувство вины перед Богом. В чем дело?

Помните, что главное все-таки и до Причащения, и после, и в течение всей христианской жизни — это иметь мир со всеми. Как Вы сами поняли, это непростое дело. К этому миру нужно стремиться и за него нужно бороться, ни в коем случае не поддаваясь злобе и раздражению. А что касается описанной Вами ситуации, если Вы стоите в очереди на исповедь или куда-то еще, обязательно надо пропускать всех, кто этого попросит, ни в коем случае не бояться, что опоздаете: Господь смотрит на Вас. И поверьте, если бы Вы, пропустив тех бабушек вперед, не успели причаститься, но приняли бы это, как волю Божию, Вы получили бы гораздо больше пользы для своей души.

Подскажите, пожалуйста, есть ли хоть какая-нибудь возможность искупить грех убийства (человек вернулся с войны в Чечне)? И имеют ли право священнослужители в церквях не принимать его исповедь и покаяние?

В церковных канонах различаются убийство вольное, невольное (ненамеренное) и убийство на войне. Но, безусловно, убийство — это тяжкий

грех, и во время военных действий убийства совершаются в разных обстоятельствах. Поэтому человеку необходимо прийти в храм, прибегнуть к таинству Покаяния (Исповеди) и раскрыть перед священником то, что есть на совести, ничего не скрывая и ни в чем себя не оправдывая.

Бог принимает покаяние каждого человека, если оно искреннее. Поэтому и священник, который выступает в таинстве свидетелем покаяния, не может отвергнуть кающегося, не принять его исповедь.

Посоветуйте, пожалуйста, как бороться с неуверенностью в себе. И как сочетать уверенность в себе со смирением и надеждой на Бога?

Человек верующий должен быть уверен не в себе, а в Боге. *Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5, 6–7), — так наставляет нас апостол Петр. Однако верна и известная поговорка: «Под лежащий камень вода не течет». Как это совместить, как понимать правильно? Когда человек с верой и упованием на Бога делает то, что он должен делать, Господь Сам помогает ему и совершает то, что может сотворить только Он один. И если человек исполняет любое дело как бы перед лицом Божиим, предает себя, всю свою жизнь в руки Божии, уходит страх, чувство собственной несостоятельности, приходит чувство покоя, уверенности (а не самоуверенности), в основе которого — смирение и упование на Бога.

Уже на протяжении многих лет мне в голову лезут жуткие мысли: то я смерти желаю кому-то, то называю как-то плохо, особенно близких и любимых людей. Я же не хочу этого! Если это от лукавого, то как с этим бороться?

То, о чем Вы пишете, можно назвать нашествием помыслов. Человек постоянно подвергается этому нашествию. В голову людям приходят, точнее, привносятся врагом рода человеческого самые разные мысли и пожелания, в том числе и те, которым он никак не может сочувствовать, с которыми он борется.

Не надо по этому поводу терзаться и впадать в отчаяние: «Как это мне приходит такое в голову?». Святые отцы в таких случаях рекомендуют говорить самому себе: «Это не мое», — ведь это действительно не Ваше. На подобные бесовские искушения надо не обращать внимания в том смысле, что следует относиться к ним так же, как мы относимся к какому-то внешнему шуму, например, навязчивой музыке, несущейся из чужого окна. Ведь если мы не можем сию же минуту прекратить это неприятное воздействие или уйти от него, мы просто стараемся не обращать на него внимания.

Так же нужно относиться и к помыслам. Молитесь Богу, чтобы Он помог, Сам защитил от этой вражеской силы. Ну, а главное наше оружие в духовной брани, конечно же, таинства Исповеди и Причащения.

Почему в рамках нашей православной религии один из признаков спасения души после смерти

имеет прямо противоположную характеристику в разных странах? Я имею в виду то, что мы почитаем нетленные мощи святых, как явное указание на их угождение Богу, а, к примеру, на Афоне узнают о спасении души по цвету костей, которые можно увидеть при истлении тела.

Само слово «Афон» переводится как «безмолвный». Для монашествующих безмолвие — это не столько молчание в обычном смысле этого слова, сколько выражение внутренней нерассеянности, удаленности от суеты. Существует предание, что основатель Великой Лавры Афанасий Афонский в своих молитвах просил Господа, чтобы никто из живущих на Святой Горе не удостоивался бы телесного нетления. Это привлекло бы сюда массу паломников для поклонения нетленным мощам и разрушило бы уединение Афона.

Поэтому перед нами — вовсе не «противоположные характеристики», как Вы пишете, а признак особого духовного смирения. Подобные примеры мы находим в житиях нескольких святых. Преподобный Нил Сорский заповедал ученикам после кончины выбросить его тело на съедение диким зверям, не воздавая ему никаких почестей. Такое смирение можно считать завершением глубокого покаяния, принесенного человеком, полного осознания им греховности своей.

Видимо, по этой причине на Афоне, по произволению Божию, тела усопших монахов разлагаются до костных останков. По прошествии установленного времени могилы вскрываются.

Неразложившееся (что значит вовсе не нетленное, а именно полуразложившееся, не истлевшее до конца) тело считается свидетельством греховной жизни человека, поэтому над ним епископом читается специальная разрешительная молитва.

Как Вы относитесь к канону «О самовольне живот свой скончавших»? Не является ли его чтение слишком большой дерзостью? Как можно молиться о самоубийцах?

Канон «О самовольне живот свой скончавших» составлен митрополитом Вениамином (Федченковым). Даже келейное чтение этого канона не может считаться общецерковной практикой, и об этом говорит сам митрополит Вениамин в объяснении, которым сопровождается издание канона. Сам он по совету старца Нектария Оптинского предпринял попытку молиться о самоубийце в случае, когда душевнобольной человек покончил с собой на Сергиевском Подворье в Париже, где и служил тогда будущий митрополит Вениамин. Однако обычно, когда его просили об отпевании самоубийц и о молитве за них, он отказывался: «... Согласно канонам — правило Тимофея Александрийского — и по внутреннему противлению души моей». Свое объяснение митрополит Вениамин заканчивает словами: «А меня да помилует Господь за дерзновение такое...».

Надо помнить и о том, что владыка имел право на дерзновение в молитве: люди, знавшие его, считали его великим праведником — готовятся материалы для его канонизации. Но для нас, людей,

еще не очистивших сердце от страстей, такое дерзновение невозможно и может быть даже опасным: известны случаи, когда те, кто самовольно молился о самоубийцах вопреки правилам Церкви, подвергались тяжелым искушениям и даже заканчивали свою жизнь подобным образом. Поэтому я советовал бы во всем довериться Богу и Церкви.

По благословию духовника можно читать о некрещеных, умерших без покаяния и самоубийцах молитву преподобного Льва Оптинского: она есть во многих молитвословах. Не случайно и в ней содержится просьба о прощении молящегося: «Не постави мне во грех молитвы сей. Но да будет святая воля Твоя».

Можно понять горе людей, чьи близкие закончили свою жизнь так страшно, и их желание облегчить участь души погибшего. Они и сами нуждаются в утешении и молитве. В таких случаях Церковь прежде всего советует нам творить милостыню за самоубийц — это древнейший церковный обычай: суть его в том, что человек, получающий милостыню, молится о тех, кто ее подает, или о тех, в память кого подают. Лучше, если эта милостыня будет подаваться как помощь действительно нуждающемуся, одинокому человеку.

В чем разница между самокопанием, самоедством и — самопознанием, трезвением?

Преподобный Иоанн в своей «Лестнице» дает такой совет для новоначальных: не увлекаться тонким различением помыслов, то есть преувеличенно тщательным разбором своего внутреннего состояния и движений души. Такое делание требует

большой духовной опытности и при отсутствии должного духовного руководства запутывает человека так, что он теряет какую-либо способность к действию: просто оказывается «погребенным» под грузом того, что сам «накопал» в собственной душе.

Поэтому важно в первую очередь бороться с теми страстями, с теми своими немощами и недостатками, которые очевидны и «лежат на поверхности». И когда мы примемся за такую борьбу, то увидим, что для преодоления какой-то одной достаточно ярко выраженной страсти необходимо столько труда, что это может потребовать приложения всех сил человека.

Занимаясь мелким самокопанием, можно так и не дойти до реального труда над самим собой. В этом и заключается самопознание, которое приходит только с опытом внутренней борьбы. А трезвение — как раз и есть та необходимая рассудительность, которая помогает человеку в его внутренней брани.

Может ли священник требовать, чтобы человек на исповеди открывал все помыслы, даже те, которые человек не принимает? Если же человек этого не делает, то Причастие будет якобы в осуждение. Так ли это?

Такое требование является не только необоснованным, но и вредным. Откровение помыслов возможно исключительно в монастырской жизни. Приходской священник не имеет права требовать такой исповеди. В таинстве Покаяния необходимо открывать только те помыслы, с которыми человек не может справиться,

которые постоянно возвращаются к нему. И если человек ведет внутреннюю брань, отсекает помыслы, то главный смысл этой борьбы — забыть и больше не возвращаться к ним. На что же это будет похоже, если человек сам будет стараться держать в памяти от исповеди до исповеди всю ту грязь, которая в течение дня, недели, месяца (а то и более) приходила к нему на ум?

Поэтому требовать откровения помыслов от мирянина может только человек, который не имеет внятного понятия об основах духовной жизни. Святые отцы о помыслах говорили: «Их дело — приходить, а наше дело — не принимать».

Я люблю животных больше, чем людей. Они беззащитные, не способны мстить, у них нет злого умысла, при этом они любят нас... Скажите, что происходит после смерти животного? Почему нельзя прийти в храм и помолиться за них? Почему у нас в стране жестокое отношение к животным? Когда я где-нибудь слышу, что пострадало животное, у меня сердце кровью обливается, я начинаю переживать, и, наоборот, мне все равно, если это происходит с людьми. Человек грешен,— значит, должен быть наказан, но за что и почему страдают животные?

Для человека нормально и хорошо — относиться к животным по-доброму. Но совершенно недопустимо и греховно любить животных больше, чем людей.

Однозначно ответить на вопрос, что происходит с животными после их смерти, мы не можем.

Дело в том, что в Православной Церкви этот вопрос доктринально не разработан. В Священном Писании нет каких-то конкретных сведений о посмертной участи животных. Почему? — Потому, что Господь Сам, через Священное Писание и Предание, открывает людям то, что **необходимо для их спасения**. Мы можем быть уверены в том, что человек, сотворенный по образу и подобию Божию, обладает бессмертной душой, что мир во всем его многообразии и красоте был создан Богом ради человека, что человек призван к богообщению и в жизни земной, временной, и в жизни вечной.

Мы знаем из Священного Писания и о том, что животные существовали в первозданном Эдеме, что праотец Адам нарицал им имена: *Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей* (Быт. 2, 19). В этом наречении имен — и главенство человека над животными, и глубинное **понимание** человеком всей твари, и ее добровольное подчинение ему. В этом — и полная гармония между ними, утраченная после грехопадения человека.

Действительно, с грехопадением вошли в мир страдания и смерть: *тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее <...> вся тварь совокупно стенает и мучится донныне* (Рим. 8, 20, 22). Однако я не советовал бы Вам идеализировать животных (на самом деле большинство видов вовсе не расположены любить

человека, и, если говорить о дикой природе, в своей среде они достаточно беспощадны друг к другу) и так резко, даже безжалостно относиться к людям, желая им наказания.

Взаимосвязь человека и живой природы так глубока, что только человек может избавить тварь от страдания, исполнив заповеди Божии: *И сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8, 21), — говорит апостол. В глобальном смысле это произойдет тогда, когда исполнятся пророчества Апокалипсиса, в новом мире, преображенном Богом. Пророку Исае было открыто, что на новой земле будут и животные, но тоже в ином, преображенном состоянии, когда они никому не смогут причинить зла: *Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь* (Ис. 65, 25).

Однако примеры восстановленной гармонии между человеком и животными можно видеть и сейчас: и в житиях святых, и даже в жизни наших современников. Вспомните, например, житие преподобного Герасима Иорданского: ему до конца дней служил лев, из лапы которого святой вынул занозу... Особо почитаемые в России преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский даже на многих иконах изображаются с дикими животными — с медведями, которые с доверием приближались к ним и брали пищу из рук святых. Удивительно много подобных случаев встречается в воспоминаниях очевидцев о старце Паисии Святогорце, который относился с го-

рячей любовью и к людям, и к твари, и она отвечала ему взаимностью (среди «близких друзей» старца были и птицы, и ящерицы, и змеи, и лягушки).

Однако, повторяю, восстановление утраченной гармонии происходит тогда, когда человек исполняет заповеди Божии. А главные из них, как говорит нам Сам Спаситель: ***возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя*** (Мф. 22, 37–39). Обретение полноты любви к Богу и людям — вот к чему нам следует стремиться, чему следует посвящать все силы души. Опыт показывает, что всей жизни человека может не хватить на это...

Если попытаться коротко сформулировать то, как следует человеку относиться к животным, то трудно сделать это лучше Премудрого Соломона: *Праведный печется и о жизни скота своего (блажен, иже и скоты милует — церк.-сл.), сердце же нечестивых жестоко* (Притч. 12, 10). Однако в XX веке известный подвижник схиархимандрит Серафим (Романцов), зная изломанное состояние современного человека, так дополнил эту фразу: «Блажен, кто скоты милует, но скажен²⁴, кто скоты любит и этим сравнивал их с человеком». Очень схожие представления об отношении к животным можно найти и у преподобного Силуана Афонского: «Некоторые привязываются к животным, но этим они оскорбляют Творца, ибо человек призван вечно жить с Господом, царствовать с Ним и любить Единого

²⁴ Скаженный (просторечн.) — бешеный, сумасшедший.

Бога. К животным не должно иметь пристрастия, но должно только иметь **сердце, милующее** всякую тварь». Старец при этом говорил своему ученику, что Сам Дух Божий учит **жалеть** всякую тварь.

Значит ли из этих высказываний, что существует, как Вы пишете, «дискриминация» животных? Во-первых, я думаю, что это понятие в данном случае неприменимо. Во-вторых, такое отношение к животным, которое высказывают святые и подвижники Православной Церкви, призвано восстановить **правильную иерархию ценностей** для человека во благо самого человека.

Да, люди сейчас действительно бывают жестоки к животным. Но не менее жестоки они бывают друг к другу, к детям. Все это — следствие утраты духовных ориентиров, порождение той атмосферы, которая нас окружает, того отчуждения людей друг от друга, которое сегодня господствует в обществе. Это результат и такого (популярного ныне) отношения к собственной жизни, когда люди предпочитают не связывать себя серьезными семейными отношениями, не рожать детей. И вот неправильное устройство человеческой жизни в самом ее основании приводит к крайностям: либо к неоправданной жестокости, либо к неумеренной любви — к животным, вещам, самому себе...

Если оглянуться вокруг, заметно, что очень многие, скажем так, чрезвычайно активные любители животных сегодня — это люди, которые не имеют семьи. Человек расходует на это неистраченные силы своей души. Ведь Господь

вложил в нас много любви, с «запасом», благословив семейную жизнь, и поэтому семья должна быть большая. Животные в доме тоже могут быть, но им следует отвести определенное место. Если это собака, например, она должна караулить дом и жить в будке, а не спать в хозяйской постели или занимать две трети городской квартиры.

Поэтому главное, о чем должен в своей жизни заботиться человек, — о своем спасении, о восстановлении разрушенных грехом взаимоотношений с Богом, молиться о даровании любви — к Богу и людям. Надо постараться построить свою жизнь на этом фундаменте, и тогда все в ней встанет на свои места.

Существует ли явление телегонии? Есть теория, утверждающая, что первый партнер женщины закладывает генофонд для всех ее будущих детей. И что же делать, если девушка искренне раскаивается в случившемся? Слышала, что, если покаяться на исповеди, можно получить прощение.

Теория так называемой телегонии — очень спорная и, скорее всего, ненаучная. Но мы, христиане, знаем, что есть определенные законы духовной жизни и что грех (а блудное сожителство является грехом) никогда не проходит для человека бесследно. Эта поврежденность грехом отражается на всей жизни человека, в том числе и на его семейной жизни, на его близких, детях. Если человек принес Богу искреннее покаяние в таинстве Исповеди, причастился Святых Христовых Таин, если он имеет решимость бороться

с этим грехом, не повторять его, Господь разрешает человека от этого греха и подает ему Свою помощь.

В моем подчинении работала православная девушка. Очень часто, не выполнив свою работу, она уходила помогать в храм, а работу вынуждены были доделывать другие люди. В дни постов и праздников она просто третиговала невоцерквленную часть нашей комнаты, навязывая необходимость эти посты и праздники соблюдать. Когда она была уволена за то, что не хотела работать, она рассказала всем, что ее выгнали за религиозные убеждения. Разве нельзя совмещать трудовую дисциплину и религиозные взгляды, не задевая при этом чувств окружающих? Можно ли работать в дни церковных праздников?

Многие из тех, кто ходит сегодня в храм, — это новообращенные христиане, неофиты. Слово это можно воспринимать как обозначение определенного явления в церковной жизни. С одной стороны, множество неофитов — это свидетельство о том, как много людей сегодня приходит ко Христу. Это причина нашей радости, нашего упования, нашей надежды на то, что ни для страны, ни для Церкви не потеряно ни одно поколение из живущих сегодня. Но, с другой стороны, это явление стало источником определенного напряжения в церковной среде, причиной тех «болезней», о которых мы много говорим последнее время. Например, младостарчество целиком и полностью основано на неофитстве, которое характерно

не только для верующих, но и для значительной части духовенства.

Действительно, таких людей, как та девушка, о которой Вы рассказываете, достаточно много, и нам всем часто приходится встречаться с ними. Для кого-то неофитское отношение к жизни, к окружающим людям лишь этап духовной жизни; он проходит, потому что человек, благодаря воспитанию, здравому смыслу, ответственности, такту, его преодолевает и все крайности сглаживаются. Но иногда, к сожалению, преодоления не происходит: неофит «ломается» сам и «ломает» многих людей, которые находятся с ним рядом.

По большому счету, неофитство — это проблема человека, не имеющего корней в церковной традиции. Я часто думаю о старых людях, вспоминаю свою бабушку и людей ее поколения, проживших очень деятельную и тяжелую жизнь. Мне приходилось общаться с замечательными, очень интеллигентными московскими старушками, в том числе с теми, к кому относилось такое ныне забытое понятие — аристократия. Многие подруги моей бабушки, наоборот, были людьми деревенскими, крестьянского происхождения. Это были люди очень разные по своему воспитанию, образованию, но, поскольку все они были верующими, церковными, православными людьми, у них было и нечто общее — чувство, которое я сегодня охарактеризовал бы как чувство естественности своего христианства. Они не считали свою веру чем-то необыкновенным, не выставляли ее напоказ, не мучили ею тех своих близких, которые не пришли в Церковь. Христиане того

поколения жили в окружении безбожников, причем безбожниками становились самые близкие, дорогие для них люди — супруги, дети, внуки... Веруя и исповедуя свою веру, они не шли в этом отношении на какие-то компромиссы: соблюдали посты, ходили в те немногие храмы, которые тогда оставались. И тем не менее в общении с окружающими оставались необыкновенно добрыми, приветливыми, сердечными, я бы выразился по-старинному, — благоуветливыми людьми. С ними было легко, тепло и приятно находиться каждому человеку. Они выросли в вере, отстаивали свое право верить, и то возрождение Церкви, что мы видим сегодня, произошло по молитвам этих людей.

Современные неопиты чувствуют себя по-другому. Они очень хотят со всеми поделиться своей верой (и зачастую тратят на это очень много времени и сил), но при этом стараются **навязать** свои ощущения, выводы, свои чувства — прекрасные, Богом данные, но не выстраданные и не пережитые другими людьми. В какой-то степени это проявление самых добрых намерений по отношению к ближнему: «Я прошел путь, очень сложный, тяжелый. Падал, вставал, искал — и нашел Бога. А этот человек — нет, и мне хочется ему помочь, облегчить ему жизнь, чтоб он не делал таких глупых ошибок». А человек так не может! Он не в состоянии принять «готовую» веру: он тоже должен найти ее сам, она должна войти в его сердце. Поэтому здесь принцип «простой передачи» не работает и возникает конфликт.

Но можно и еще шире взглянуть на эту проблему. На самом деле перед нами болезнь, кото-

рой особенно страдает сегодня мир — **усиливающееся нечувствие** другого человека. Мы не можем поставить себя на место другого. Не можем вспомнить, какими были мы сами всего два-три года назад и как среагировали бы на категоричные указания, скажем, надеть платок или не есть колбасу по пятницам...

Что же касается жизни христианина в миру, его работы, — здесь надо помнить для себя главное: Церковь учит нас относиться к любому труду как к послушанию. И если речь идет о работе, то для верующего это не просто отбывание трудовой повинности в течение какого-то срока, сопровождающееся вечным недовольством, что мало платят. Христианину подобает относиться к своему труду как к служению, которое благословлено Богом. И если такое отношение есть, сами собой решаются вопросы, поставленные в этом письме.

Как жить, чтобы не задевать чувства окружающих? Быть твердым, не поступаться своими взглядами и убеждениями, но в то же время не пытаться их навязать кому-то. Это вовсе не значит, что христианин не может проповедовать слово Божие, не должен остановить человека падающего или помочь сомневающемуся. Есть очень хороший монашеский принцип — отвечать только вопрошающему. И мирянину об этом принципе тоже необходимо почаще вспоминать.

Можно ли работать в дни церковных праздников? И здесь надо подходить с рассуждением, помня о главном: мы не имеем права в эти дни подменять работой молитву — свой малый дар Богу,

который мы приносим Ему, участвуя в праздничном богослужении. В большинстве городских храмов в праздники совершается ранняя литургия, как раз для людей работающих: можно помолиться, может быть, даже причаститься Святых Христовых Таин — и идти на работу: никакого греха в этом нет.

Если человек смотрит на свою деятельность в миру как на послушание, отпадает и вопрос, что важнее: вера или трудовая дисциплина? Если труд благословлен Богом, то трудовая дисциплина становится частью религиозных взглядов: они неразделимы. А христианское отношение к своим обязанностям требует от человека максимальной добросовестности.

У меня очень много хороших знакомых, которые являются прихожанами разных протестантских церквей. Многие из них стараются при каждой встрече показать мне силу своей церкви и каким-то образом «открыть мне глаза» на «истину» того, что там говорят. Я же с самого детства хожу в церковь православную, но уже был случай, когда Господь показал мне, что я сомневаюсь в своей вере...

Сейчас меня очень беспокоит то, что эти разговоры об истине с людьми иного вероисповедания происходят со мной очень часто, и я не имею слов, чтобы доказать им свое мнение. Или этого вообще не нужно делать? Может, это делается для того, чтобы показать мне, насколько я еще мало знаю о своей вере?

В Первом послании апостола Петра есть такие слова: *будьте всегда готовы всякому, требую-*

щему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением (1 Пет. 3, 15).

Но, к сожалению, мы ленивы и не любим учиться. Наши верующие православные люди очень часто не знают основ своей веры, не могут их точно сформулировать, ответить на вопросы, которые задают им инославные. Внешне протестанты и представители разных сект выглядят людьми, гораздо лучше знающими Священное Писание, больше знающими о Боге, хотя по большому счету это не так. Метод обучения сектантов религиозным истинам больше всего напоминает тот, который употреблялся в свое время в Китае, когда людей заставляли заучивать наизусть отдельные цитаты из так называемых «цитатников» — книжек с нарезанными изречениями Мао Цзэдуна и других «основателей» китайского коммунизма. Поэтому в большинстве случаев сектанты знают практически наизусть лишь те места из Священного Писания, которые, как им кажется, подкрепляют те или иные положения их учения. Как правило, это места, которые на самом деле ничего не доказывают, поскольку вырваны из контекста. Но при том значительная часть наших прихожан знает Священное Писание еще хуже, почему и получается, что очень часто в споре они проигрывают.

Поэтому, для того чтобы уметь ответить протестантам, нужно только одно — познавать свою веру: читать книги, очень внимательно изучать Священное Писание и святых отцов. Не просто прочитать один раз Евангелие, а читать его постоянно, ежедневно. И, читая, обращаться к святоотеческим толкованиям — к тем разъяснениям, которые

Церковью признавались аутентичными²⁵ на протяжении всей ее истории. И тогда никакие вопросы, даже самые каверзные, не смогут поколебать Вашей веры.

Сейчас при многих храмах создаются воскресные школы для взрослых и детей, молодежные общества, миссионерские центры, где можно изучить Священное Писание и основы православной веры. Постарайтесь найти такой коллектив, обрести единомышленников. Это Вам очень поможет.

²⁵ Аутентичный — подлинный, исходящий из первоисточника.

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Как пережить кризис, не впадая в уныние?

Первые слова Христа, с которыми Он обратился к ученикам после Своего воскресения: *Не бойтесь!* (Мф. 28, 10). С них начинается история христианской Церкви и история христианской цивилизации. Эти слова надо помнить всегда, как бы ни было тяжело и сложно.

Сейчас действительно много говорят о том, что нас ждут непростые времена. Но мы, взрослые люди, уже сталкивались с немалыми трудностями: еще свежи в памяти 90-е годы XX века. Мы пережили их по милости Божией.

Само же слово «кризис» переводится с греческого как «суд», и это очень точное определение. Ведь человек понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Но если делать плохие вещи — выгодно, он будет поступать плохо, постарается извлечь эту выгоду. К сожалению, человек **удобопреклонен ко греху**. Его проще склонить к плохому, чем к хорошему. Добро требует приложения душевных сил, добро творить труднее, даже в малом: место в трамвае уступить, сдерживать гнев, поступить по совести... И в этом смысле сегодняшний кризис является судом — расплатой за недолжное поведение, свидетельством удобопреклонности человечества ко греху в мировом масштабе.

Сегодня мир побежден чудовищной идеологией потребления. Она заставляет человека покупать и покупать новые вещи просто для того, чтобы чувствовать себя современным: менять часы, потому что они вышли из моды, покупать мобильные телефоны с новыми и новыми опциями... Чтобы все — костюм, квартира, машина, а подчас даже и жена — соответствовало сегодняшнему эталону. Все это искусственно подогревается торговыми и промышленными компаниями, которые получают прибыли и сверхприбыли на эти прибыли.

Люди забыли, что главная ценность в мире — это бессмертная человеческая душа, а все остальное — лишь средства к поддержанию жизнедеятельности. В этом — главная причина проблем: и в личной жизни каждого человека, и на мировом уровне. И не существует какого-то другого выхода, кроме духовного возрождения общества.

Одна из Божиих заповедей гласит: «Не сотвори себе кумира». Наблюдая за истерией, возникшей после внезапной смерти одного из таких кумиров — Майкла Джексона, я хотела бы задать давно интересующий меня вопрос. Талант, которым, без сомнения, обладают люди, достигшие такой популярности, в том числе и наши соотечественники, — это Божий дар? Но тогда почему в большинстве случаев их жизнь и смерть трагичны? То есть получается, что за все надо платить? Или это все-таки не Божий дар?

Вспомните евангельскую притчу о талантах (см.: Мф. 25, 14–29). Талант — это действительно дар Божий, но человек может использовать его,

приумножая, а может закопать в землю. Майкл Джексон, безусловно, был талантливым человеком. Но современный шоу-бизнес не приводит людей к Богу, а, наоборот, от Бога удаляет, и жизнь тех, кто подобной деятельностью занимается, строится далеко не на евангельских принципах. А раз так, то, действительно, можно сказать, что приходится расплачиваться, но не за обладание талантом, а за отказ от Богом данных законов, по которым должен жить человек, за сознательное их нарушение. Отсюда все трагедии, которые происходят в жизни многих известных (и неизвестных) людей.

Как уберечься от крайностей глобализации, того общемирового процесса, который, при всех его положительных сторонах, способствует нивелировке массового сознания, наносит непоправимый вред духовному состоянию человечества?

Глобализация — это действительно большое испытание для всего человечества. На мой взгляд, это очередная самовольная попытка устроить рай на земле, причем рай, в котором нет Бога. Это еретическое, по своей сути, стремление вступает в противоречие с христианским мироощущением. На смену одной утопии, коммунистической, в массовое сознание человечества сегодня внедряется новая, не менее чудовищная, но гораздо более жизнеспособная. Если идея построения социализма и коммунизма была обращена к каким-то хоть и искаженным, но все же идеальным и высоким целям — справедливости и

всеобщего равенства, то адепты построения «всемирного общества потребления» открыто используют самые низменные инстинкты человеческой природы. Цель при этом полагается не *вне* человека, а в самом его греховном существе, то есть в том, что Церковь призывает исправлять и очищать. Таким образом, нынешние властители дум человечества открыто бросают вызов Богу.

По сути дела, сегодня человечество в очередной раз строит вавилонскую башню. До сих пор Господь, по Своей милости, разрушал все вавилонские башни, и, поскольку еще остались люди, приходящие к Богу, сохраняется надежда, что и эта башня будет разрушена: мы знаем, что конец наступит тогда, когда в мире не останется людей, готовых принять Слово Божие. Есть такое понятие, как «предпотопное человечество», характеризующее состояние мира, когда, условно говоря, Бог ходит с фонарем в поисках живого человека, но никто не отзывается. Сегодня же, повторяю, в храмах еще можно видеть людей, способных воспринимать евангельские истины. Поэтому нам остается уповать лишь на Божие заступничество и вмешательство. Лишь пример добродетельной христианской жизни может быть достойным ответом тому вызову, который бросает нам современный мир.

На ваш взгляд, оправдано ли такое неременное требование к входящей в храм женщине: быть «покрытой», то есть иметь на голове платок? Известные слова апостола Павла от-

носятся к совершенно другому обществу, к совершенно другому и давным-давно минувшему укладу жизни; о какой власти над современной женщиной можно сегодня говорить, о каком ее младшинстве и зависимости? Хорошо, можно согласиться, что это «просто традиция»; но стоит ли придавать этой традиции такое колоссальное значение и требовать ее соблюдения столь категорично, как сегодня это наблюдается в Церкви?

Апостол Павел был еще и против мужеложества — кому-то и это сегодня кажется устаревшим... Вот что важно понять: если женщина добровольно (я подчеркиваю, добровольно) соглашается надеть платок прежде, чем войти в храм,— это знак того, что она принимает факт неравноправия. Да, мужчина и женщина неравноправны — в хорошем смысле слова. Они, конечно, равноправны в смысле прав человека, но они не одинаковы; функция мужчины — одна, функция женщины — другая, прежде всего, конечно, быть матерью. Это не младшинство, нет. Это инаковость. При этом я совершенно убежден, что никакие традиции не должны ставиться во главу угла. Огромное количество людей входит в храм впервые, и если в первый раз вошедшую в храм женщину встречают вот таким образом: «Почему нарядилась, почему без платка, почему в брюках?», она воспримет Церковь как систему запретов: так нельзя, эдак нельзя... Система запретов ни к чему хорошему не приведет. Некоторые вещи в человеке должны сами произрасти. Ведь наше внешнее поведение — это выражение

внутреннего устройства. Чем правильнее внутреннее устройство, тем сдержаннее, благообразнее будет внешний облик. Вот почему начинать надо с воспитания чувств.

Как в современных условиях совместить рабочий режим с режимом богослужений?

Когда я был приходским священником в Москве, это был постоянно задаваемый вопрос: ведь сегодняшние прихожане — люди в основном не пенсионного возраста. Да и Москва такой город, что, пока до храма доедешь, служба уже и кончится. Что ж, брали благословение и читали каноны или акафисты дома, а если какой-то большой праздник, на работе отпрашивались. Все мы понимаем, что жизнь в миру и монастырский устав — это разные вещи; все службы посещать невозможно. Иной раз, когда нет возможности пойти на службу, а душа рвется в храм, на выполнение своих обязанностей по работе или по дому можно взглянуть — до некоторой степени — как на духовное упражнение; так что в принципе всегда можно найти выход из положения и получить духовную пользу.

Может ли богатый быть хорошим христианином?

Нельзя ответить «в общем», поскольку каждый человек существует в развитии. Богатый человек может быть христианином, но чем более хорошим христианином он будет, тем скорее перестанет быть богатым, потому что просто не сможет равнодушно смотреть на то, что рядом люди голодают, кому-то негде жить, что есть

сироты, о которых просто некому заботиться. Святитель Иоанн Златоуст, обращаясь к богатым, говорил: Бог дал тебе богатство для того, чтобы ты распорядился им так, как Он этого хочет.

Каков взгляд Церкви на демографический кризис?

К сожалению, говоря о способах решения демографической проблемы, у нас очень много уповают на улучшение финансового положения семей. Действительно, хорошо иметь нормальные бытовые условия для детей, финансовые возможности для их воспитания. Все это так — не будем заниматься демагогией и говорить, что это не важно. Но, с другой стороны: мы видим, что сейчас вполне обеспеченные люди не хотят иметь более одного-двух детей. А ведь наши родители, бабушки и дедушки растили нас в условиях, гораздо более сложных, и, слава Богу, и воспитали, и вырастили.

Дело в том, что основная проблема, с которой сегодня сталкивается не только Россия, но все человечество (причем, я подчеркну, секулярное человечество, сознательно отказавшееся от Бога), — это то, что мы живем в обществе победившей идеологии потребления. Это неправда, когда говорят, что сегодня идеологии нет. Неправда, что мы живем в каком-то внеидеологическом обществе. Ничего подобного. Победившая, существующая идеология — это идеология потребления: «Бери от жизни все!». Этот лозунг необыкновенно популярный и легко исполнимый. Человек так устроен, что, для того чтобы сделать что-то требующее

самоотдачи, самопожертвования, ему нужно прилагать усилия. А вот для того, чтобы просто «брать все» от жизни, никаких усилий прилагать не надо.

Помните, некоторое время назад была такая реклама: «Такой удобный мир!». Если мы выпускаем в мир молодежь, убежденную, что надо только брать от жизни, она и будет *брать*. Но для того, чтобы родить детей и их воспитать, нужно уметь *отдавать*. И нужно учить этому молодых людей — отдавать и получать от этого радость, быть счастливыми. А когда человек знает, что, для того чтобы быть счастливым, нужно брать, он так и будет всю жизнь жить в одиночестве и считать, что он еще не всё от жизни взял. Поэтому общество, которое отказалось от Бога, общество, в котором нет самопожертвования, религиозной мотивации к рождению и воспитанию детей, обречено на вымирание. Все цивилизации, в которых господствовала философия наслаждения, погибли. И если наша европейская цивилизация пойдет по этому пути, она тоже обречена. На смену народам, которые не хотят рожать детей, придут те, у которых принята многодетность.

Хорошо, что сегодня государство уделяет большое внимание демографической проблеме. Но, кроме материального стимулирования, необходимо обратить внимание на воспитание нравственности в молодых людях.

Сегодня многие воспринимают мировой финансовый кризис как естественное следствие того состояния, в котором наше обще-

ство существовало последние годы. Как Вы к этому относитесь и какой в этом случае должна быть роль Церкви?

Общество потребления — это не просто очередная социальная утопия, какой была в свое время коммунистическая идея. Это утопия, смертельная для цивилизации. И, конечно, кризис в этом контексте можно рассматривать как одно из ее проявлений.

Роль Церкви в этой ситуации может быть очень велика. Другое дело, что не существует каких-то сиюминутных выходов из положения. Церковь прикладывает усилия к тому, чтобы каждый человек узнал Евангелие, пропустил его через свое сердце, а это длительный процесс, особенно сегодня, когда, кроме голоса совести, в каждом человеке с пеленок звучит огромное количество «голосов», которые призывают его жить не так, как Бог велит, а как хочется. Человека буквально рвут на части все, кто предлагает ему «отрываться», получать удовольствие в этом «удобном мире» (хотя это огромная ложь: он на самом деле неудобен). Именно поэтому человек сегодня — более чем когда-либо — склонен пройти мимо Церкви.

Но человек не приспособлен к такой жизни, он ломается, и ломается очень быстро. И самое обидное, что значительная часть людей, которые все-таки доходят до храма, оказывается сломанной, и очень сложно бывает помочь этим людям восстановить в себе какие-то человеческие реакции, человеческое отношение к жизни. Прежде чем объяснить пришедшему, как ему нужно жить, его нужно вылечить, просто привести в чувство,

вернуть ему человеческий облик. Это сегодня тоже очень большая проблема, которая стоит перед Церковью. На самом деле, она стоит и перед обществом тоже, просто общество закрывает на это глаза...

В последние годы принято ставить знак тождества между понятиями «духовность» и «религиозность». Действительно ли они взаимосвязаны или эти понятия могут совмещаться в одном и том же человеке, абсолютно не «пересекаясь»?

Тут всё зависит от того, что понимается под словом «духовность». В богословии есть четкое разграничение двух близких, но разных понятий — «духовность» и «душевность». Душевность — это проявление у человека интереса к прекрасному, к культуре, искусству, которое, действительно, совершенно не обязательно будет тождественно религиозности. Человек может быть утонченным эстетом и при этом последним подлецом или циником. Известный исторический факт: Гитлер был большим знатоком и ценителем музыки Рихарда Вагнера.

А вот духовность — это понятие из области религиозной жизни, той жизни, которая строится на основе веры.

В то же время душевность является первым шагом к тому, чтобы обрести способность верить в Бога. Человек душевный — это человек с глазами, раскрытыми для восприятия всех достижений человеческого гения. Конечно, с точки зрения Церкви и веры, такой человек лучше того,

кто идет и ничего на своем пути не замечает, находясь как бы вне контекста человеческой истории и культуры. А подобных людей сегодня, к сожалению, немало.

Что делать православному христианину, если в его присутствии ругают и осуждают Церковь, духовенство, таинства? Не считается ли он соучастником этого страшного и тяжкого греха, если промолчит?

Православный христианин должен чувствовать в этот момент то же, что чувствует любой нормальный человек, если в его присутствии ругают его мать... Что делать? В зависимости от ситуации можно поступить различно, но ни в коем случае не молчать, делая вид, что тебя это не касается. Если нет возможности остановить «собеседников», то надо прервать общение с этими людьми и уйти. Если человек ведет себя трусливо, то становится соучастником греха. Относиться к хулителям Церкви и святых надо как к людям заблуждающимся, ни в коем случае не давать места гневу, который, по слову Священного Писания, *не творит правды Божией* (Иак. 1, 20). Необходимо также приложить все усилия для того, чтобы объяснить людям их заблуждение и рассеять предубеждение против веры и Церкви.

Как быть с нищими у храма, от которых чувствуется запах перегара? Вроде бы и помочь хочется, но они нагло себя ведут и могут деньги пропить...

Я думаю, лучше придерживаться такого правила: людям с явно выраженными признаками

хронического алкоголизма денег не подавать. Священникам я советую: если есть такая возможность, кормить таких людей при храме, но не давать им в руки денег, потому что они их, действительно, пропьют. То же самое можно посоветовать и мирянам, которые хотят помочь.

Мне часто приходится слышать от моих знакомых, очень набожных, верующих людей, что бизнес — это грешное дело, а деньги — зло. А священники освящают магазины, присутствуют на юбилеях крупных компаний... Что Вы по этому поводу думаете?

Я думаю, что «набожные верующие люди», которые говорят, что бизнес — грех, а деньги — зло, несколько превышают свои полномочия, говоря это от имени Церкви. Бизнес — это на самом деле человеческий труд. И ни Церковь никогда не говорила, что труд является грехом, ни в Слове Божиим нет на это никаких указаний. А деньги — это эквивалент человеческого труда. Проблема не в том, что деньги существуют на свете, а в том, как люди относятся к этим деньгам. Если они готовы идти на преступление вплоть до убийства других людей для того, чтобы деньги заработать, исповедуют принцип «деньги не пахнут», если в бизнесе для них нет моральных норм, — это одно. А если люди получают за свой труд адекватную зарплату, — совершенно другое. И я думаю, что Церковь может благословлять людей работающих, желая им успеха и помощи Божией в их деятельности.

Не является ли проявлением гордыни стремление к признанию, к успеху (в профессии, в бизнесе)?

Стремление к успеху в профессии и в бизнесе само по себе не является проявлением гордыни. Для верующего человека нормально и правильно прилагать все усилия для того, чтобы достойно делать свое дело, добиваться в нем результатов. Однако стремление к преуспеванию в мирских делах не должно разрушать человека, а такое происходит, если это преуспевание становится главной целью жизни человека, все себе подчиняет; когда человек, как говорится, не разбирает средств для достижения своей цели, а достигнув чего-то, закосневает в гордыне и самомнении. Предельно ясно об отношении к земным вещам сказано Спасителем в Евангелии: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33). Так что старайтесь жить христианской жизнью, участвовать в таинствах Церкви и свои внутренние желания и поступки соотносить с Евангелием.

Как нужно относиться к торговой сфере деятельности с ее понятиями: наценка, доход?.. Как православному христианину выжить в этой сфере?

Надо просто постараться делать все честно. Заниматься торговлей можно, ничего заведомо греховного и преступного в ней нет, если человек сознательно не будет воровать, обманывать, обвешивать и так далее. Торговля всегда присутствовала в человеческом обществе. Каждый человек,

который продает товар, не произведенный им самим, вкладывает в это определенные средства: скажем, на транспортировку, содержание магазина, оплату труда тех, кто в нем работает. Поэтому наценку, если она справедливая, можно также считать оплатой труда людей, занятых в сфере торговли.

В Интернете на православных сайтах размещено очень много объявлений от имени священнослужителей с просьбой к православным о финансовой помощи. Я знаю, что Патриарх Алексий II запретил собирать подаяния на церковные нужды в публичных местах (вне стен храмов), чтобы мошенники не имели возможности прикрываться святым именем Церкви. Относится ли данное распоряжение Святейшего к СМИ и Интернету?

Святейший Патриарх действительно запретил духовенству Русской Православной Церкви собирать подаяние в общественных местах. Поэтому, когда Вы видите, что люди в непонятных черных одеяниях просят милостыню на храмы, неизвестно, существующие ли в природе, на улицах или, как например, в Москве, в метро, Вы вправе усомниться в чистоте их намерений.

Однако не следует забывать, что на сегодняшний день единственный финансовый источник существования Православной Церкви в России — добровольные пожертвования прихожан. Они могут осуществляться в виде пожертвования на свечи, книги, иконы в церковных лавках, а также как прямое целевое пожертвова-

ние на ремонт или реставрацию храма. И очень многие храмы в нашей стране восстанавливаются из руин только благодаря спонсорской помощи. Естественно, что настоятелям этих храмов приходится просить этой помощи — при личных встречах или так, как Вы пишете, размещая информацию о храме в Интернете, на православных сайтах. Как правило, при этом легко можно уточнить, что это за храм, на что будет истрчено пожертвование. Поэтому в размещении подобных объявлений в Интернете я не вижу ничего плохого.

Из-за мошенничества я лишился крупной суммы денег. Должен ли я обратиться в правоохранительные органы? Имеет ли право на существование уголовное наказание с христианской точки зрения?

Вам обязательно следует написать заявление в правоохранительные органы, чтобы привлечь мошенника к ответственности. Именно потому, что, возможно, он обманывал кого-то раньше и будет продолжать обманывать в будущем. Если есть такая возможность, следует остановить человека в его антиобщественном поведении. Никакого противоречия с заповедью *не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1) здесь нет, потому что в данном случае Вы защищаете не только себя, но и других людей.

Уголовное наказание, если смотреть шире, — это, конечно же, «дань» *ветхому человеку* (см.: Еф. 4, 22; Кол. 3, 9), и поскольку это ветхое в каждом человеке и в обществе в целом занимает еще слишком большое место, то государству приходится сохранять такие учреждения, как суд и система исполнения наказаний.

По словам одного русского философа, мы не можем сделать жизнь на этой земле раем, но это не значит, что мы не должны препятствовать тому, чтобы она стала адом. В этих словах и заключается правильное отношение христианина к подобным явлениям.

Почему духовенство освящает оружие? Не получается ли, что Церковь благословляет людей на убийство?

Дело в том, что понятие «война» совсем не равнозначно понятию «убийство». Война — это такое событие, на которое человек отправляется не *убивать*, а *умирать* сам. Поэтому, с одной стороны, Церковь молится о воинах, благословляет их, освящает их оружие, потому что для нас война — это защита своего Отечества, мирного населения, это исполнение заповеди Божией о том, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13).

С другой стороны, если человек, даже совершая доброе дело, защищая других, при этом кого-то убивает, — конечно же, он совершает грех: убийство остается убийством. В древности воинов, о которых молилась Церковь, которых Церковь напутствовала, посылая на сражение, все-таки отлучали от Причастия на определенный срок, потому что даже враги, которые пришли нашу землю завоевывать, убивать, грабить, — это люди, в них тоже заключен образ Божий.

Здесь не противоречие — здесь антиномия, которыми полна наша жизнь, что является одним из последствий того состояния грехопадения, в котором все мы находимся.

Почему в церквях продаются иконы, кресты — это же должно даваться человеку даром? Почему крещение или отпевание имеет цену, это же должны делать бескорыстно?

Я не совсем понимаю, почему иконы и кресты «должны даваться даром». Дело в том, что кто-то же эти кресты и иконы делал. Мастера, которые их изготавливают, тоже должны на что-то жить. Если они пойдут в магазин, никто не даст им даром хлеба, молока; их не освободят от обязанности платить за квартиру, газ, электричество и т.д. Деньги — это эквивалент определенных отношений в обществе, в котором все мы живем. *Трудящийся достоин пропитания* (Мф. 10, 10), — так говорится и в Священном Писании.

В православном храме нет никаких «обязательных платежей», здесь есть только добровольные пожертвования. Что касается совершения таинств, исполнения треб — да, это должны делать бескорыстно. Если человек имеет возможность и желание сделать при этом пожертвование на храм, он его делает. Если такой возможности нет, крещение, отпевание будут совершены бесплатно. Если в нашей епархии в каком-то храме это нарушается, пожалуйста, сообщайте мне: я буду принимать меры. С другой стороны, для верующего человека нет никакой проблемы в том, чтобы сделать пожертвование на храм: он понимает, что это необходимо. Ведь храмы опять же существуют не в безвоздушном пространстве: их нужно содержать, ремонтировать, платить зарплату тем, кто там работает.

Как Церковь относится к лечению гомеопатией?

Гомеопатия — одна из разновидностей медицины, которая сегодня считается вполне традиционной.

Многие достойные люди, в том числе и прославленные ныне в лике святых — святитель Феофан Затворник, святитель Игнатий (Брянчанинов) — лечились гомеопатическими средствами и рекомендовали их своим близким и духовным чадам. Другие, не менее достойные люди, относились к гомеопатии с настороженностью. Поэтому лечение гомеопатией — вопрос личного выбора человека, и только.

Нормально ли, что на всех федеральных каналах регулярно обсуждают лунные календари, совершенно серьезно рассказывают о ведьмах, колдунах, пришельцах, показывают «битвы экстрасенсов»? Биоэнергетики активно рекламируют себя в СМИ, а «бабы Ани» обещают вернуть мужа на фоне иконы. Это правильная информационная политика или я чего-то не понимаю?

Это абсолютно ненормально, так же как потоки жестокости, насилия и порнографии, которые льются на зрителей с телеэкранов. Это коммерция. К сожалению, никакие протесты общественности, Церкви — а она неоднократно предупреждала о разрушительности современной политики телевидения и других СМИ для жизни нации — не имеют результатов. Слишком большие, даже огромные деньги зарабатываются на этом безобразии. Поэтому даже попытки создания Общественного совета наблюдения за нравственностью в СМИ с крайне размытыми функциями встречены в штыки, а их инициаторам объявлена беспощадная война.

Что-то непонятное творится с моим братом. Он заговаривается, очень боится заходить в цер-

ковь, говорит, что видит всякую нечисть. Врачи поставили диагноз — шизофрения. Как нам помочь ему? Раньше мамина сестра постоянно приносила какую-то воду и говорила, что она заговоренная от болезней, брат ее пил. Может, она навела порчу?

Если Вашему брату поставлен диагноз «шизофрения», то, скорее всего, его видения — следствие болезни, и было бы правильным прежде всего исполнять все рекомендации врачей. Следует бороться с болезнью, а не с диагнозом. К сожалению, часто бывает так, что люди, у которых диагностирована психическая болезнь, и их близкие начинают бороться именно с диагнозом: они пытаются доказать всем: самим себе, больному, окружающим, что человек на самом деле здоров, что у него «порча» или другие «временные сложности». Этим можно только усугубить болезнь. Психические заболевания возникают по самым разным причинам. Поэтому прежде всего, чтобы помочь брату, исполняйте рекомендации специалистов: чем лечиться, как понять больного человека и общаться с ним.

А что касается «заговоренной от болезней» воды, то, к сожалению, проблема не в том, что кто-то мог с ее помощью «навести порчу», а в том, что в принципе нельзя обращаться к разного рода колдунам, экстрасенсам, гадалкам и прочим. Церковь все время говорит об этом, но люди не хотят слушать: они почему-то доверяют «бабкам» больше, чем врачам и духовенству. Опыт любого священника показывает: после обращения к «целителям» человеку становится еще хуже.

Попробуйте научиться относиться к болезни брата по-христиански — как к испытанию, которое

попущено человеку Богом по Его милости, — возможно, для того, чтобы и он, и Вы обратились к Нему, приложили усилия, чтобы узнать свою веру, начали жизнь в Церкви, прибегая к таинствам Исповеди и Причастия.

Проводит ли Православная Церковь какую-либо работу с так называемыми «пасторами» различных сект? Ведь не секрет, что в секты в период безвременья в России попали лучшие люди, идущие по пути духовных исканий и сделавшие в свое время роковую ошибку. Они искренне убеждены, что приносят людям пользу своей деятельностью. Есть ли у нас что-нибудь подобное «Альфа-курсу»²⁶ сектантов?

Действительно, к сожалению, так сложилось, что в 1990-е годы, когда Церковь, еще лежащая в руинах, только начала выходить из «поднадзорного» и безгласного состояния, на которое ее обрекла советская власть, в нашу страну хлынуло огромное количество проповедников с Запада, хорошо вооруженных и достаточно состоятельных, которые, действуя разными способами, не брезгуя в том числе и прямым подкупом, смогли привлечь к себе достаточное количество сторонников. И вы абсолютно правы в том, что в это время в протестантские церкви и секты попали люди, которые искали Бога, но не получили должного ответа в православном храме или не встретили в нем такого человека, который мог бы показать им дорогу к Богу.

²⁶ «Альфа-курс» — знакомство с вероучением, проходящее в форме семинаров, миссионерская программа, принятая в ряде религиозных организаций неопятидесятнического толка.

Сегодня Церковь считает просветительскую деятельность одной из главных своих задач. Мы «ведем работу» с каждым человеком, который приходит в храм. И я думаю, что чем больше будет православных храмов и образованного, просвещенного и ревностного духовенства, тем больше людей, в свое время попавших сектантские сети, будет возвращаться в Церковь Православную.

Насколько я знаю, попытки перенести «Альфа-курс» в современную миссионерскую практику Православной Церкви были предприняты, но они получили очень неблагоприятные отзывы. Во-первых, потому, что в «Альфа-курсе» используются методы нейролингвистического программирования²⁷ и эриксоновского гипноза²⁸, которые могут нанести вред душе человека. Во-вторых, потому, что такой курс может дать самое «внешнее», обедненное, отстраненное знание о христианстве, но не может помочь человеку войти в жизнь Церкви, начать участвовать в таинствах, полюбить богослужение. Сейчас на многих приходах действуют воскресные школы для взрослых и детей, молодежные объединения. Они могут дать первоначальные знания и то человеческое общение, которое людям необходимо. Но войти в Церковь без Церкви невозможно.

²⁷ Нейролингвистическое программирование — методика, применяемая с целью манипулирования людьми, разновидность суггестивной психотерапии, направленная на изменение поведения человека путем формирования заданных программ в «замаскированной» вербальной форме.

²⁸ Эриксоновский (или недирективный) гипноз — вид психотерапии, предполагающий работу с косвенными внушениями, при этом гипнотизируемый находится в сознании. Получил свое название по имени М. Эриксона, американского психиатра и психотерапевта. Изучается в том числе и на семинарах по нейролингвистическому программированию.

СЕМЬЯ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

В каких случаях Православная Церковь дает благословение супругам разводиться и как это согласуется со словами Спасителя: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6)?

Церковь не дает «благословения супругам разводиться». Церковь, по снисхождению к человеческой немощи, в случае если брак распался по вине одного из супругов, признает факт распада этого брака и благословляет невиновной стороне вторичное венчание тогда, когда у человека есть желание вступить во второй брак.

В современной практике при решении подобных вопросов Церковь руководствуется положениями документа «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Приведу отрывок из главы X — «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности»: **«Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака**, основываясь на словах Господа Иисуса Христа: *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает... Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует* (Мф. 19, 6, 9). Развод осуждается Церковью, как грех, ибо он приносит

тяжкие душевные страдания и супругам (по меньшей мере, одному из них), и особенно детям. Крайне беспокоит современное положение, при котором расторгается весьма значительная часть браков, особенно среди молодежи. Происходящее становится подлинной трагедией для личности и народа.

Единственным допустимым основанием развода Господь назвал прелюбодеяние, которое оскверняет святость брака и разрушает связь супружеской верности <...>.

В 1918 году Поместный Собор Российской Православной Церкви в «Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью», признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим. В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборта при несогласии мужа».

Можно ли развенчать моего гражданского мужа с первой женой? Он уже был женат второй раз и тоже развелся. Когда он собирался жениться второй раз, ему в развенчании отказали. После этого муж перешел в католичество, я православная. Хотела бы, чтобы семья была едина в вероисповедании. Что для этого нужно?

Прежде всего Вам следует разобраться для себя в том, что такое венчание. Это не замена регистрации в ЗАГСе, не дополнение к ней и не просто красивая церемония, которую можно повторять сколько угодно раз. В таинстве Брака (Венчания) Церковь благословляет жениха и невесту на совместную жизнь, на рождение и воспитание детей, при этом супруги обещают Богу, что они будут верны друг другу всю жизнь. С этого момента они уже не два разных человека, но «единая плоть», которую не может и не должен пытаться разлучить никто из людей.

Церковные таинства не имеют обратной силы, поэтому по канонам Церкви никаких «развенчаний» не предусматривается. Церковь может только со скорбью констатировать тот факт, что брак распался ввиду, например, неверности одного из супругов. В случае если одна из сторон не виновата, ей разрешается повторный церковный брак.

Для Вашего, как Вы пишете, «гражданского мужа», это уже третья попытка создания семьи. И поскольку Вы пишете, что «ему в развенчании отказали», я полагаю, что он и был той стороной, которая виновна в разрушении брака, и теперь уже не одного.

Для того чтобы семья была едина в вере, я могу Вам посоветовать только одно: прочитать Евангелие, познакомиться с жизнью Церкви, принести покаяние в грехах, одним из которых является так называемый «гражданский брак» — сожитительство, которое не является браком ни с точки зрения Церкви, ни с точки зрения государственного гражданского законодательства. Предупреждая людей об этом, Церковь поступает при этом не как «враг простого человеческого счастья», а скорее, как опытный врач, который знает, что люди, которые ведут греховный образ жизни, наносят тем самым себе и друг другу тяжелые и опасные раны.

Обратитесь с прошением в каноническую комиссию той епархии, на территории которой проживаете. В исключительных случаях Церковь может благословить третий брак. Если же, по рассмотрении всех обстоятельств, каноническая комиссия и правящий архиерей епархии придут к выводу, что это невозможно, смиритесь с этим и ограничьтесь заключением реального гражданского брака (в ЗАГСе), который также признается Церковью. Находясь в таком браке, Вы сможете вести церковную жизнь, участвуя в таинствах Покаяния и Причащения, воспитывая в вере своих детей.

Что же касается «перехода» Вашего будущего супруга в католичество, насколько можно понять из Вашего письма, из какого-то чувства протеста, мне вообще непонятен этот его шаг (непонятно, и в чем заключался этот «переход»). Для Католической Церкви без всяких оговорок возможен только один-единственный

брак, повторное венчание исключено в принципе. Православная Церковь, допуская второбрачие, снисходит к человеческой немощи, поэтому в чине венчания второбрачных читаются особые покаянные молитвы.

Моя подруга живет в гражданском браке (они с мужем не расписаны, он не разведен с первой женой). Одни священники разрешают ей причащаться, говоря, что сегодня древние каноны не действуют; другие — нет. Не в осуждение ли она причащается?

Если женщина, о которой идет речь, живет с мужчиной так называемым «гражданским браком», то есть таким, который не венчан в Церкви и не зарегистрирован в органах ЗАГСа, а тем более если этот мужчина не разведен со своей первой женой, то ни он, ни она не имеют права приступать к таинству Причастия. Такой вид отношений характеризуется как греховное блудное сожитительство, и по канонам Церкви виновные в этом подлежат отлучению на срок от 3 до 9 лет.

В каком смысле сегодня «не действуют древние каноны»? Просто к людям, которые сознают свой грех, каются в нем и стараются изо всех сил исправить свою жизнь, по снисхождению, по любви к человеку правила не применяются по всей строгости. Но совсем отменить их, конечно же, невозможно; это неправильно. И если священники так говорят и делают, значит, они просто нарушают присягу, данную ими при хиротонии. И они, и человек, приступающий к Причастию недостойно, будут отвечать за это пред Богом.

Вашей подруге надо постараться прежде всего осмыслить свою жизнь, попытаться исправить ее. Грех не перестает быть грехом оттого, что современное общество не признает его таковым, а отсутствие единомыслия у будущих супругов делает очень сомнительным благополучие их совместной жизни. Но только сам человек, помня о Боге, может сделать свой выбор.

У нас с мужем двое детей. Муж против, чтобы я работала, а у меня два образования. Где моя жизнь? Смиряться? Это есть воля Божия?

Во многом ответ на этот вопрос зависит от Вашей веры: ведь от того, как человек относится к Богу, зависит и его отношение к своей жизни и близким. Для верующей женщины нет ничего зазорного, «неполноценного» в том, чтобы посвятить свою жизнь семье — мужу и детям. Поверьте, это великий труд, который окупится сторицей. Вообще, семейная жизнь требует определенного самопожертвования от обоих супругов. И именно потому, что современные люди не умеют и не хотят жертвовать ничем даже ради своих близких, мы видим рядом с собой столько разрушенных семей.

Мой вопрос касается смешанных браков с инославными христианами. В Православной Церкви в Америке мне сказали, что такие браки освящаются Церковью при условии, что венчание происходит в православном храме, дети воспитываются в православной вере и супруг(а) с уважением относятся к ней.

Какого мнения придерживается Русская Церковь по этому вопросу? Могут ли отказать в благословении таких браков при соблюдении этих условий?

Действительно, есть такая традиция. Мы знаем, что в России члены Августейшей Фамилии вступали в брак с представителями других европейских династий, и если супруга наследника престола всегда принимала Православие, то для других членов царской семьи этот шаг не был обязательным. Тогда в Русской Православной Церкви и сложились именно такие правила, о которых Вы пишете.

И сегодня при соблюдении таких условий браки разрешаются, но все же предпочтительнее создавать семью, в которой есть общность веры. Если этой общности нет, как показывает опыт, это рано или поздно становится источником проблем и даже конфликтов, особенно если хотя бы один из супругов относится к своей вере всерьез.

Мои родители любили выпить. Я, будучи ребенком, очень переживала. Они умерли, не дождавшись старости. Сейчас мне 59 лет, и страдания мои продолжаются: мой муж и сын тоже любят выпить. Сын при этом становится неуправляемым. Если Господь подает мне это во спасение и я должна нести свой крест, то как же мне помочь моим самым близким и любимым родным — мужу и сыну? Что я должна сделать, чтобы их спасти?

Прежде всего за них нужно молиться — постоянно, с любовью и сердечной болью за них. Такая молитва не остается без ответа.

Только собственными человеческими усилиями привести человека к вере, насильно заставить его изменить свою жизнь невозможно. Один человек не может отвлечь от греховного пути другого человека, который сам, по собственному произволению по этому пути идет. Даже Бог отступает перед человеческой свободой. Поэтому и существует очень верное древнее выражение: «Бог может все, кроме одного — спасти человека без самого человека».

Но в то же время мы должны молиться о врачевании и освящении своих близких. И еще: надо делать все, чтобы в моменты раскаяния, в моменты, когда человек осознает, что с ним происходит, он находил бы в Вас тепло и поддержку, а не упреки: «Я же говорила... Еще хуже будет...», чтобы мог бы получить какое-то успокоение душевное в Вашем обществе; чтобы примером всей своей жизни, примером своего отношения к людям, происходящим событиям, Вы показывали бы своим родным, что можно жить по-другому.

Мы с мужем живем в браке 14 лет. Брак венчанный. Детей нет, всю нашу совместную жизнь мы делали все, что нам рекомендовали врачи. В итоге врачи рекомендовали мне искусственное оплодотворение. Возможно ли получить благословение на такую процедуру? Батюшка посоветовал мне съездить в Алатырь к отцу Иерониму...

Я бы не советовал вам ездить «в Алатырь к отцу Иерониму» за благословением на эту процедуру.

Вопрос о том, прибегать или не прибегать к ней, следует решать только с Вашим духовником — священником, который знает все обстоятельства Вашей жизни, у которого члены Вашей семьи исповедуются достаточно долгое время.

Церковь вполне определенно выразила свое отношение к ЭКО (методике экстракорпорального оплодотворения), так же как и другим злободневным современным проблемам, в документе под названием «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Проблема ЭКО рассматривается в разделе «Проблемы биоэтики». Так, в пункте XII.4 говорится: «Применение новых биомедицинских методов во многих случаях позволяет преодолеть недуг бесплодия. В то же время, расширяющееся технологическое вмешательство в процесс зарождения человеческой жизни представляет угрозу для духовной целостности и физического здоровья личности. Под угрозой оказываются и отношения между людьми, издревле лежащие в основании общества <...> **К допустимым средствам медицинской помощи может быть отнесено искусственное оплодотворение половыми клетками мужа**, поскольку оно не нарушает целостности брачного союза, не отличается принципиальным образом от естественного зачатия и происходит в контексте супружеских отношений».

Однако в том же разделе говорится: «**Нравственно недопустимыми с православной точки зрения являются также все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворе-**

ния, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов. Именно на признании человеческого достоинства даже за эмбрионом основана моральная оценка аборта, осуждаемого Церковью (см.: XII.2)».

А поскольку метод ЭКО чаще всего и предполагает разрушение «избыточных» эмбрионов в утробе матери, он не может считаться однозначно оправданным, приветствоваться Церковью. Бездетным супругам следует прислушаться к таким словам: «В молитвах чина венчания Православная Церковь выражает веру в то, что чадородие есть желанный плод законного супружества, но вместе с тем не единственная его цель. Наряду с «плодом чрева на пользу» супругам испрашиваются дары непреходящей взаимной любви, целомудрия, «единомыслия душ и телес». Поэтому пути к деторождению, не согласные с замыслом Творца жизни, Церковь не может считать нравственно оправданными. Если муж или жена не способны к зачатию ребенка, а терапевтические и хирургические методы лечения бесплодия не помогают супругам, им следует **со смирением принять свое бесчадие как особое жизненное призвание.** Пастырские рекомендации в подобных случаях должны учитывать возможность усыновления ребенка по обоюдному согласию супругов» («Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». XII.4).

У нас трое деток, средний сын — приемный, взят из Дома ребенка. Биологическая мать

малыша — проститутка, наркоманка. Ребенок не крещен. Говорят, что ребенок отвечает за грехи своих родителей и его нужно отмаливать. У малыша проблемы со здоровьем, будем оперировать. Хотим покрестить перед началом лечения, но воцерковленных кандидатов в крестные нет. Что посоветуете?

Один из вас, приемных родителей (для мальчика, по традиции, нужен крестный отец), вполне может стать восприемником ребенка. Это тот самый случай, когда возможно установить настоящее духовное родство. И несмотря на то, что, действительно, греховная жизнь родителей не проходит для ребенка бесследно, Господь бесконечно милостив и способен исцелить любую немощь. История знает массу примеров, когда от не самого доброго древа получались добрые плоды — выросли очень хорошие дети. Много зависит от воспитания, от того, сколько любви ребенок получит дома, в своей новой семье, а главное, — от того, смогут ли родители вырастить его христианином. Для этого вам самим надо постараться стать сознательными христианами. Читайте Евангелие, почаще бывайте в храме, познакомьтесь по-настоящему с церковной жизнью (это вовсе не так сложно, как кажется на первый взгляд), с бесценным опытом Церкви — это действительно поможет вам в воспитании детей. Молитесь за них, почаще причащайте их Святых Христовых Таин — и положитесь на волю Божию. Очень часто дети приводят родителей в храм. Может быть, не только вы поможете в жизни вашему ребенку, но и он вам.

С мужем прожили 31 год, венчанные, верующие, трое детей. В семью приехала жить свекровь, и начались скандалы. Мужу словно завязали глаза, он перестал верить семье, то есть мне, детям. Когда в семье ругань и скандал, ей становится хорошо, она ходит веселая и радостная. Муж начал поднимать руки на меня и взрослых дочерей, обзывать, мы чуть не развелись. Свекрови 76 лет, она в полном здравии и уме. Помогите, подскажите, что делать?

Ответ, который я могу дать, — только терпеть свекровь. Очень часто матери слишком «по-хозяйски» относятся к своим детям (неважно при этом, сколько им лет), даже испытывают ревность, зависть к тому порядку, к тому ладу, который есть в их семьях. Но тем не менее надо как-то терпеть ее, потому что другого выхода нет: если возможно, в чем-то уступить, сделать все возможное, чтобы расположить свекровь к себе, помолитесь о ней.

В каком-то смысле эта ситуация — испытание Вашей веры. Ведь заповеди Божии: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле* (Исх. 20, 12); *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас* (Мф. 5, 44) — даны нам без всяких оговорок и поправок на то, насколько хороши наши родители.

Я женат официально, но мы с женой не венчаны. Сам я не так давно начал воцерковляться, а жена в направлении Церкви не движется.

Недавно мой духовник сказал мне, что нам надо венчаться, что наш брак является блудным сожительством и если мы не обвенчаемся, то к Причастию меня не допустят. Я прочел немало литературы, и везде говорится, что Церковь признает нецерковный брак и не считает его блудным сожительством. Посоветуйте, как мне быть? Кого слушаться: своего духовника или Священный Синод, который в документе от декабря 1998 года указал, что такой брак не грех?

Слушаться нужно Священный Синод. Вот строки из документа, которым Церковь руководствуется в отношении современных проблем, — «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»: «Священный Синод Русской Православной Церкви 28 декабря 1998 года с сожалением отметил, что «некоторые духовники объявляют незаконным гражданский брак или требуют расторжения брака между супругами, прожившими много лет вместе, но в силу тех или иных обстоятельств не совершившими венчание в храме... Некоторые пастыри-духовники не допускают к причастию лиц, живущих в «невенчанном» браке, отождествляя таковой брак с блудом». В принятом Синодом определении указано: «Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку» (гражданскому, в данном случае — зарегистрированному по гражданскому законодательству).

Синод в данном случае основывается на словах апостола Павла: *если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим <...> Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?* (1 Кор. 7, 12–14, 16)

Духовники, которые Вам говорят противоположное, могут быть людьми благочестивыми, но, к сожалению, несколько некомпетентными. Поэтому живите в браке с Вашей супругой, но постарайтесь стать по-настоящему церковным человеком: ходите в храм, исповедуйтесь, причащайтесь, соблюдайте посты, живите по заповедям. Будем надеяться, что по Вашим молитвам за Вашу супругу она тоже придет к выводу о необходимости венчаться, причем осознанно, с пониманием того, что такое благословение Церкви на совместную жизнь и какие обязательства оно накладывает на человека. Бог да благословит Вашу семейную жизнь.

ОБ АВТОРЕ

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин (Корчагин) — управляющий Саратовской епархией Русской Православной Церкви.

Родился 31 июля 1961 г. в городе Сухуми Абхазской АССР.

В 1977—1982 гг. учился на вечернем отделении филологического факультета Абхазского государственного университета; работал экскурсоводом, преподавателем русского языка и литературы в средней школе.

В 1983—1985 гг. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации поступил в Московскую Духовную семинарию и был принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры. 21 июля 1986 г. пострижен в монашество, 7 июня 1988 г. рукоположен во иеромонаха.

В 1988 г. окончил Московскую Духовную семинарию и был направлен на учебу в Софийскую Духовную академию (в 1990 г. ей был возвращен статус богословского факультета Софийского государственного университета). В период обучения в Болгарии служил священником в русском храме во имя святителя Николая в Софии.

В 1992 г., завершив учебу, вернулся в Троице-Сергиеву Лавру, исполнял послушание помощника эконома. 15 декабря 1992 г. был назначен настоятелем Московского подворья Троице-Сергиевой Лавры.

19 августа 2003 г. в храме Христа Спасителя в Москве хиротонисан во Епископа Саратовского и Вольского.

Является ректором Саратовской православной духовной семинарии — высшего религиозного учебного заведения; председателем редакционного совета журнала «Православие и современность», членом редакционного совета журнала «Альфа и Омега».

Член Общественной палаты Российской Федерации с 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
СТАТЬИ И БЕСЕДЫ	
Беседа о современном монашестве	7
Христианство и мир сегодня	43
Самооправдание вместо самопознания	52
О новом славянском языке богослужения	63
Искушение благополучием	72
Секта как диагноз времени	87
О ревности не по разуму	93
Нужно работать над своим сердцем	102
Наша проповедь должна быть обращена к собственному народу	118
Смысл жизни — служение. <i>Слово к воспитанникам Саратовской православной духовной семинарии на начало нового учебного 2007/2008 года</i>	139
Полнота отеческой любви. <i>Памяти Святейшего Патриарха Алексия II</i>	150
Дать возможность действовать Богу	153
Нам не надо оправдываться за наших бабушек	164
Трезвение — актуальная добродетель	171
Человек боится Бога	178
Вера — это то, что взламывает чувство самоуспокоенности	188

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Церковь, общество, государство	199
Актуальные проблемы церковной жизни	238
Монашество, пастырство	261
Духовная жизнь	278
Человек в современном мире	329
Семья, взаимоотношения между людьми	350
Об авторе	364

Епископ Саратовский и Вольский
ЛОНГИН
ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ БОГА
Статьи, беседы, ответы на вопросы

Редактор *Наталья Горенок*
Оформление обложки *Ольги Алисовой*
Корректор *монахиня Евфросиния (Морозова)*
Компьютерная верстка *Елены и Михаила Ежовых*

Подписано к печати 19.04.2010.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная.
Объем 11,5 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1039.

Издательство Саратовской епархии
410056, Саратов, ул. Вольская, 55

Отпечатано в «ОАО Типография “Новости”»
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46